

ISSN 2412-8562 (print)
ISSN 2658-7777 (online)

ДИСКУРС

■ ■ ■ DISCOURSE

2/2024

ФИЛОСОФИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Санкт-Петербург
2024

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 10. № 2/2024

DISCOURSE

Volume 10. No. 2/2024

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2024

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Strkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015). Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Столетов А. И. Отрицательные последствия внедрения высоких технологий в сфере российского высшего образования	5
Скоропад Т. А. Альтруизм в интерпретации русской религиозной философии	18

СОЦИОЛОГИЯ

Кремнёв Е. В. Почему китайское «общество» так называют: как социально-управленческий дискурс на рубеже XIX–XX вв. определил выбор термина	29
Гапсаламов А. Р., Громов Е. В. Солидаризация российского общества: историографический анализ	39
Токарев А. М. Развитие берлинца как человека политического под воздействием городской культурной среды	49
Кирсанова Н. П., Глухих В. А., Гонашвили А. С., Гегер А. Э. Социальный портрет студента негосударственного вуза Санкт-Петербурга (на примере АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС»)	59

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Веселова М. В., Беседина Е. И. Английские звукоподражательные глаголы движения и их перевод на русский язык (на примере произведений Лоры Оуэн)	75
Малышева В. Н., Шумков А. А. К вопросу о теоретически возможном числе падежей в естественном языке	89
Степанова Н. В., Сигаева М. С. Репрезентация образа научного руководителя в интернет-мемах	103
Карлик Н. А. Модификация мифологических архетипов «отец» и «сын» в романе Джойса «Улисс»	117
Кочетова Л. А., Орлянская М. Н. Медиатизация ценности «экологическая безопасность» в англоязычных СМИ: корпусный подход	131
Правила представления рукописей авторами	143

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Stoletov A. I. Negative Impacts of the High-Tech Implementation in the Russian Higher Education Sector	5
Skoropad T. A. Altruism in the interpretation of Russian religious philosophy	18

SOCIOLOGY

Kremnyov E. V. Why Chinese “Society” is So Called: How Social and Managerial Discourse Caused the Choice of the Word at the Turn of the 19th and 20th Centuries	29
Gapsalamov A. R., Gromov, E. V. Solidarization of Russian Society: a Historiographical Analysis	39
Tokarev A. M. The Development of the Berliner as a Political Person under the Influence of the Urban Cultural Environment	49
Kirsanova N. P., Glukhikh V. A., Gonashvili A. S., Geger A. E. Social Portrait of a Student of a Non-State Higher Education Institution of St. Petersburg (on the Example of AN HEO “University associated with IA EAEC”)	59

LINGUISTICS

Veselova M. V., Besedina E. I. English Onomatopoeic Verbs of Motion in Literary Works by Lora Owen and Their Translation into the Russian Language	75
Malysheva V. N., Shumkov A. A. On the Theoretically Possible Number of Cases in a Natural Language	89
Stepanova N. V., Sigaeva M. S. Representation of a Scientific Supervisor in Internet-Memes	103
Karlik N. A. The Modification of Mythological Archetypes “son” and “father” in Joyce’s Novel “Ulysses”	117
Kochetova L. A., Orlayskaya M. N. Mediatization of the Ecological Security concept in the English media: corpus-assisted approach ...	131

Оригинальная статья
УДК 130.2; 17; 304.2; 378
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-5-17>

Отрицательные последствия внедрения высоких технологий в сфере российского высшего образования

Анатолий Игоревич Столетов

*Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия,
aistoletov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7914-2500>*

Введение. Институт образования в современном обществе переживает серьезную трансформацию, связанную с широкомасштабным внедрением высоких технологий, что обусловлено аналогичным процессом в постиндустриальном обществе в целом. Наряду с пониманием объективной необходимости такой трансформации растет и понимание негативных последствий цифровизации общества и образования. Статья содержит анализ отрицательных последствий и проблем, возникающих в ходе распространения цифровизации высшего образования в России.

Методология и источники. Основой методологии работы выбраны методы сравнительного анализа и экстраполяции трансформаций социальной среды и антропологических факторов под воздействием технологического прогресса на область высшего образования. В качестве концептуальной основы анализа влияния высоких технологий на образование использованы признаки «отравления высокими технологиями», рассмотренные Дж. Нейсбитом в книге «Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла», а также авторская концепция экстенсивного и интенсивного типов креативности.

Результаты и обсуждение. Рассмотрены семь симптомов технологического отравления в высшей школе, представляющих основные риски современной образовательной системы, их проявления в образовательном процессе и перспективы при сохранении существующей тенденции. Одним из источников проявления этих симптомов является экстенсивный характер креативности, присущий научно-технологической деятельности общества, делающего ставку на инновационное развитие и освоение материальных аспектов природы. Техногенный характер складывающегося инновационного процесса нивелирует виды деятельности, связанные с интенсивным типом креативности, направленным на смыслосозидающую и экзистенциальную стороны человеческого существования.

Заключение. Минимизация негативных последствий предполагает усиление гуманитарной составляющей в образовании, позволяющей сформировать культуру «паузы созерцания» (Григорий Померанц), в которой технология приобретет, как это предполагал сам Дж. Нейсбит, смысловое наполнение, выходящее за рамки инструментальных ценностей в область этических и экзистенциальных.

Ключевые слова: философия образования, высшее образование, высокие технологии, отравление высокими технологиями, интерактивные технологии, смарт-технологии, искусственный интеллект (ИИ)

© Столетов А. И., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Столетов А. И. Отрицательные последствия внедрения высоких технологий в сфере российского высшего образования // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-5-17.

Original paper

Negative Impacts of the High-Tech Implementation in the Russian Higher Education Sector

Anatoliy I. Stoletov

*Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia,
aistoletov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7914-2500>*

Introduction. The institute of education in modern society is currently in the process of serious transformation associated with the large-scale introduction of high technologies, which is due to a similar process in post-industrial society as a whole. There is a growing understanding of the negative consequences of digitalization of society and education along with the understanding of the objective necessity of such transformation. The article contains an analysis of the negative consequences and problems arising in the course of the spread of digitalization of higher education in Russia.

Methodology and sources. The methodology of the research is based on the methods of comparative analysis and extrapolation of transformations of social environment and anthropological factors under the influence of technological progress in the field of higher education. The signs of “high technology poisoning” considered by J. Naisbitt in his book “High Tech – High Touch: Technology and Our Search for Meaning” and the concept of extensive and intensive types of creativity formulated by A.I. Stoletov are a conceptual basis for analyzing the impact of high technology on education.

Results and Discussion. Seven symptoms of technological poisoning in higher education, representing the main risks of the modern educational system, their manifestations in the educational process and prospects in case the existing trend persists, have been considered. One of the sources of manifestation of these symptoms is the extensive character of creativity inherent in scientific and technological activity of the society, which stakes on innovative development and mastering of material aspects of nature. The technogenic character of the emerging innovation process levels out the activities associated with the intensive type of creativity, aimed at the meaning-creating and existential aspects of human existence.

Conclusion. Minimization of negative consequences presupposes the strengthening of the humanitarian component in education, allowing to form a culture of “pause of contemplation” (Grigory Pomerantz), in which technology will acquire, as it was suggested by J. Naisbitt himself, a fullness of meaning that goes beyond instrumental values into the realm of ethical and existential ones.

Keywords: philosophy of education, higher education, high technologies, high technology poisoning, interactive technologies, smart technologies, artificial intelligence (AI)

For citation: Stoletov, A.I. (2024), “Negative Impacts of the High-Tech Implementation in the Russian Higher Education Sector”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-5-17 (Russia).

Введение. Современное общество, его возникновение и развитие во всех аспектах (социальном, человеческом, планетарном, физическом, психическом, нравственном и т. д.) сопровождается появлением и распространением высоких технологий, т. е. технологий, нераз-

рывно связанных с фундаментальными научными исследованиями и содержащих научное знание как важный элемент структуры, а также с цифровыми технологиями производства, трансляции и сохранения информации. На сегодняшний день существует уже множество исследований, посвященных как теме влияния технологий на отдельного человека, так и на состояние общества в целом. Автору этого исследования по роду его деятельности ближе всего сфера образования, в которой технологизация также проявляется все активнее, информационно-коммуникационные технологии все сильнее трансформируют как структуру образовательного института или состояние его элементов, так и характер процессов в образовательной среде.

В рамках этого исследования и его направленности понятие «высокие технологии» содержательно совпадает с понятием цифровых образовательных технологий или аналогичным по выражению. Учитывая более широкую сферу применения высоких технологий в целом, далее под высокими технологиями мы будем иметь в виду преимущественно их образовательные формы. Но не только высокотехнологический уклад постиндустриального общества оказывает влияние на сферу образования как непосредственно – через цифровизацию образования и науки, так и опосредованно, – через трансформацию иных сторон и процессов социальной системы: личностную и коллективную психологию; демографию; культуру коммуникации; экономические процессы, нуждающиеся в квалифицированных трудовых ресурсах и т. д.

На основании сказанного неизбежно возникает ряд вопросов относительно влияния высоких технологий на образование: каков характер и результаты проникновения высоких технологий в образовательную среду; можно ли оценить происходящие изменения как вариант нормы или мы становимся свидетелями развития болезни и деградации системы в целом; каковы критерии оценки этих процессов и новых состояний и т. д.

Методология и источники. Такого рода вопросы привлекают серьезное внимание исследователей [1–10]. Поскольку высокие технологии, применяемые в образовательной среде, достаточно разнообразны: это и интерактивные технологии [2], и технологии дистанционного обучения [4, 5], и более широкие смарт-технологии, интегрирующие в себя как технологии коммуникации участникам процесса, так и организацию и наполнение этого процесса соответствующими знаниями, умениями и навыками [6, 7]. Выводы этого исследования могут частично пересекаться с выводами предшественников. Вместе с тем исследования предшественников сосредоточены большей частью на анализе отдельных технологических аспектов образовательного института. Учитывая объем и сложность этой темы, а также довольно хорошо исследованные положительные эффекты применения информационных технологий, сосредоточимся на таком аспекте, как негативные последствия высокой технологичности современного образования. В списке деструктивных моментов отчетливо фигурируют такие, как использование высоких технологий как критерия эффективности работы образовательного института и его подсистем [8, 9], дисбаланс в оснащенности учреждений современными технологическими инструментами и готовность к использованию этих возможностей [2, 3, 10], дегуманизация педагогического процесса, ведущая к снижению мотивированности участников и общей результативности их деятельности [5, 10]. Тем не менее оказался упущенным ряд последствий и деструктивных перспектив, касающихся

не только вторжения высоких технологий в образование, но технологизации общества в целом. Социальный институт образования, будучи составной частью социальной системы, из-за своей внутренней специфики неизбежно ощущает на себе последствия развития технологий не фрагментарно, а целостно. На его состоянии отражается общее состояние высокотехнологичного общества, которое Зигмунт Бауман определил как «текучую современность», отмечая, что устойчивая для прошлых состояний общества реальность сменяется реальностью со стертыми границами и ориентирами, и зло, ранее имевшее довольно определенные источники и выражения, теперь становится зыбким и неопределенным, как бы рассредоточенным по трансформирующейся системе, в том числе, благодаря информатизации и роботизации, уничтожающих основы прежних форм солидарности в обществе [11]. Джон Нейсбит еще в прошлом веке характеризовал это общество как отравленное высокими технологиями и выделил ряд симптомов отравления [12, с. 10–36].

Результаты и обсуждение. Рассмотрим, как эти симптомы проявляются в системе образования.

«Мы предпочитаем быстрые решения во всех областях – от религии до здорового питания». В современном информационном обществе с его быстрыми темпами и доступом к огромному объему информации в образовательных процессах может возникать стремление к мгновенным и упрощенным решениям. Учащиеся и педагоги из-за необходимости успевать за социальными изменениями склонны сосредоточиться на достижении быстрых результатов и использовать готовые ответы и подходы вместо того, чтобы глубже анализировать и критически мыслить. В некоторой степени этому способствует оптимизация образовательных курсов и ускорение обучения в связи с тем, что дефицит времени на подготовку при увеличении объема информации, необходимого для усвоения, требует интенсификации образования и, как следствие, применения высоких технологий как самого простого решения проблемы.

Еще одной гранью этого симптома отравления является несоответствие возможностей цифровой среды и развития мышления. Это выражается, в частности, в том, что, имея в своем распоряжении огромный массив информации, на базе которой можно создать уникальную работу (реферат, эссе, статью, выпускную работу), студенты готовят тексты, как две капли воды, похожие друг на друга, взятые из небольшого круга наиболее популярных источников, выдаваемых поисковой системой в интернете. Аналогичная ситуация складывается и с научной работой преподавателей, которым нередко помогает писать их работы связка операций «копировать/вставить», что создает невероятно разросшуюся в России проблему научного и учебного плагиата. Ведь куда проще при помощи существующих ныне возможностей найти способ обойти проверку на антиплагиат, чем заниматься умственно и психологически затратным творчеством.

Особой темой в свете прогресса искусственных нейросетей в течение последнего года является перспектива слишком многое доверить искусственному интеллекту в образовательных процессах, о чем и поразмышляем.

«Мы испытываем страх перед технологией и преклоняемся перед ней». Подобно тому, как неоднозначно отношение к технологическому прогрессу в современном обществе, так и в образовательной среде преподаватели и студенты оценивают перспективы технологизации в вузах по-разному. Если молодежь в целом с энтузиазмом относится к технологи-

ческим нововведениям, потому что они росли среди гаджетов, а вот в преподавательской среде эмоции колеблются от положительных до крайне негативных. Часть преподавателей – особенно возрастных – с трудом осваивает высокотехнологичные образовательные инструменты, боятся их применять, игнорируют насколько это возможно, полагая, что технологический прогресс в области образования сам по себе способен привести к деградации этого института.

В то же время другие преклоняются перед технологиями и придают им слишком большую значимость, полагая, что они могут решить все проблемы в образовании без должного внимания к глубоким педагогическим принципам и человеческому взаимодействию. Такой оптимизм нередко провоцирует на внедрение новых образовательных инструментов и платформ без должной подготовки как психологической и организационной, так и технической, что может провоцировать формальное отношение к их использованию и неоднозначные результаты. Например, массовое внедрение дистанционного обучения и электронных дисциплин в период пандемии 2019–2021 гг. выявило ряд проблем:

1. Специфичность трансляции и восприятия информации в дистанте. Контакт между преподавателем и студентами ослаб, пассивность студенческой аудитории во время онлайн-конференций была значительно выше, чем на аудиторных занятиях, а средств воздействия на обучающихся со стороны преподавателя оставалось меньше;

2. Недостаточность технической составляющей процесса. Значительной была доля участников образовательного процесса, не обладавших необходимой техникой (устройствами связи, качественным интернет-соединением) и пользовательскими навыками;

3. Психологическая неготовность к подобному формату ведения занятий. Совмещение рабочего и личного хронотопа создавало у многих постоянную стрессовую ситуацию.

Очевидно, что сегодня образовательная система сталкивается с новым вызовом в виде искусственных нейросетей, способных кардинальным образом переформатировать нашу среду, привести к необходимости интеграции систем искусственного интеллекта в процесс обучения. Это порождает новый виток, с одной стороны, страхов перед грядущей «нейронизацией», заменой части преподавателей и работников образовательной среды на системы ИИ, а с другой – надежд на новые возможности и качественно новый уровень обучения. В среде преподавателей и исследователей идет активное обсуждение подобных перспектив. Вот некоторые из направлений мысли, определяющих в рамках этой проблематики ключевые аспекты будущего: эволюция систем обучения и образования, изменение роли педагогов, влияние ИИ на анализ и оценку, этические и социальные аспекты, будущее работы и возможности трудоустройства, персонализированное обучение, цифровая грамотность и интеграция ИИ, ИИ как продолжение человеческого мозга, роль человеческих характеристик в функциональности генеративных систем [13].

«Мы перестали различать реальность и фантазию». В связи с развитием информационных технологий и доступностью цифровых средств обучения учащиеся сталкиваются с большим объемом информации, включая и недостоверные элементы. Это может привести к сложностям в различении реальных фактов и мнений, фантазий и вымысла. Некритическое отношение к информации влияет на способность учащихся анализировать и оценивать ее достоверность и качество, что, как уже говорилось, может отразиться на качестве их образования.

Возникает новая, высокотехнологичная форма наивности – цифровая, подразумевающая неспособность субъекта критически оценивать и глубоко анализировать массив информации, доступный ему в киберпространстве, отсутствие функциональной цифровой грамотности.

Общий кризис критического мышления современности усугубляется развитием новых технологий в области нейросетей. Возникает искушение переложить часть интеллектуальной работы на программную среду, которая и работает быстрее, и обладает доступом к несопоставимой с человеческим субъектом базе данных. Автору этих строк, как уже многим работавшим с генеративными нейросетями, довелось лично удостовериться в том, что они (например, ChatGPT) способны генерировать логически и лингвистически связный контент, не имеющий ничего общего с объективной реальностью. Например, при анализе темы давать отсылки к несуществующим публикациям несуществующих авторов, оформленным так, что лишь непосредственная проверка поиском показывает, что их не существует.

Еще одним аспектом этого признака отравления является совсем недавно обнаруженная особенность систем ИИ, состоящая в том, что увеличение объема данных, сгенерированных другими нейросетями, в массивах информации, на которых обучаются нейросети, приводит к их коллапсу. Коллапс нейросети означает, что обученная таким образом модель неверно интерпретирует объективную реальность, основываясь на своих устоявшихся представлениях, из которых исчезают более редкие элементы и свойства реальности, уступая место чаще используемым частотным [14]. Вывод из подобной особенности генерирующих моделей достаточно очевиден: при все более широком использовании таких систем мы будем иметь дело со все более искаженной реальностью и все более сужающимся информационным пузырем.

Нельзя не сказать и о следующих катастрофических последствиях отравления высокими технологиями в рамках третьего симптома:

- проблематичность экспертной оценки: размытость критериев экспертности;
- имитационный характер образования – понимание заменяется формированием компетенций;
- зыбкость фундамента знания обучающегося в случае неспособности студента понимать необходимость проверки данных и отсутствие привычки и навыков верифицировать информацию.

«Мы принимаем насилие как норму жизни». Современные технологии, включая различные медийные платформы и видеоигры, могут содержать насилие или агрессивный контент. Если учащиеся часто подвергаются воздействию такого материала без должной медиа-грамотности и педагогического сопровождения, они могут начать принимать насилие как норму жизни. Это может сказаться на их поведении и отношениях в образовательной среде, проявляться в агрессивности, неприятии различий и нарушении норм сотрудничества и социального взаимодействия. Важно создавать безопасное и здоровое образовательное пространство, где принципы ненасилия и эмоциональной безопасности входят в число базовых принципов обучения.

Другой стороной этого симптома в вузах становится то, что применение цифровых технологий в образовании с недавних пор обязательный элемент. Применение, например, дистанционного обучения необходимо в соответствии с новым образовательным стандартом. Все шире применяются онлайн-курсы и формат онлайн-занятий. Учебным заведениям и преподавателям не оставляют выбора применять или нет высокотехнологичные инструменты в работе. Это

представляет собой мягкую форму насилия, приучающую либо имитировать применение высоких технологий ради «галочки», либо привыкать к насилию в новых, высокотехнологичных условиях в том случае, когда это применение не является следствием внутренне мотивированного решения. Ответственные лица, убежденные в эффективности процесса на основе количественных показателей, в желании усилить «положительный эффект» вводят новые требования к применению технологий и новые количественные показатели эффективности. Возникает имитационный замкнутый круг. Имитационность в деятельности участников образовательных отношений все больше напоминает гибридные войны современности, как было показано в одном из исследований [15], и внедрение новых технологий отнюдь не всегда способно разорвать этот цикл, а порой является одним из его источников.

Вот лишь несколько достаточно очевидных последствий, сопровождающих высокотехнологичное образовательное насилие в России сегодня:

- оформление документации в цифровом формате при сохранении бумажного увеличивает нагрузку на работников высшей школы;

- сбор персональных данных обретает форму все более жесткого контроля посредством цифровых средств и цифрового следа, оставляемого любым пользователем. Насилие здесь состоит в том, что практически все сложнее и сложнее избежать предоставления о себе цифровых данных, которые не только часто слабо защищены от утечек и краж, но иногда приобретают коммерческую окраску для тех, кто имеет к ним доступ по долгу службы;

- необходимость размещать учебный контент в цифровой образовательной среде, генерировать и настраивать высокотехнологичные учебные курсы требует немало времени, которое нередко недостаточно учитывается в нагрузке ППС;

- при слабо развитой технологической базе и малой технической оснащенности студентов обращение к высокотехнологичным формам обучения, создавая проблемы для всех участников образовательного процесса, порождает мешающий обучаться и работать негативный эмоциональный фон;

- с другой стороны, быстрая смена технологического уклада образовательных процессов в совокупности с растущей бюрократизацией неизбежно приводит к отставанию преподавательского состава от волны изменений, и они оказываются не в состоянии соответствовать требованиям более продвинутых в техническом плане обучающихся, тормозя их развитие. Такое несоответствие тоже представляет собой мягкую форму насилия.

«Мы любим технологию, как дети любят игрушки». Современные образовательные технологии, предполагающие широкое использование гаджетов, создают риск зависимости от них. Учащиеся проявляют интерес и энтузиазм к использованию технологий в учебном процессе, как к новым игрушкам. Развлекательный аспект этих технологий более притягателен, чем образовательный. В отсутствие развитой информационной культуры личности нелегко сосредоточиться на получении системных знаний, поскольку при обилии информации в гиперссылочной структуре данных вниманию свойственно рассеиваться. В таких случаях важно обеспечить баланс между использованием технологий и активным обучением, чтобы гарантировать, что они служат реальным образовательным целям и достижению учебных результатов.

Отметим также, что современные информационные технологии увеличивают возможности геймификации в учебных курсах, что позволяет усилить вовлеченность обучающихся

в процесс получения образования и мотивацию. Но геймификация обладает и обратной стороной. Как тренд она связана с первым симптомом, поскольку очевидные преимущества игровой формы провоцируют на применение этого подхода в образовании, несколько гиперболизируя ее преимущества. Чрезмерное увлечение геймификацией чревато созданием ощущения несерьезности самого процесса получения знаний у студентов, подменой образования развлечением. Как элемент обучения геймификация может приносить вполне неплохие результаты, если бы не разница между виртуальным миром с его обратимостью и большей степенью воспроизводимости, когда в случае неудачи можно просто загрузить предыдущее сохранение и пройти неудачный отрезок игры, исправив ошибку, и объективной реальностью, которая часто не предоставляет таких возможностей. Кроме того, привычка к получению удовольствия создает сложности в формировании самоконтроля, необходимого для решения жизненных проблем. Поэтому использование таких элементов не должно нарушать определенный баланс классических и высокотехнологичных методов обучения, особенно в сфере высшего образования.

Автору этих строк пришлось столкнуться с проблемами геймификации в процессе преподавания в одной из учебных групп. После окончания практического занятия по одной из тем учебной дисциплины в игровой форме, на следующем занятии, студенты высказали просьбу применять формат игры и дальше. Необходимость смены режима обучения они аргументировали тем, что так им проще воспринимать материал и веселее работать. Но можно ли каждый раз прибегать к геймификации в тех случаях, когда возникают проблемные ситуации или сложности в восприятии данных?

«Наша жизнь стала отстраненной и рассеянной». Со множеством технологических устройств и цифровых медиа, доступных в образовательной среде, учащиеся и педагоги могут столкнуться с проблемой отстраненности и рассеянности. Постоянное присутствие смартфонов, уведомления и информационный шум отвлекают и снижают концентрацию. Возникают трудности с глубоким погружением в учебные материалы, развитием устойчивого внимания и долгосрочной памяти, что порождает затруднения в поддержании внимания и участия учащихся. Важно создавать структурированные и поддерживающие образовательные среды, где развитие внимания, фокуса и глубокого мышления становятся приоритетом, а технологии используются как инструменты для улучшения обучения и социального взаимодействия, но не являются самоцелью.

В отношении преподавателей отстраненность друг от друга, от студентов и учебного процесса возникает при перегрузке, обусловленной увеличением темпа процессов в образовательной системе, влияющей и на психологическую устойчивость, и на продуктивность работы, и на мотивацию.

Внедрение высоких технологий, способных заменять часть персонала, приводит к оптимизации кадров. Оптимизация кадров увеличивает объем работы, приходящийся на отдельного преподавателя, что может приводить к выгоранию, невозможности и неспособности уделять время повышению собственного уровня профессионализма.

Высокотехнологичность образовательных процессов увеличивает требования к выполнению работы в режиме многозадачности. Однако в отличие от компьютерного многоядерного про-

цессора человеческий мозг не многоядерен, и его эффективность падает при решении нескольких задач одновременно, поскольку все равно сводится к последовательности задач, между которыми сознание субъекта вынуждено постоянно переключаться, теряя коэффициент полезного действия при переключении [16]. Такой режим работы долго выдерживать тяжело, и это тоже один из источников рассеянности людей, имеющих отношение к образовательной среде.

Есть серьезные предпосылки для постановки проблемы цифрового истощения современного человека [17]. Специфическими чертами нового поколения, выросшего в высокотехнологичной среде (iGEN), являются чувства одиночества и депрессивности [18]. Сочетание коротких видео и быстрого переключения контекста в современных социальных сетях снижает некоторые когнитивные параметры: ухудшает запоминание и выполнение отдаленных по времени задач [19].

«Самое опасное из всех обещаний, которые дает нам высокая технология, – это обещание сделать наших детей умнее». Иллюзия прогрессивности общества, владеющего высокими технологиями, заражает верой в то, что технологизация обучения гарантирует более высокий уровень личностного развития, словно владение смартфоном, умение управлять дроном или писать компьютерные программы делает человека умнее, добрее и эмпатичнее. Но привлечение высоких технологий в образовательный процесс не гарантирует ни повышения уровня образованности, ни, тем более, повышения уровня культуры или способности решать фундаментальные проблемы. Задумываясь о перспективах человечества, Григорий Померанц писал: «Одна из проблем, которую нельзя решить высокоточными ракетами, – миллиарды недорослей, недоучек, недоразвитков. Примитивные народы умели воспитывать своих мальчиков и девочек. Простая культура целиком “влезала” в одну голову, и в каждой голове были необходимые элементы этики и религии, а не только техническая информация. Культура была духовным и нравственным целым. Естественным примером этой цельности оставались отец с матерью. Сейчас они банкроты. Тинэйджер, овладевший компьютером, считает себя намного умнее деда, пишущего авторучкой. Мир изменился, каждые пять лет он другой, и все старое сбрасывается с корабля современности. Растут миллиарды людей, для которых святыни, открывшиеся малограмотным пастухам, не стоят ломаного гроша. Полчища Смердяковых, грядущие гунны, тучей столпились над миром. И они в любой день готовы пойти за Бен Ладеном или Баркашовым» [20]. Он был убежден, что умение держать паузу созерцания, в которой рождаются смыслы, это один из рецептов от скатывания к общечеловеческой катастрофе.

Общество в наши дни нуждается в большом количестве нестандартно мыслящих людей, творческих личностях, растущем креативном классе [21], поскольку инновационная экономика неразрывно связана с образованными людьми, способными создавать новые технологии, улучшающие жизнь, дающие комфорт и упрощающие решение проблем. Образование – источник таких людей – способно отвечать на вызовы времени при условии, что оно само будет современным. Но основа творческой активности – креативность – может быть как интенсивной по характеру, так и экстенсивной [22, с. 49–50]. Инновационный вектор современной глобализированной цивилизации опирается на научно-технологическую деятельность, связанную с экстенсивным типом креативности, для которого характерна редукция этичес-

кого компонента и пренебрежение к экзистенциальным аспектам существования человека. Стремление и необходимость создавать все более и более сложные технологические системы и осваивать мир, находящийся вне субъекта, не оставляет места для смысложизненной активности, рождающейся в интенции, характерной для интенсивной креативности, которая служит почвой для формирования личностных структур. Результатом отмеченной особенности нашего времени становится экзистенциальный кризис, уже многократно отмеченный разными мыслителями в связи с разными аспектами социальной жизни. В самое ближайшее время нам предстоит увидеть, случайным ли является резкое падение показателей уровня знаний школьников, отмеченных в проводимых с начала текущего века международных исследованиях [23], или это закономерное следствие трансформации социальной среды.

Заключение. В эпоху разрушения старых социальных институтов и несформированности новых именно образование играет одну из главных ролей в формировании устойчивости общества. Но, как мы видим, оно само находится в состоянии тяжелого отравления. Институциональный кризис неизбежно сказывается и в этой области. И вопрос в том, есть ли противоядие.

В идеях отечественного историка и культуролога оно проглядывает. Можно было бы усомниться в «паузе созерцания», но Джон Нейсбит, ставший основой для структуры этого исследования, являясь частью совершенно другой культуры, сходным образом полагает, что изменить ситуацию можно в том случае, когда технология станет нести в себе смысл для человека и перестанет быть лишь инструментальной ценностью, способной решать чисто технические задачи.

Привнести смысл в технологию, как это предполагает Джон Нейсбит, означает дополнить экстенсивную креативность технической подготовки интенсивной креативностью гуманитарного образования, направленного на формирование мировоззрения, выращивание личности прежде всего, а не просто эффективного работника, с определенным набором компетенций. Это достижимо в том случае, если в образовательной среде установится баланс между технологическим и гуманитарным аспектами, поскольку именно гуманитарная сфера «работает» со смыслами, может учить «паузе созерцания». Безусловно, немаловажным является не формальный подход к таким изменениям в образовательных программах, когда опираются на количественные показатели в виде цифр в учебных проектах, планах и регламентирующей документации, а осознанное стремление к решению проблемы отравления высокими технологиями, обоснованное пониманием его источников. Необходимо перформатировать преподавание не только дисциплин гуманитарного цикла, но и постоянно искать подходящие формы синтеза этого цикла с узкоспециальными курсами подготовки специалистов технической и естественнонаучной направленности.

Другим важнейшим аспектом является преподаватель, который должен не просто владеть технологией, но и обладать ярко выраженным личностным началом, способным дать образец человеческого поведения обучающимся. К сожалению, в российском образовании гуманитарные дисциплины все больше приносятся в жертву функционально-технологической подготовке, а то, что остается, все сильнее загоняется в жесткие рамки идеологической работы, губительной для созерцания и работы со смыслами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цифровые компетенции современного педагога / О. Г. Шагалова, Г. И. Зиннатуллина, Ю. Б. Лунева, Н. С. Стрельцова // Известия Балтийской гос. академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2022. № 3 (61). С. 109–113. DOI: 10.46845/2071-5331-2022-3-61-109-113.
2. Сукиасян А. М. Интерактивные образовательные технологии как инструмент формирования игротехнической компетенции педагога: синергетический подход // Вестн. Северо-Кавказского фед. ун-та. 2021. № 4 (85). С. 208–215. DOI: 10.37493/2307-907X.2021.4.26.
3. Розанова А. А., Розанов Ф. И. Проблемы цифровизации современной образовательной системы // Труды БрГУ. Сер. Экономика и управление. 2021. Т. 1. С. 142–145.
4. Детерминированность информационного общества и образовательной системы: возможности повышения академических результатов в условиях дистанционного обучения / О. Н. Коломыцева, А. М. Стативка, Шуцзинь Дин, В. И. Стативка // Science for Education Today. 2021. Т. 11, № 2. С. 102–121. DOI: 10.15293/2658-6762.2102.05.
5. Дерюга В. Е. Возможности и риски применения цифровых образовательных технологий // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11, № 3 (43). С. 41–50.
6. Рыбичева О. Ю. Перспективы внедрения смарт-технологий в образовательный процесс // Вестн. ВятГУ. 2019. № 4. С. 76–84. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.058.
7. Днепровская Н. В. Система управления знаниями как основа смарт-обучения // Открытое образование. 2018. Т. 22, № 4. С. 42–52. DOI: 10.21686/1818-4243-2018-4-42-52.
8. Высокие технологии и трансформация системы образования: конструктивность и деструктивность / Р. В. Каменев, В. В. Крашенинников, М. Фарница, М. А. Абрамова // Вестн. НГПУ. 2018. Т. 8, № 6. С. 104–119. DOI: 10.15293/2226-3365.1806.07.
9. Абрамова М. А., Каменев Р. В., Крашенинников В. В. Высокие технологии: влияние на социальные институты и применение в профессиональном образовании. Новосибирск: Манускрипт, 2018.
10. Храпов С., Баева Л. Цифровизация образовательного пространства: эмоциональные риски и эффекты // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 16–24. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-16-24.
11. Бауман З., Донскис Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив / пер. с англ. А. И. Самариной. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.
12. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: технологии и наши поиски смысла / пер. с англ. А. Н. Анваера. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
13. Firat M. What ChatGPT means for universities: Perceptions of scholars and students // J. of Applied Learning & Teaching. 2023. Vol. 6, no. 1. DOI: 10.37074/jalt.2023.6.1.22.
14. The Curse of Recursion: Training on Generated Data Makes Models Forget / Shumailov I. et al. URL: <https://arxiv.org/pdf/2305.17493> (дата обращения: 05.08.2023).
15. Столетов А. И. Гибридное образование в России: взгляд гуманитария // Развитие социогуманитарного знания в меняющемся мире: сб. ст. Национ. конф., Саратов, 05–06 декабря 2018 г. / Вавиловский ун-т. Саратов, 2019. С. 52–57.
16. Gazzaley A., Rosen L. D. The distracted mind: Ancient brains in a high-tech world. Cambridge, MA: MIT Press, 2016.
17. Liman Kaban A., Kaynar N. Too much screen? An Exploratory examination of digital exhaustion of educators in Türkiye // Turkish Online Journal of Distance Education. 2023. Vol. 24, № 1. С. 54–73. DOI: 10.17718/tojde.1071640.
18. Twenge J. M. iGEN: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy-- and completely unprepared for adulthood and (what this means for the rest of us). NY: Atria Books, 2017.

19. Short-Form Videos Degrade Our Capacity to Retain Intentions: Effect of Context Switching On Prospective Memory / F. Chiossi, L. Haliburton, C. Ou, et al. // CHI '23: CHI Conference on Human Factors in Computing Systems, Hamburg, 23–28 April, 2023, pp. 1–15. DOI: 10.1145/3544548.3580778.

20. Померанц Г. Пауза созерцания. URL: https://nowimir.ru/DATA/040031_1.htm?ysclid=lkx5lj7h7w737517444 (дата обращения: 05.08.2023).

21. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика-XXI, 2007.

22. Столетов А. И. Сущность креативности и ее типы // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 4 (17). С. 43–52.

23. PISA 2022. URL: <https://www.oecd.org/publication/pisa-2022-results/> (дата обращения: 25.12.2023).

Информация об авторе.

Столетов Анатолий Игоревич – доктор философских наук (2010), доцент (2012), профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета, ул. 50-летия Октября, д. 34, Уфа, Республика Башкортостан, 450001, Россия. Автор 107 научных публикаций. Сфера научных интересов: философские проблемы творчества, философская антропология, взаимодействие социальной системы и научно-технологического прогресса.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 07.01.2024; принята после рецензирования 27.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Shagalova, O.G., Zinnatullina, G.I., Luneva, Yu.B. and Streltsova, N.S. (2022), "Digital Competencies of a Modern Teacher", *The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy. Psychological and Pedagogical Sciences*, no. 3 (61), pp. 109–113. DOI: 10.46845/2071-5331-2022-3-61-109-113.

2. Sukiasyan, A.M. (2021), "Interactive Educational Technologies as a Tool for Forming the Game-Technical Competence of the Teacher: A Synergy Approach", *Newsletter Of North-Caucasus Federal Univ.*, no. 4 (85), pp. 208–215. DOI: 10.37493/2307-907X.2021.4.26.

3. Rozanova, A.A. and Rozanov, F.I. (2021), "Problems of digitalization of the modern educational system", *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika i upravlenie*, vol. 1, pp. 142–145.

4. Kolomytseva, O.N., Stativka, A.M., Shuqin, D. and Stativka, V.I. (2021), "The determinism of the information society and the educational system: Enhancing academic attainments within distance learning", *Science for Education Today*, vol. 11, no. 2, pp. 102–121. DOI: 10.15293/2658-6762.2102.05.

5. Deryuga, V.E. (2020), "Opportunities and risks of digital educational technologies usage", *The Humanities and Education*, vol. 11, no. 3 (43), pp. 41–50.

6. Rybicheva, O.Yu. (2019), "Prospects for the introduction of smart technologies in the educational process", *Herald of Vyatka State Univ.*, no. 4, pp. 76–84. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.058.

7. Dneprovskaya, N.V. (2018), "Knowledge management system as a basis for smart learning", *Open Education*, vol. 22, no. 4, pp. 42–52. DOI: 10.21686/1818-4243-2018-4-42-52.

8. Kamenev, R.V., Krasheninnikov, V.V., Farnicka, M. and Abramova, M.A. (2018), "High technology and transformation of the education system: Constructive and destructive", *Novosibirsk State Pedagogical Univ. Bulletin*, vol. 8, no. 6, pp. 104–119. DOI: 10.15293/2226-3365.1806.07.

9. Abramova, M.A., Kamenev, R.V. and Krasheninnikov, V.V. (2018), *Vysokie tekhnologii: vliyanie na sotsial'nye instituty i primeneniye v professional'nom obrazovanii* [High technologies: influence on social institutions and application in vocational education], Manuscript, Novosibirsk, RUS.

10. Khrapov, S.A. and Baeva, L.V. (2022), "Digitalization of Educational Space: Emotional Risks and Effects", *Voprosy Filosofii*, no. 4, pp. 16–24. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-16-24.
11. Bauman, Z. and Donskis, L. (2019), *Liquid Evil. Living with Tina*, Transl. by A. Samarina, SPb., Ivan Limbakh Publ., RUS.
12. Naisbitt, J. (1999), *High Tech. High Touch: Technology and Our Search for Meaning*, Transl. by Anvaer, A.N., AST, Transitkniga, Moscow, RUS.
13. Firat, M. (2023), "What ChatGPT means for universities: Perceptions of scholars and students", *J. of Applied Learning & Teaching*, vol. 6, no. 1. DOI: 10.37074/jalt.2023.6.1.22.
14. Shumailov, I. et al. (2023), *The Curse of Recursion: Training on Generated Data Makes Models Forget*, available at: <https://arxiv.org/pdf/2305.17493> (accessed 05.08.2023).
15. Stoletov, A.I. (2019), "Hybrid Education in Russia: Humanitarian View", *Razvitie sotsiogumanitarnogo znaniya v menyayushchemsya mire* [Development of socio-humanitarian knowledge in a changing world], Saratov, Dec. 05–06, 2018, pp. 52–57.
16. Gazzaley, A. and Rosen, L.D. (2016), *The distracted mind: Ancient brains in a high-tech world*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.
17. Liman Kaban, A. and Kaynar, N. (2023), "Too much screen? An exploratory examination of digital exhaustion of educators in Turkiye", *Turkish Online J. of Distance Education*, vol. 24, no. 1, pp. 54–73. DOI: 10.17718/tojde.1071640.
18. Twenge, J.M. (2017), *iGEN: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy - and completely unprepared for adulthood and (what this means for the rest of us)*, Atria Books, NY, USA.
19. Chiossi, F. et al. (2023), "Short-Form Videos Degrade Our Capacity to Retain Intentions: Effect of Context Switching On Prospective Memory", *CHI '23: CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, Hamburg, Germany, 23–28 April, 2023, pp. 1–15. DOI: 10.1145/3544548.3580778.
20. Pomerants, G. *Pauza sozertsaniya* [Contemplation pause], available at: https://nowimir.ru/DATA/040031_1.htm?ysclid=lkx5lj7h7w737517444 (accessed 05.08.2023).
21. Florida, R. (2002), *The Rise of the creative class: And how it's transforming work, leisure, community and everyday life*, Transl. by Konstantinov, A., Klassika-XX, Moscow, RUS.
22. Stoletov, A.I. (2014), "The Essence of Creativeness and its Types", *International J. of Cultural Research*, no. 4 (17), pp. 43–52.
23. PISA 2022, available at: <https://www.oecd.org/publication/pisa-2022-results/> (accessed 25.12.2023).

Information about the author.

Anatoliy I. Stoletov – Dr. Sci. (Philosophy, 2010), Docent (2012), Professor at the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, 34 50-letiya Oktyabrya str., Ufa, Bashkortostan Republic 450001, Russia. The author of 107 scientific publications. Area of expertise: philosophical problems of creativity, philosophical anthropology, interaction of the social system and scientific and technological progress.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 07.01.2024; adopted after review 27.02.2024; published online 23.04.2024.

Оригинальная статья

УДК 13; 17; 141

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-18-28>

Альтруизм в интерпретации русской религиозной философии

Татьяна Анатольевна Скоропад

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
t.milokost@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5997-7285>*

Введение. Ряд православных мыслителей, среди них К. Н. Леонтьев, критиковали новоевропейский альтруизм, а Н. А. Бердяев вообще отвергал его, называя «учением буржуазно-демократической морали, срединно-общей морали благополучия, морали количеств». П. А. Флоренский, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, напротив, называли альтруизм деятельной любовью, христианским агапэ, бескорыстной созидательной любовью. Л. Н. Толстой считал, что в основании жизни людей должны лежать единство и солидарность, Ф. М. Достоевский призывал к любви деятельной и бескорыстной, которая способна все преобразить и всех очистить. Подобная позиция русских религиозных философов и писателей вызывает у автора статьи исследовательский интерес. Таким образом, целью работы становится компаративистский анализ ряда концепций православных мыслителей, которые по-разному интерпретировали понятие «альтруизм», но вместе с тем высказывали схожее мнение по отношению к данной этической категории.

Методология и источники. Автор использует герменевтический метод, который позволяет погрузиться в изучение и интерпретацию текстов русских религиозных философов и писателей, что помогает создавать объемный герменевтический круг русской культуры, высвечивая ее особенности.

Результаты и обсуждение. Подход автора к исследованию культуры и интерпретации культурных смыслов через анализ этической категории можно назвать оригинальным. Подобный подход может быть полезен исследователям в области культур-философии в качестве возможного метода при изучении той или иной социокультурной системы. Анализ концепций русских религиозных философов подобным методом помогает автору подсветить ценностные основания русской культуры.

Заключение. Альтруизм как культурологический феномен и этическая категория, попав на почву русской культуры, приобретает совершенно иной смысл и наполненность.

Ключевые слова: Альтруизм, русская религиозная философия, любовь, деятельная любовь, христианское агапэ, Соловьев, Лосский, Флоренский, Бердяев, Федоров, Сорокин, Толстой, Достоевский

Для цитирования: Скоропад Т. А. Альтруизм в интерпретации русской религиозной философии // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-18-28.

© Скоропад Т. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Altruism in the interpretation of Russian religious philosophy

Tatyana A. Skoropad

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
t.milokost@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5997-7285>*

Introduction. A number of Orthodox philosophers, among them K.N. Leontiev, criticized New European altruism, and N.A. Berdyaev generally rejected it, calling it “the teaching of bourgeois-democratic morality, the middle-general morality of well-being, the morality of quantities”. P.A. Florensky, N.O. Lossky, V.S. Soloviev, on the contrary, called altruism active love and Christian agape. L.N. Tolstoy believed that the good of people lies in unity and solidarity, and F.M. Dostoevsky called for active and selfless love, which is capable of transforming and purifying. This position of Russian religious philosophers arouses research interest in the author of the article. Thus, the purpose of the work is to conduct a comparative analysis of a number of concepts of Orthodox thinkers who interpreted the concept of altruism differently, but at the same time expressed similar opinions in relation to this ethical category.

Methodology and sources. The author uses the hermeneutic method, which allows one to immerse oneself in the study and interpretation of the texts of Russian religious philosophers, which helps to create a voluminous hermeneutic circle of Russian culture, highlighting its features.

Results and discussions. The author's approach to the study of culture and interpretation of cultural meanings through the analysis of ethical categories can be called original. A similar approach may be useful to researchers in the field of cultural philosophy as a possible method when studying a particular sociocultural system. Analyzing the concepts of Russian religious philosophers using a similar method helps the author highlight the value foundations of Russian culture.

Conclusion. Altruism as a cultural phenomenon and ethical category, once on the soil of Russian culture, acquires a completely different meaning and fullness.

Keywords: Altruism, Russian religious philosophy, love, active love, Christian agape, Soloviev, Lossky, Florensky, Berdyaev, Fedorov, Sorokin, Tolstoy, Dostoevsky

For citation: Skoropad, T.A. (2024), “Altruism in the interpretation of Russian religious philosophy”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-18-28 (Russia).

Введение. Изначально понятие «альтруизм» вошло в поле зрения науки как антиномия эгоизма с легкой руки Огюста Конта. Признанной движущей силой альтруизма являются справедливость и общественная солидарность – именно они способны привести человечество к жизни в гармонии без глубоких потрясений и глобальных конфликтов. В большинстве своем противоположную позицию по отношению к альтруизму занимала русская религиозная философия, которая возводила жертвенность на уровень христианской этики любви, добра и красоты как основы нравственной жизни человека. Но, поскольку «альтруизм» как понятие изначально содержало в себе иной подтекст, некоторые русские мыслители, например, Н. А. Бердяев и Л. А. Тихомиров, воспринимали его как бездуховную практику, подменяющую собой истинную христианскую любовь. А. Ф. Лосев считал, что между альтруизмом и христианской любовью огромная разница, так как в основе действия альтруиста лежат исключительно «рассудочные основания». Я. С. Друскин противопоставлял деятельную или ноуменальную любовь и альтруизм, который в его представлении, скорее, по-

хож на естественную любовь. А Н. Ф. Федоров альтруистически настроенного человека определял как губящего себя ради других. П. А. Сорокин в завершении своей исследовательской деятельности посвятил время изучению феномена бескорыстной любви. «Может быть, последняя область, подлежащая разработке – таинственная сфера альтруистской любви. И хотя сейчас ее изучение находится в самом начале, оно, похоже, станет самой важной областью будущих исследований: тема бескорыстной любви уже поставлена на повестку дня истории» [1, с. 197].

Методология и источники. Для исследования понятия «альтруизм» в качестве культурфилософского феномена и этической категории, а также понимания того, как это понятие интерпретируется и переформируется в русской культуре, был выполнен анализ текстов русских религиозных философов Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского, а также ряда произведений Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Автор статьи ограничивается периодом середины XIX – начала XX вв., который считается расцветом русской религиозной философии. Анализ концепции альтруистической любви был сделан на материалах сборников трудов участников Гарвардского исследовательского центра по созидательному альтруизму, на текстах книг и статей П. А. Сорокина. В статье использовался герменевтический метод, а также компаративистский подход.

Результаты обсуждения. Любовь и альтруизм в концепции философии В. С. Соловьева всегда были организующим общественным основанием. Комментируя высказывания об интерпретации счастья, мыслитель говорил, что в его основе лежит любовь, решающее значение имеют те качества души, которые пробуждают альтруистические чувства: «жалость есть единственная настоящая основа альтруизма» [2, с. 163]. Взрослая душа, наполненная жалостью и милосердием, не способна навредить другому человеку, она обладает необходимой степенью осознанности, чтобы защитить себя от нападок на другого, тем самым происходит единение душ. «Естественная, органическая связь всех существ как частей одного целого есть данное опыта, а не умозрительная идея только, а потому и психологическое выражение этой связи – внутреннее участие одного существа в страдании других, сострадание, или жалость, – есть нечто понятное и с эмпирической точки зрения как выражение естественной и очевидной солидарности всего существующего» [2, с. 160]. Альтруистические и эгоистические эмоции различаются разнаправленностью, когда вектор эгоизма направлен на других людей, группы или человечество в целом, тогда его можно назвать альтруизмом, расширяя тем самым рамки солидарности. Подобную идею высказывал Л. Н. Толстой, чьи мысли мы рассмотрим далее. По сути, естественным законом человечества является «Золотое правило нравственности», которое также можно назвать составной частью альтруизма: именно оно подталкивает людей на оказание помощи другим, тем самым помогая объединяться. Известны две принципиально противоположные формы «Золотого правила» – негативная – «Не делай другим того, чего себе не желаешь» и с позитивным смыслом – «Поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе»¹. Отрицательная форма отсылает нас к

¹ А. А. Гусейнов, исследовавший золотое правило в нескольких работах, указывал на различие в интерпретации золотого правила с учетом этих форм. Только Г. Функе не видел различия между негативной и позитивной формами. В основном исследователи, такие как Х. Томасиус, Г. Рейнер, говорили не просто о противоположности формулировок, а указывали на различие смыслов при описании нравственности, а также социально-нормативных правил поведения.

праву, к автономии личности, а положительная ассоциируется с нравственностью и уважительным отношением к другому [3, с. 78–80]. Свою позицию высказал В. С. Соловьев, основываясь на этике, а именно: если твои действия или помыслы направлены на другого человека как на цель, то такое отношение обязано быть справедливым и милосердным. Таким образом, у «Золотого правила нравственности» появляются две грани. Соловьев, не называя само «золотое правило», выявил общую формулу альтруизма, т. е. он разделил отношение ко всем существам на два частных правила [2, с. 152–169], которые имели позитивное и негативное значения. Принцип с отрицательным значением называется правилом справедливости, а с положительным – правилом милосердия¹.

Особую роль альтруизму и любви отводили русские философы, которые представляли другое направление мысли, а именно: П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и Н. О. Лосский. В своих работах они определяли подобный вид любви как «христианское агапэ», первым подобное отношение к этому высокому чувству высказал Павел Флоренский. Булгаков же рассматривал любовь вкупе с ревностью и дружбой: «настоящее богословское открытие, ибо впервые в богословское учение о Церкви включено понимание дружбы как церковной связи, имеющей для себя законное место в церковной жизни» [5]. Флоренский, сосредотачивая внимание на объекте любви, говорил, что она влияет на человека и каким-то необычайным образом переходит от влюбленного на предмет любви. С помощью этого чуда влюбленный человек выходит за пределы границы своей личности и сливается с другим. Эту цепь можно растягивать бесконечно, превращая разрозненные звенья в «единый и бесконечный акт <...> едино-сущее любящих в Боге» [6, с. 93]. Отец Павел Флоренский был приверженцем онтологического подхода к осознанию любви. Среди его последователей можно выделить С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева. Второй подход психологический, его адепты Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, Б. Спиноза. Согласно второму подходу, любовь стоит рассматривать с точки зрения психологического состояния человека, что соответствует, как считал отец Павел Флоренский, трактовке философии «вещной». Несмотря на то, что подобный подход говорит о способности любви к сопереживанию и радости за счастье любимого, все-таки осмысление любви с точки зрения психологии имеет свои недостатки. Например, идея Спинозы, которая смешивает любовь и вожделение, приводит к пониманию Бога как вещи. Такая интерпретация предполагает, что для исследования смысла альтруистической любви следует использовать только онтологический подход. Согласно онтологическому подходу, любовь ведет к единению с Богом. Истинная христианская альтруистическая любовь-агапэ имеет существенное отличие от внешнего формального альтруизма. Стремление к общему благу, или человеколюбие, если оно не имеет божественной идеи, становится бессмысленным. Любовь, вызванная настоящим альтруистическим чувством, возвышает человека, поднимая его на другой уровень существования, чем очищает его от обычных мирских привязанностей, которые в обычной жизни волнуют человека, а именно: семья, нация, слава, власть. Отец Павел Флоренский считал, что подлинную альтруистическую любовь мог испытывать только Сын Божий, а реализовываться это чувство могло только в Царствии небес-

¹ Подобное умозаключение Соловьева, а именно, что у альтруизма есть две стороны, как считает Р. Г. Апресян, имеют определяющее значение в «Золотом правиле нравственности». «В понимании В. С. Соловьевым справедливости и милосердия, их соотносительность с “золотым правилом нравственности” <...> существенна» [4, с. 284].

ном. Обычный же человек способен испытать альтруизм только в соединении с Триипостасью Божественной (истиной, добром и красотой). Настоящая альтруистическая любовь, она же любовь-агапэ, являет собой наивысшую степень любви, когда она сама становится разумной и восприимчивой к объекту любви, признавая его высокую ценность. Это божественное чувство не имеет ничего общего с обычной жизнью человека, и никак не проявляется в чувственном опыте, оно присутствует в свободе воли и свободе выбора человека. Любовь-агапэ бесстрастна, спокойна, действует с уважением, она способна принимать и поддерживать. Философ верил, что наивысшими ценностями такой любви являются чистое милосердие, глубокое сострадание и искреннее самопожертвование. Подобное выражение можно наблюдать только в евхаристическом единении христиан и в дружбе между человеком и Богом. Никаких негативных сторон у этого вида любви нет и быть не может, так как это вселенское чувство, любовь-филио, являясь составной частью любви-агапэ, способно наполнить каждого человека. «Между любящими разрывается перепонка самости, и каждый видит в другом как бы самого себя, интимнейшую сущность свою, свое другое Я, неотличное, впрочем, от Я собственного» [6, с. 433]. Только через любовь мы можем познать божественный замысел, любовь вне этого становится похожей на обычную естественную функцию организма человека, которая никак не может быть воспринята Христианством в качестве высокого чувства [6, с. 90].

Несколько по-другому подходит к проблематике альтруизма Н. О. Лосский, объясняя механизм зарождения альтруистического чувства не совсем с позиции этики. Он исследует приверженцев различных философских направлений, таких как натуралистический эволюционизм, биологизм, эвдемонизм, гедонизм. Философ считает, что альтруизм вспыхивает в человеке или проявляется как озарение, он не способен прогрессировать. Сила любви может преобразить человека, она производит альтруистическую трансформацию и с гордецом, и с эгоистом. Одномоментная симпатия демонстрирует «тесную сращенность всех существ друг с другом» [7, с. 47]. Лосский понимал любовь как условие возникновения интуиции, по сути, осознание одним человеком нужд и страданий другого и полное принятие на себя его страданий [7, с. 45–46]. Возникшая интуитивная связь необходима, но не достаточна для рождения истинной любви. Настоящая любовь предполагает единение любящих только в том случае, если они были изначально сотворены как единое целое, обладали первичной сращенностью. Любовь способна перенести любящих на другой уровень конкретности, творящие дела любви и обладающие взаимным чувством преобразуют отвлеченное единосущее в конкретное. И только таким образом, возможна реализация духовного альтруистического совершенства. Лосский считает, что в семьях, где присутствует альтруистическая любовь, близкие люди тонко сонастроены. Действительно, эта чрезвычайная чуткость к жизни другого человека возникает, когда между ними появляется особая духовная близость как, например, между матерью и ребенком [7, с. 191]. «Основное условие такой интимной связи существ есть любовь к Богу, большая, чем к себе, и любовь к другим существам, равная любви к себе. Грехопадение есть предпочтение своего Я как целого или каких-либо частных целей своей жизни Богу и другим существам» [8, с. 234].

Полную противоположность по отношению к альтруизму демонстрировал Н. А. Бердяев. Во-первых, он считал, что альтруизм – новоевропейский утилитарный концепт; во-вторых, он

может быть навязан обществом с целью усреднить и лишить человека свободы; в-третьих, альтруизм, являясь «ценностью благополучия», лишает личность индивидуальности, «об альтруизме говорят, когда охладела и омертвела любовь» [9, с. 473]. По-настоящему христианской и истинной следует считать этику вечных ценностей, а не подверженной текущей ситуации альтруистическую этику распределения и благосостояния. «Христианство – религия любви, а не альтруизма. Христианство не допускает понижения качества во имя количества, оно все в качестве» [9, с. 468]. Никакого единства человечества на основе альтруизма нет и быть не может, только индивидуальная и неповторимая судьба человека и свобода. Лишившись свободы человек как личность умирает, общество становится массой. Критикуя современников, называя их исследования «социально-классовыми, государственно-расовыми», Бердяев утверждал, что «новая христианская духовность» обесценивает человеческий вклад до такой степени, что сакральный мир теряет свое измерение. «Мораль христианская ... лежит по ту сторону противоположения альтруизма и эгоизма... Великим падением христианского сознания была попытка придать христианству характер альтруистически-утилитарный» [9, с. 474]. Наши потомки могут утратить главную ценность – свободу, поверив и внедрив в общественную жизнь альтруизм. Кроме того, мыслитель рассматривает родовую общность как ненастоящую, где личность становится атомизированной, т. е. она не является частью рода [10, с. 15].

Любовь, с точки зрения Н. Ф. Федорова, обладает особой силой, побуждающей не только к единению, но являющаяся собой особую форму сотрудничества между людьми. Русский философ, сравнивает любовь с крайними по своей позиции в человеческом поведении эгоизмом («губящий всех ради себя») и альтруизмом («губящий себя ради всех»)¹. Единение этих двух категорий можно обозначить двумя местоимениями: ты и я и все мы. «Это будет полнота родства: вместо индивидуального, разрозненного бытия личностей – сосуществование; вместо смены поколений – полнота жизни, отрицание и упразднение смерти!» [12, с. 199]. Человечество способно преодолеть смерть и страдания только объединившись, и только через это появится возможность победить внешнее зло. Теперешнее человечество не является многоединным, благодаря этому внешние силы овладевают им, именно из-за разобщенности внутрь человечества проникают вредоносные силы, провоцируя вражду, рабство и господство. Наполненность родством присутствует только в божественном Троицизме, чего не скажешь о многоединстве человеческом. Также в горизонте будущего церковь будет содержать в себе это многоединство, но в настоящей жизни, сейчас, его нет [12, с. 199].

П. А. Сорокин считал, что мысли Н. Ф. Федорова оказали заметное влияние на ряд авторов, в том числе на В. С. Соловьева. Идеи философа состояли в том, что по-настоящему только любовь в сочетании с истиной и красотой способна поднять человека на уровень бессмертия и господина органических, неорганических, социокультурных пределов. Благодаря любви человек может реализоваться как истинное божественное существо, т. е. стать Богочеловеком, сыграв тем самым свою особую роль на земле, выполнив свою историческую миссию, сохранив подлинное бессмертие, укоренив в себе все имеющиеся челове-

¹ В статье «Ни эгоизм, ни альтруизм, а родство!» философ утверждает, что собственное Я не находится в антагонизме с Другим, т. е. эгоизм не значит отрицать всех, кроме себя, а альтруизм вовсе не рабство или самоуничтожение [11].

ские ценности, а иначе они утратят свой смысл и безвозвратно потеряют свою значимость [13, с. 104]. Сорокин называл альтруизм бескорыстной созидательной любовью, великой и завораживающей тайной, которая обладает огромной энергией и которую необходимо научиться производить, аккумулировать и использовать. С помощью любви можно «во-первых, остановить агрессивные стычки между людьми и группами людей, во-вторых, превратить отношения из враждебных в дружеские. <...> Любовь вызывает любовь, а ненависть рождает ненависть; любовь может реально влиять на международную политику и успокаивать межнациональные конфликты. <...> Бескорыстная и мудрая любовь является жизненной силой, необходимой для физического, умственного и нравственного здоровья; альтруисты в целом живут дольше эгоистов; дети, лишенные любви, вырастают нравственно и социально ущербными; любовь – это мощное противоядие от преступных деяний, болезней и самоубийств, ненависти, страхов и психоневрозов; любовь выполняет важные познавательные и эстетические функции; она – самое лучшее и эффективное средство обучения в деле просвещения и облагораживания человечества; любовь – душа и сердце свободы и всех основных нравственных и религиозных ценностей <...>» [1, с. 205].

Тема поиска нравственных идеалов, добра и любви широко распространена в русской культуре, благодаря богатому литературному наследию Льва Толстого, известного как автора «Этики ненасилия»¹. Основная идея этики Толстого состоит в том, что общественное зло будет побеждено только добром, личность не должна становиться соучастником зла².

Толстой считал, что гораздо проще воспитать детей в духе альтруизма и идеала добра, чем изменить представления взрослых об этих категориях, искоренив ненависть и насилие. Именно поэтому даже в своих рассказах и публицистических произведениях для детей автор постоянно возвращается к подобным темам.

Толстой предстает перед нами в качестве мыслителя и исследователя двухвековой эволюции христианской цивилизации. Великий русский писатель пытается объяснить происхождение современных конфликтов на европейском континенте и найти способы избежать их. Общество смогло создать комфортную среду для жизни, используя технический прогресс, но вместе с тем оно нашло способы для саморазрушения, живя в конфликтах, с идеологией войны всех против всех, без объединяющего духовного начала, а совсем наоборот, разъединенное звериными инстинктами, которые, пользуясь изощренным умом, становятся все более безумными, приводя к бедам и несчастьям все человечество [14, с. 253]. Прогресс и материализм не могут быть основой построения по-настоящему созидającego общества, не могут наполнить жизнь истинными смыслами, они не помогут выстроить гармоничные отношения между людьми. «Лучшая жизнь может быть только тогда, когда к лучшему изменится сознание людей, и поэтому все усилия людей, желающих улучшить жизнь, должны бы быть направляемы на изменение сознания своего и других людей» [14, с. 573].

¹ Ряд произведений, где Толстой излагает свое религиозно-нравственное учение, делится на четыре основных класса: первый – исповедальный – «В чем моя вера», «Исповедь», и др.; второй теоретический – «Закон насилия и закон любви», «Царство Божие внутри вас», «Что такое религия и в чем сущность ее?» и др; третий публицистический – «Не могу молчать», «Не убий» и др; и четвертый художественный – «Крейцерова соната», «Смерть Ивана Ильича», «Воскресение», «Отец Сергей» и др.

² Этот тезис своими корнями уходит в один из пунктов Нагорной проповеди: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» [Мф. 5:39].

Принцип непротивления может быть только воспринят обществом, его никак нельзя вменить, используя насильственные способы. Он может прорасти на благодатной почве, которую из поколения в поколение насыщали влагой солидарности, воспитывая на идеях взаимной поддержки и единения¹. Вектор технического прогресса без сотрудничества людей друг с другом по-прежнему будет направлен во зло и разрушение, он не поможет сохранить мир и гармонию. Только согласуясь с разумом и личными позитивными убеждениями, человечество будет способно сохраниться [15]. Воспитание каждого человека в ценностных идеях гуманизма ведет к нравственному преображению, которое, в свою очередь, приводит к развитию здоровых общественных отношений – к такому выводу приходит Толстой. Самый верный и действенный способ переустройства или перевоспитания общества – начать с себя, а именно с самосовершенствования [16, с. 221]. Наиболее понятный и прямой путь выхода из кризисной ситуации – распространение поддержки до уровня человечества. «Все беды людей не от неурожая, не от пожаров, не от злодеев, а только от того, что они живут врозь. А живут они врозь потому, что не верят тому голосу любви, который живет в них и влечет их к единению» [16, с. 77].

Понятие «альтруизм» не было просто калькировано русскими авторами и мыслителями. Попав на русскую почву, оно приобрело иной культурный смысл, а именно, трансформировалось в безусловную деятельную любовь. Персонаж Ф. М. Достоевского старец Зосима говорил: «“Я есмь и я люблю”. Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, живой, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастливое существо дар бесценный, не оценило его, не возлюбило, взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным» [17, с. 404].

На протяжении многих романов Достоевский, раскрывая идею деятельной любви, расширяет границы этого явления. Деятельная любовь есть искреннее чувство, которое характеризуется жертвенностью, направленностью на человека, которое существует во благо людей и ради спасения, а источником такой любви является Бог. Здесь становится очевидной связь с первой и второй главными заповедями, касающимися любви².

Одним из наиболее часто вспоминаемых примеров проявления деятельной любви к ближнему у Достоевского – Соня Мармеладова. Ее любовь не действует активно, она ждет, терпит и страдает, а в результате помогает очиститься и раскрыться другой душе. «Как это случилось, он [Раскольников] и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. <...> Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [18, с. 421]. Другой пример деятельной любви, но уже ко всему человечеству, представлен в образе князя Мышкина, как отмечал сам Достоевский, «князе Христе». Герой олицетворяет собой не только учителя или проповедника истины и доброты, но деятеля, который смог распахнуть людские сердца, помог им измениться и стать другими. Квинтэссенцией деятельной любви становится старец Зосима, который

¹ В разгар русско-японской войны в своем дневнике (1904) Толстой формулирует основные идеи принципа «непротивления злу насилием».

² Иисус сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф. 22:37].

сравнивает деятельную любовь с мечтательной. Мечтательная любовь требует доказательств, подвига, жаждет от публики и признания, и даже готова пойти на смерть, чтобы эффект от ее действий стал чьей-нибудь историей или мифом. Деятельная же любовь построена на выдержке и тишине [19, с. 51]. Любовь деятельная обладает интегрирующей силой, считал Ф. М. Достоевский, она есть универсальный способ очищения от всех несовершенных качеств человека. Автор заявлял, что только с помощью любви человечество будет способно преодолеть свою разобщенность и придет к долгожданному единству.

В завершении жизни Достоевскому удалось показать, что помогает душе воспарить, освободившись от мирской суеты и направив свой взор к истинным ценностям и вечным темам. Один из героев книги спрашивает старца Зосиму, что означает вера и бессмертие, на что тот дает ответ: «Доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно. Как? Чем? Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж, несомненно, уверуете, и никакое сомнение даже и не возможен зайти в вашу душу» [8, с. 137].

Заключение. Понятие «альтруизм» не было просто калькировано русскими религиозными мыслителями. Попав на русскую почву, оно приобрело иной культурный смысл, а именно, трансформировалось в безусловную деятельную любовь, любовь-агапэ, любовь-филию. В зоне культуры «происходит закрепление положительного опыта в социальной памяти участников взаимоотношений и его трансляции, процесс формирования и передачи социального опыта между поколениями является одной из основных системообразующих функций. Зона культуры обладает специализированными институтами трансляции социального опыта следующим поколениям – воспитанием и образованием, причем воспитанием индивида занимается не только семья, а его образованием не только учебные заведения. В той или иной мере участвуют в этих процессах также религия, искусство, непосредственное социальное окружение человека и прочее» [20, с. 40].

Была высказана идея, что природа и существование бескорыстной созидательной любви невозможны без глубоких знаний культуры, общества и его системы ценностей. Именно поэтому становится очевидной разница в восприятии феномена альтруизма в различных социокультурных средах, но вместе с тем понятно, что только укоренение нравственных законов, а также соблюдение моральных норм и правил способно спасти общество от полного разрушения и сохранить существующие культурные смыслы. И в русской религиозной философии конца XIX – середины XX в. рассматривалось альтруистическое поведение с позиции возможности достижения высокой морально-этической цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин П. А. Дальняя дорога: автобиография / пер. с англ. А. В. Липского. М.: Терра, 1992.
2. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–548.
3. Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
4. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Нравственный опыт // Этика. М.: Гардарики, 2007. С. 245–312.

5. Шестаков В. П. Сергей Булгаков. Дар любви // Эрос и культура: философия любви и европейское искусство. М.: Республика, 1999. URL: http://lit.lib.ru/s/shestakov_w_p/text_0010.shtml#72 (дата обращения: 28.11.2023).
6. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991.
8. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
9. Бердяев М. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
10. Бердяев Н. А. Царство духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995.
11. Федоров Н. Ф. Ни эгоизм, ни альтруизм, а родство! 1903. URL: http://db.rgub.ru/classics/f/fedorow_n_f/text_0550.shtml (дата обращения: 29.11.2023).
12. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Прогресс, 1995.
13. Сорокин П. А. Пути и могущество любви // Человек. 2015. № 4. С. 96–113.
14. Толстой Л. Н. Народные рассказы. СПб.: Умозрение, 2018.
15. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. М.: Алгоритм, 2000.
16. Толстой Л. Н. Путь жизни // Полное собр. соч. Т. 45. М.: ГИХЛ, 1956.
17. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: в 4 ч. Ч. 2. М.: Правда, 1991.
18. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6 / ред. В. Г. Базанов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридлендер и др. Л.: Наука, 1973.
19. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Т. 1 // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14 / ред. В. Г. Базанов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридлендер и др. Л.: Наука, 1976.
20. Флиер А. Я. Культурологическая интерпретация социальной реальности // Вестн. Чел. гос. академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 39–46.

Информация об авторе.

Скоропад Татьяна Анатольевна – аспирантка кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: альтруизм как универсальный культурный смысл, постмодернизм и общество потребления, реклама как язык коммуникации, межкультурные коммуникации, русская филология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.12.2023; принята после рецензирования 27.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Sorokin, P.A. (1992), *A Long Journey. The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*, Transl. by Lipskii. A.V., Terra, Moscow, RUS.
2. Soloviev, V.S. (1988), "Justification of good. Moral philosophy", *Sochineniya* [Works], in 2 vol., vol. 1, Mysl', Moscow, USSR, pp. 47–548.
3. Guseinov, A.A. (1974), *Sotsial'naya priroda npravstvennosti* [Social nature of morality], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, USSR,
4. Guseinov, A.A. and Apresyan, R.G. (2007), "Moral experience", *Ehtika* [Ethics], Gardariki, Moscow, RUS, pp. 245–312.
5. Shestakov, V.P. (1996), "Sergei Bulgakov. Gift of love", *Ehros i kul'tura: filosofiya lyubvi i evropeiskoe iskusstvo* [Eros and culture: philosophy of love and European art], available at: http://lit.lib.ru/s/shestakov_w_p/text_0010.shtml#72 (accessed 28.11.2023).

6. Florenskii, P.A. (1990), *Stolp i utverzhdenie istiny* [The pillar and affirmation of truth], Pravda, Moscow, USSR.
7. Lossky, N.O. (1991), *Usloviya absolyutnogo dobra: osnovy ehtiki. Kharakter russkogo naroda* [Conditions of absolute good: foundations of ethics. The character of the Russian people], Politizdat, Moscow, RUS.
8. Lossky, N.O. (1958), *Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoyevsky and his Christian World Concept], Izd-vo im. Chekhova, NY, USA.
9. Berdyaev, M.A. (1989), *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity], Pravda, Moscow, USSR.
10. Berdyaev, N.A. (1995), *Tsarstvo dukha i tsarstvo Kesarya* [The kingdom of the spirit and the kingdom of Caesar], Respublika, Moscow, RUS.
11. Fedorov, N.F. (1903), *Ni ehgoizm, ni al'truizm, a rodstvo!* [Neither selfishness nor altruism, but kinship!], available at: http://db.rgub.ru/classics/f/fedorow_n_f/text_0550.shtml (accessed 29.11.2023).
12. Fedorov, N.F. (1995), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 4 vol., vol. II, Progress, Moscow, RUS.
13. Sorokin, P.A. (2015), "Ways and power of love", *Human Being*, no. 4, pp. 96–113.
14. Tolstoi, L.N. (2018), *Narodnye rasskazy* [Folk stories], Umozrenie, SPb., RUS.
15. Biryukov, P.I. (2000), *Biografiya L.N. Tolstogo* [Biography of L. N. Tolstoy], Algoritm, Moscow, RUS.
16. Tolstoi, L.N. (1956), "The Path of Life", *Polnoe sobr. soch.* [Complete Works], vol. 45, GIHL, Moscow, USSR.
17. Dostoevskii, F.M. (1991), *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov], in 4 parts, part 2, Moscow, RUS.
18. Dostoevskii, F.M. (1973), "Crime and Punishmen", *Polnoe sobr. soch.* [Complete Works], in 30 vols., vol. 6, Bazanov, V.G., Priima, F.Ya., Fridlender, G.M. at al. (eds.), Leningrad, Nauka, USSR.
19. Dostoevskii, F.M. (1976), "Brothers Karamazov", vol. 1, *Polnoe sobr. soch.* [Complete Works], in 30 vols., vol. 14, Bazanov, V.G., Priima, F.Ya., Fridlender, G.M. at al. (eds.), Leningrad, Nauka, USSR.
20. Flier, A. (2016), "Social Reality Culturological Interpretation", *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 3 (47), pp. 39–46.

Information about the author.

Tatyana A. Skoropad – Postgraduate at the Department of Russian Philosophy and Culture, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: altruism as a universal cultural meaning, postmodernism and consumer society, advertising as a language of communication, intercultural communications, Russian philology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.12.2023; adopted after review 27.02.2024; published online 23.04.2024.

Оригинальная статья

УДК 316.43

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-29-38>

Почему китайское «общество» так называют: как социально-управленческий дискурс на рубеже XIX–XX вв. определил выбор термина

Евгений Владимирович Кремнёв

*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
kremnyov2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>*

Введение. Цель данной статьи заключается в исследовании причин выбора термина «шэхуэй» для обозначения понятия «общество» в Китае на рубеже XIX–XX вв. Научная новизна работы проявляется в комплексном анализе социально-управленческого дискурса того времени и выявлении факторов, повлиявших на терминологический выбор. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания процессов формирования социальных наук в Китае, что необходимо для интерпретации современных социально-политических процессов в стране, в том числе в русле современной социологии управления. Это особенно важно для российской социологии, в сферу интересов которой входит поиск взаимовыгодных стратегий взаимодействия российского и китайского социумов, что невозможно без изучения подходов Китая к управлению процессами развития страны, ее внутренних и внешних социальных связей.

Методология и источники. В исследовании применяются системно-исторический подход, а также дискурсивный, терминологический, этимологический и факторный анализ. В работе использованы классические китайские тексты и труды китайских просветителей конца XIX – начала XX вв., а также некоторые материалы, собранные современными исследователями, в частности Н. М. Калужной.

Результаты и обсуждение. Основными результатами исследования стали выявление и анализ внутриполитических, социальных, внешнеполитических и лингвистических факторов, определивших социально-управленческий дискурс исследуемого периода и выбор в пользу «шэхуэй» среди основных терминов, конкурировавших за право обозначать понятие «общество». Указывается, что процесс формирования социально-управленческого дискурса шел в русле постепенного снижения влияния традиционализма и усиление идей антимонархизма, народовластия и самоуправления.

Заключение. Подчеркивается, что термин «шэхуэй» стал одним из ключевых в социально-управленческом дискурсе Китая на рубеже веков, отражая мировые социально-политические тенденции. Выбор этого термина является результатом сложного взаимодействия различных факторов формирования дискурсивных практик, которые в дальнейшем сами видоизменялись под воздействием указанного термина и его производных.

Ключевые слова: Китай, общество, социально-управленческий дискурс, дискурсивные практики, традиционализм, терминология

© Кремнёв Е. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Кремнёв Е. В. Почему китайское «общество» так называют: как социально-управленческий дискурс на рубеже XIX–XX вв. определил выбор термина // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 29–38. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-29-38.

Original paper

Why Chinese “Society” is So Called: How Social and Managerial Discourse Caused the Choice of the Word at the Turn of the 19th and 20th Centuries

Evgeny V. Kremnyov

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia,
kremnyov2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>*

Introduction. The purpose of this article is to investigate the reasons for the choice of the term “shehui” to designate the concept of “society” in China at the turn of the 19th and 20th centuries. The research novelty of the work is manifested in the complex analysis of social and managerial discourse of that time and in the identification of factors that influenced the terminological choice. The relevance of the study is conditioned by the necessity to understand the processes of formation of social sciences in China, which is important for the interpretation of modern socio-political processes in the country, including in the context of modern sociology of management. This is especially important for Russian sociology, since its area of interest includes the search for mutually beneficial strategies of interaction between Russian and Chinese societies. And this is impossible without studying China's approaches to managing the country's development processes, its internal and external social relations.

Methodology and sources. The study applies a system-historical approach, as well as discursive, terminological, etymographic and factor analysis. The paper analyzes classical Chinese texts and works of Chinese enlighteners of the late 19th and early 20th centuries, and also uses some materials collected by modern researchers, in particular, by N.M. Kalyuzhnaya.

Results and discussion. The main results of the study were the identification and analysis of factors (including internal political, social, foreign policy and linguistic factors) that determined the social and managerial discourse of the period under study and the choice in favor of “shehui” among the main terms competing for the right to designate the concept of “society”. Author pointed out that the process of formation of social and managerial discourse was in line with the gradual decline in the influence of traditionalism and strengthening of the ideas of anti-monarchism, people's power and self-government.

Conclusion. Author emphasized that the term “shehui” became one of the key terms in the social and managerial discourse of China at the turn of the century, reflecting global socio-political trends. The choice of this term is the result of a complex interaction of various factors in the formation of discursive practices, which themselves were further modified under the influence of the term and its derivatives.

Keywords: China, society, social and managerial discourse, discursive practices, traditionalism, terminology

For citation: Kremnyov, E.V. (2024), “Why Chinese “Society” is So Called: How Social and Managerial Discourse Caused the Choice of the Word at the Turn of the 19th and 20th Centuries”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 29–38. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-29-38 (Russia).

Введение. В конце XIX – начале XX вв. Китай встал перед цивилизационным выбором. Общий упадок Цинской империи и проигранная Японией война (1894–1895 гг.) показали миру отсталость Китая в социальном, научно-техническом и культурном плане. Перед китайским обществом стояла очень серьезная задача, которая осложнялась отсутствием у китайцев понимания, что же такое «общество» в принципе. В китайской традиционной науке такого понятия не сложилось, и новые, прогрессивные формы общественных отношений китайские просветители пытались найти в западной и японской литературе по социологии, политологии, экономике и другим социальным наукам. В связи с этим им требовались эквиваленты для перевода, которые они активно искали, фактически выстраивая совершенно новое для Китая дискурсивное поле.

«Общество» в этом поиске различных терминов было базовым звеном, вокруг него вращались вопросы экономики, политики, культуры, религии, а также управления: именно в разработке эффективных методов управления обществом китайские интеллектуальные элиты видели ответы на многие вопросы социального развития. В связи с этим «общество» оказалось в центре своего рода терминологической битвы, в результате которой и был выбран используемый сегодня эквивалент. Основная борьба развернулась между терминами «цюнь» (群), «шэхуэй» (社会), «го» (国) и «ши» (世) [1]. Цель настоящей статьи – выявить факторы, повлиявшие на формирование социально-управленческого дискурса того времени и, как следствие, на закрепление лексемы «шэхуэй» в качестве базового эквивалента, что важно для современной социологии управления, изучающей управленческие процессы в Китае. Это особо актуально для России, которая сегодня формулирует задачу как выстроить с Поднебесной партнерские отношения на взаимовыгодных условиях, что невозможно без понимания того, какие принципы лежат в основе понимания Китаем концепции управления в целом и социального управления в частности.

Методология и источники. Базовыми методами работы послужили системно-исторический подход, дискурсивный, терминологический, этимологический и факторный анализ. В статье использованы некоторые материалы, собранные и проанализированные Н. М. Калужной в труде «Проблемы социологии в трудах китайских просветителей (начало XX века)» и другими современными исследователями, а также работы китайских просветителей конца XIX – начала XX вв. и некоторые классические китайские тексты.

Результаты и обсуждение. Термин «цюнь» в значении «общество» присутствовал в работах китайских просветителей Чжан Бинлиня (также известного как Чжан Тайянь), Лян Цичао, Янь Фу, Кан Ювэя, Ян Ду, Сунь Ятсена и др. Его достаточно высокая популярность была связана с тем, что он был заимствован из традиционной китайской науки. Многие общественные деятели, не желавшие принять идею полного торжества западных наук над китайскими, постоянно искали подтверждение тому, что аналоги важных общемировых концепций присутствуют в китайской культуре, нужно лишь верно их интерпретировать и вернуть в обиход. В число таковых попал термин «цюнь».

В соответствии с определениями в «Большом словаре китайских иероглифов» [2] и словаре «Происхождение слов» («Цы юань», 辞源) [3] слово имеет следующие значения: 1) группа диких или домашних животных числом более трех (т. е. стадо, стая); 2) друзья одного поколения (т. е. товарищи, единомышленники); 3) вид, род, категория; 4) объеди-

няться; 5) группа людей (т. е. сообщество, клика, круги и т. п.); 6) восстановить дружбу; сладиться (об отношениях); 7) следовать обычаям; 8) большинство; 9) множество; 10) родня.

Этимологический анализ иероглифа 群 показывает, что первоначальным значением было именно «стадо»: в нем присутствуют знаки 尹 – «рука, держащая палку, посох» и 羊 – «баран». Все это может указывать на то, что первоначально иероглиф изображал стадо баранов под присмотром пастуха.

Предполагается, что первым, кто метафорически перенес это значение на человеческое общество, был философ Сюнь-цзы (ок. 298–238 гг. до н. э.), который в своем трактате достаточно часто использует знак 群 в значении «жить сообща», «совместная жизнь» [4], «сообщество» [5] (примеры приводятся в переводе В. Ф. Феокистова):

– «Благодаря чему люди могут жить сообща? Отвечаю: благодаря разделению [обязанностей]».

– «Люди, живя в мире, не могут не жить сообща; если же они живут сообща, но [при этом] не осуществляют разделения [обязанностей], тогда возникает соперничество. Когда возникает соперничество – это приводит к беспорядку».

– «Быть правителем – значит уметь [заставить людей] жить сообща».

Однако Сюнь-цзы не переносит значение «стада» на людей бездумно, напротив, он противопоставляет умение людей «жить сообща» тому, как сосуществуют животные, подчеркивая осознанный характер человеческой общинности: «Люди способны жить сообща, в то время как бык и лошадь не обладают этой способностью».

Вместе с тем наиболее часто знак «цюнь» употреблялся в китайской классической литературе в значении «большинство», «множество», об этом свидетельствуют данные, приведенные в «Исследовании истории концепций» [6]. Тем не менее оно вошло в активный лексикон просветителей как эквивалент слова «общество». Игнорировалась и отсылка к «стаду»: иероглиф интерпретировался в конфуцианском значении, и в нем в первую очередь выделялся знак 君 – «правитель», «благородный муж» (от изображения человека с жезлом в руке). Это, по мнению философов и общественных деятелей из промонархических кругов, указывало на нерушимую связь правителя и общества, в частности, такого мнения придерживались Лян Цичао [7] и Оу Цзюйцзя [8]. При этом Лян Цичао приписывают первенство в употреблении слова «цюнь» в значении «общество». Кроме того, Янь Фу использовал его в одном из первых крупных переводов западных социологических работ – книги Г. Спенсера “Study of Sociolog”, ее перевод вышел в 1903 г. [9].

Вторым претендентом на роль «общества» стало слово «шэхуэй» (社会). В этом значении его использовали не только такие известные ученые и общественники, как Чжан Бинлинь, Сунь Ятсен, Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй, но и упомянутые Лян Цичао и Янь Фу, которые вначале предпочитали термин «цюнь». Анализ лексемы «шэхуэй» показывает следующие этапы эволюции ее значений: 1) общий сход деревенской общины для принесения жертвы духу земли в начале весны и осени [6]; 2) сельская община («Старая книга истории эпохи Тан», написана в 941–945 гг.) [10]; 3) коллектив, группа с общими интересами («Изложение деяний учителя светлого пути», 1085 г.) [11]; 4) тайное общество («Свод сведений о важнейших событиях династии Сун», создан в начале XIX в.) [12]; 5) общество (конец XIX в., первоначально – в японских источниках [13], также в терминах «социализм», «социология» и пр.) [14].

На то, что слова «ши» (世 – «мир», «время», «эпоха», «поколение») и «го» (国 – «страна», «государство») также некоторое время выступали в китайских текстах того времени как эквивалент слова «общество», обращает внимание, в частности, Н. М. Калюжная [1]. Так, слово «ши» в таком значении употребляли Чжан Бинлинь [15–17], Цзюнь Янь, Юань Сунь и другие ученые, а слово «го» – Лян Цичао [18], Ли Цюнь, Сунь Ятсен и др.

Последние два употреблялись как эквиваленты «общества» лишь от случая к случаю и довольно скоро перестали выступать таковыми, как только общественный дискурс усложнился и пришло понимание, что «общество» – это отдельная концепция, не совпадающая по содержанию с «миром», «эпохой» или «страной». Основная борьба развернулась между лексемами «цюнь» и «шэхуэй», но уже к 1904 г. первый значительно уступает второму, и хотя «цюнь» встречается в значении «общество» вплоть до 1915 г., но это происходит все реже и реже, пока «шэхуэй» окончательно его не вытесняет.

Следует отметить, что победе термина «шэхуэй» способствовал активно формирующийся социально-управленческий дискурс того времени [19]. Можно выделить несколько взаимосвязанных факторов, одновременно повлиявших на его формирование и выбор в пользу лексемы «шэхуэй».

Одним из важнейших стал внутривластный фактор: усиление в социально-управленческом дискурсе антимонархических настроений. Цинская власть демонстрировала свою несостоятельность на протяжении всей второй половины XIX в. Кроме того, дворцовый переворот 1898 г., который привел к власти императрицу Цыси и стал причиной свертывания проекта «100 дней реформ», показал неготовность власти к переменам даже ценой отставания Китая. При этом, будучи маньчжурской династией, Цины воспринимались как захватчики, что вкупе с их политической слабостью сделало династию мишенью части интеллектуальной элиты. Вместе с ростом антимонархических настроений возрастала критика традиции и традиционных терминов. В таких условиях термин «цюнь», в трактовке того времени отсылающий к связи императора и подданных, начал терять свою популярность, пока полностью ее не утратил.

Другим фактором можно назвать социальный: влияние на формирование социально-управленческого дискурса деятельности тайных обществ. Поскольку инакомыслие активно преследовалось Цинским двором, все большее количество людей объединялось тайно. В основном общества создавались для обсуждения насущных проблем и оказания взаимной поддержки в трудной жизненной ситуации, однако в них культивировалось и новое мировоззрение. Прогрессивная интеллигенция симпатизировала им, и сама активно участвовала в их деятельности. По разным оценкам, число тайных обществ в эпоху Цин могло составлять от трехсот до четырехсот. Все это поспособствовало популяризации термина «шэхуэй», которым тайные общества именовались в то время.

Довольно значимым следует считать и внешнеполитический фактор: влияние Японии на развитие Китая и его социально-управленческого дискурса в частности. Япония, раньше Китая реформировавшая свою науку, стала для Китая проводником в новый тип знания. В Японии обучались многие китайские просветители и интеллектуалы. С японского переводилось множество философских, политических и социологических текстов, в том числе западных. В Японии печатались многие китайские прогрессивные издания, поскольку в са-

мом Китае за их публикацию преследовали. Таким образом, принятая в Японии в качестве основного эквивалента термина «общество» лексема «шэхуэй» активно использовалась китайскими авторами вслед за японскими.

Кроме того, следует выделить и несколько лингвистических факторов, которые исходят из предыдущих. Во-первых, это семантическая близость термина «шэхуэй» обновленному социально-управленческому дискурсу. «Шэхуэй», семантически связанный с обозначением сельской общины и тайных обществ, имел гораздо больше шансов для выживания, нежели традиционно и монархически ориентированный «цюнь». Как в древнем, так и в современном значении первая лексема в гораздо большей степени отражала новые идеи самоуправления, народовластия, социальной активности и солидарности. Во-вторых, была выражена графическая доступность термина «шэхуэй» при заимствовании из японского. Он записывался в японском языке теми же иероглифическими знаками, что и в китайском. Другими словами, популяризации термина косвенно способствовало то, что Япония ранее заимствовала китайское письмо, отчего термин выглядел доступно – графически и семантически понятно. В-третьих, у лексемы «шэхуэй» была гораздо более высокая продуктивность: она активно использовалась для образования слов и словосочетаний: «социология», «социализм», «социалистические партии», «общественная мораль» и т. п. В то же время «цюнь» таким багажом не обладал: если слово «цюньсюэ» (群学 – «социология») некоторое время использовалось, то, например, для обозначения «общественной морали» традиционалисты применяли иной термин из классических текстов – «гун дэ» (公德), с «цюнь» лексически не связанный. В этом выражении значение «общественный» берет на себя знак «гун» (公), другим традиционным значением которого были «государь», «государственный». Связь этих двух значений исходила из того, что общие, общественные дела (гун, 公) приравнивались к государственным в противопоставление частным делам (сы, 私) каждого простого человека. Эта традиционная концепция тоже представлялась отсталой, поскольку, по мнению прогрессивных деятелей и противников монархии, например Линь Се, способствовала формированию пассивности граждан: простой народ делал вывод, что общественными делами надлежит заниматься только государю и чиновникам, людям же остались только их частные семейные дела.

С связи с тем, что слово «цюнь» не смогло закрепиться в значении «общество», его ждала другая судьба, гораздо более близкая к его первоначальному значению «стадо», а также «масса», «множество». Так, выражение «жэнь цюнь» (人群), которое должно было означать «человеческое общество», в современном китайском языке понимается как «толпа людей», а другими часто употребляемыми производными словами и сочетаниями являются, например, «табун лошадей» (马群), «народные массы» (также «беспартийные массы») (群众), «незаурядный» (超群, досл. «выделяться из толпы»), «этническая группа» (族群), «популяция» (种群, досл. «множество [одного] вида») и др.

Дальнейшее концептуальное наполнение социально-управленческого дискурса в Китае продолжалось в рамках сложившейся парадигмы восприятия общества не как зависимого от фигуры правителя, а как участника процесса социального управления. С приходом в 1949 г. к власти Коммунистической партии Китая эта парадигма только усиливается, поскольку в марксистской социологии управленческая концепция была построена на передаче власти народу, а

устоявшийся термин «шэхуэй» по-прежнему нес и несет в себе семантику «большого собрания», «общего схода» (знак 会 «хуэй» и сегодня означает «сход», «собрание», «встреча»).

Усиление социально-ориентированных процессов во всем мире повлияло и на Китай. Вместе с мировой наукой и практикой туда ко второй половине XX в. лавинообразно приходят все «социальные» понятия и термины, которые по большей части переводятся калькой. «Шэхуэй» используется в подавляющем большинстве тех выражений, где есть компонент «общество»/«сообщество» или «социальный»/«общественный»: от «общественного строя» (社会适度) до «социалистической партии» (社会党) в марксистском дискурсе, а также научном и общественно-политическом: «общественные организации» (社会组织), «социальное обеспечение» (社会保障), «мировое сообщество» (国际社会) и т. д. Не отстает и разговорный социальный дискурс, порождающий новые речевые практики, не контролируемые сверху. Так, вполне нейтральный термин «социальная молодежь» (работающие молодые люди, антоним слова «студент», другими словами, «социализованная молодежь») в народе стал означать прямо противоположное – «безработная молодежь», «праздно шатающаяся молодежь». Это произошло после того, как городская молодежь во время Культурной революции (1966–1977) была направлена не на обучение в вузы, а на перевоспитание в села, а после возвращения в города уже не могла найти себе работу. Были и обратные семантические переходы: негативный термин «связаться с дурной компанией» (混社会, досл. «смешаться с обществом») во времена экономических реформ стал означать «уметь выживать», «крутиться», «обрастать связями». «Шэхуэй» перспективно работает и в других разговорных выражениях: «мафия» (黑社会, досл. «темное общество»), «искать заработок на чужбине» (闯荡社会, досл. «скитаться в обществе») и др.

Разрыв, связанный с запретом социологии в 1953–1979 гг., не помешал идеям самоуправления социума и общественного участия развиваться и далее, после 1979 г. С возвращением социологии в научное и общественное поле значимое место в ней начинают занимать идеи социального управления, т. е., с одной стороны, такой организации общественных процессов, которая способствует социальному развитию и удовлетворению нужд общества, с другой – процессов, предполагающих широкое участие самого общества в принятии решений. Эта социальная ориентация управления, заложенная в 1980-х, выходит на новый уровень после 2012 г., с приходом к власти нового поколения лидеров во главе с Си Цзиньпином. Внутриполитический курс этой эпохи связан не только с активной китаизацией общественных и научных процессов, но и с усилением властной вертикали, однако социально ориентированный дискурс управления оказывается чрезвычайно устойчивым и поддерживается руководством страны.

Увидеть это можно по смене концептуально-терминологической парадигмы, инициированной в 2013 г. на самом верху, на пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Новая парадигма была направлена на то, чтобы изменить подходы к управлению: так, ранее используемый в значении «социальное управление» термин «шэхуэй гуаньли» (社会管理) в Постановлении ЦК КПК заменялся на другой – «шэхуэй чжили» (社会治理). Старый термин является устойчивым эквивалентом английского «social management», что не соответствует новому курсу на китаизацию и усиление роли партии и государства. Однако, несмотря на то, что в новом термине, который часто переводят как «social governance», очевидны «властные» коннотации (присутствует знак 治, «политика», «власть»), там не менее его ак-

тивно трактуют как термин, подчеркивающий взаимодействие правительства и общества и участие социума в процессах управления. Это подтверждается и реальной практикой: власти Китая постоянно ищут способы привлечь население к участию в решении вопросов развития на низовом уровне, оставляя за собой макропроцессы управления. Другими словами, поддерживая социальный дискурс управления, власти Китая решают проблему соединения двух разновекторных тенденций: усиления партийно-государственного влияния на социальные процессы и повышения активности населения в решении социально значимых проблем. Таким образом, «общество» в сформировавшемся в конце XIX в. значении продолжает определять современный социально-управленческий дискурс.

Заключение. Китайский социально-управленческий дискурс конца XIX – начала XX вв. сформировался в значительной степени как тяготеющий к мировой науке, а также общемировым социально-политическим тенденциям того времени: антимонархизм, народовластие, самоуправление. Традиционализм постепенно утратил свое влияние на общественно-политические процессы и обрел значимую силу лишь через сто лет, после разворачивания курса на китаизацию социума и политики уже в XXI в. А на рубеже XIX–XX вв. за словом «общество» закрепился отвечающий запросам того времени и употребляемый сегодня эквивалент – «шэхуэй». С тех пор он породил множество производных слов и словосочетаний, окончательно одержав победу над всеми конкурентами и определив содержание современного социально-управленческого дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калужная Н. М. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей (начало XX века). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002.
2. 群 // 汉语大字典. 成都: 四川辞书出版社, 2010. 第 3134–3135 页.
3. 群 // 辞源修订本. 第三分册. 香港: 商务印书馆, 1982. 第2263页.
4. Феоктистов В. Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: исследование и перевод. М.: Наука, 1976.
5. Классическое конфуцианство: в 2 т. Т. II. Мэн-цзы. Сюнь-цзы / пер. И. Т. Зограф. СПб.: ИД «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
6. 观念史研究: 中国现代重要政治术语的形成 / 金观涛著. 北京: 法律出版社, 2010.
7. 梁启超. 饮冰室文集之二 · 第二册. 北京: 中华书局, 1989.
8. 欧矩甲. 论大地各国变法皆由民起 // 时条报. 第五十册. 1898年一月三日.
9. Пан Давэй. К истории социологии в Китае // Социол. исслед. 2009. № 4. С. 130–136.
10. 旧唐书 / 刘昫等撰. 北京: 中华书局, 1975.
11. 程颐. 明道先生行状 // 近思录. 卷九. 治法. 台北: 金枫出版有限公司, 1997.
12. 宋会要辑本 / 杨家骆主编. 台北: 世界书局, 1964.
13. Веселова Л. С., Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социол. исслед. 2018. № 7 (411). С. 124–134. DOI: 10.31857/S013216250000169-8.
14. 问答 // 新民丛报 · 第十一号. 1902年7月5日. 第2页.
15. 章太炎. 驳康有为论革命书 // 海上文学百家文库. 章太炎、刘师培卷. 上海: 上海文艺出版社, 2010.
16. 章太炎. 国家论 // 中国近代思想家文库. 章太炎卷. 北京: 中国人民大学出版社, 2015.

17. 章太炎. 建立宗教论 // 章太炎全集. 第4册. 上海: 上海人民出版社, 1985.
18. 梁启超. 变法通议 // 时务报. 1896年8月.
19. Кремнёв Е. В. Некоторые аспекты формирования термина «социология» («社会学») в Китае // Вестн. Ирк. гос. лингв. ун-та. 2012. № 4. С. 74–78.

Информация об авторе.

Кремнёв Евгений Владимирович – кандидат социологических наук (2008), доцент (2013), заведующий кафедрой китаеведения, руководитель Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета, ул. Карла Маркса, д. 1, Иркутск, 664003, Россия; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальное управление в Китае, трансдисциплинарная регионология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 17.01.2024; принята после рецензирования 22.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Kalyuzhnaya, N.M. (2002), *Problemy sotsiologii v trudakh kitaiskikh prosvetitelei (nachalo XX veka)* [Sociology's Problems in the Works of Chinese Enlighteners (The Early 20th Century)], Institut Vostokovedeniya RAN, Moscow, RUS.
2. "Society" (2010), *The Great Chinese Dictionary*, Sichuan Cishu Chubanshe, Chengdu, CHN, pp. 3134–3135.
3. "Society" (1982), *Ci Yuan*, rev. ed., Shangwu Yinshuguan, Hong Kong, CHN, p. 2263.
4. Feoktistov, V.F. (1976), *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vzglyady Syun'-tzy: issledovanie i perevod* [Philosophical and Socio-Political Views of Xunzi: Research and Translation], Nauka, Moscow, USSR.
5. *Klassicheskoe konfutsianstvo: v 2-kh t. T. II. Men'-czy. Syun'-czy* [Classical Confucianism, in 2 vol., vol. II. Mencius. Xunzi] (2000), Transl. by Zograf, I.T., ID "Neva", OLMA-PRESS, SPb., Moscow, RUS.
6. Jin, Guantao (2010), *Guannian shi yanjiu: Zhongguo xiandai zhongyao zhengzhi shuyu de xingcheng* [Research on the History of Concepts: The Formation of Important Modern Chinese Political Terms], Falyu Chubanshe, Beijing, CHN.
7. Liang, Qichao (1989), *Yinbingshi wenji zhi er. Di er ce* [Collected Works of Liang Qichao], vol. 2, Zhonghua Shuju, Beijing, CHN.
8. Ou, Jujia (1898), "On the Fact that All Changes in the Different Countries are Initiated by the People", *Shi Tiao Bao Newspaper*, no. 50, January 3, 1898.
9. Pang, Dawei (2009), "To the History of Sociology in China", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 130–136.
10. Liu, Xu et al. (ed.) (1975), *Tang Jiu Shu* [Old Book of Tang], Zhonghua Shuju, Beijing, CHN.
11. Cheng, Yi (1997), "The Life of Master of Bright Path", *Jinsi Lu*, vol. 9, Jinfeng Chuban Youxian Gongsu, Taipei, TWN.
12. Yang, Jialuo (ed.) (1964), *Song Hui yao Ji ben* [Summary of the Most Important Events of the Song Dynasty], Shijie Shuju, Taipei, CHN.
13. Veselova, L.S., Deriugin, P.P. and Lebedintseva, L.A. (2018), "Vectors of Chinese Sociology Becoming: Pragmatic Orientation and Maintaining of Tradition", *Sociological Studies*, no. 7 (411), pp. 124–134. DOI: 10.31857/S013216250000169-8.
14. "Questions and Answers" (1902), *Xin Min Cong Bao*, no. 11, July 5, p. 2.

15. Zhang, Taiyan (2010), "Refuting Kang Youwei's Theory of Revolution", *Hundred Literary Treasures of the Sea*, Shanghai Wenyi Chubanshe, Shanghai, CHN.
16. Zhang, Taiyan (2015), "On the State", *Library of Modern Chinese Thinkers*, Renmin Daxue Chubanshe, Beijing, CHN.
17. Zhang, Taiyan (1985), "On The Establishment of Religion", *Collected Works of Zhang Taiyan*, vol. 4, Shanghai Renmin Chubanshe, Shanghai, CHN.
18. Liang, Qichao (1896), "General Discussion on Reform", *Shi Wu Bao*, August.
19. Kremnyov, E.V. (2012), "Some aspects of evolution of the term "Sociology" ("社会学") in China", *Vestnik Irkutskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*, no. 4, pp. 74–78.

Information about the author.

Evgeny V. Kremnyov – Can. Sci. (Sociology, 2008), Docent (2013), Head of the Department of Sinology, Head of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia Pacific, Irkutsk State University, 1 Karla Marksa str., Irkutsk 664003, Russia; Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: social management in China, transdisciplinary regionology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 17.01.2024; adopted after review 22.02.2024; published online 23.04.2024.*

Оригинальная статья

УДК 316.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-39-48>

Солидаризация российского общества: историографический анализ

Алмаз Рафисович Гапсаламов¹✉, Егор Валерьевич Громов²

^{1, 2}Елабужский институт КФУ, Елабуга, Россия

¹✉gapsalamov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8045-623X>

²gromove@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-3665>

Введение. Актуальность проблемы солидаризации российского общества в наше время связана с попытками стран Большого Запада решить накопившиеся проблемы через создание образа врага, который позволяет консолидировать национальные экономики и эффективно бороться с оппозиционными силами внутри страны. В современной российской философии сложился ряд подходов к разработке концепции солидаризации российского общества, однако многие аспекты проблемы до настоящего времени остаются исследованными в недостаточной степени. Соответственно, в данном исследовании осуществлен анализ различных подходов к определению солидаризации общества, сформированных в российской философии, выявлены сущностные свойства солидаризации, обоснован тезис о необходимости формирования новых инструментов и механизмов общественного устройства, которые позволят солидаризировать общество. Целью представленного исследования является историографический анализ понятия солидаризации применительно к российской действительности.

Методология и источники. Методологической основой данного исследования является принцип единства исторического и логического, а также методы анализа и синтеза. В качестве источников были использованы труды классиков российской философской мысли, разрабатывавших концепцию солидаризации (И. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский и др.), а также работы современных отечественных мыслителей, таких как Ю. В. Шкудунова, А. А. Ефанов, позволяющие выявить основные аспекты проблемы солидаризации российского общества.

Результаты и обсуждение. Авторы настоящей статьи провели историографический анализ понятия «солидаризация». В ходе анализа были выявлены ее основные сущностные свойства, такие как процессуальность, ценностная ориентация, идеологичность, комплексность. Также показана актуальность традиций русской религиозной философии для разработки проблемы солидаризации. Авторы рассматривают солидаризацию общества как совокупность политических, экономических и социокультурных процессов, направленных на объединение общества вокруг целостной системы ценностей, выражаемых единой общественной идеологией.

Заключение. Современный мир находится в фазе политической турбулентности, оказывающей прямое воздействие на все основополагающие аспекты жизни общества. Особенно ярко оно прослеживается на примере российской действительности. В этих условиях выживаемость России зависит от степени единства общества как залога национальной безопасности.

© Гапсаламов А. Р., Громов Е. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: общество, солидаризация, единство, антисолидаризация, сверхсолидаризация, Россия

Благодарность: работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Для цитирования: Гапсаламов А. Р., Громов Е. В. Солидаризация российского общества: историографический анализ // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 39–48. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-39-48.

Original paper

Solidarization of Russian Society: a Historiographical Analysis

Almaz R. Gapsalamov¹, **Egor V. Gromov²**

Elabuga Institute of Kazan Federal University, Elabuga, Russia

¹gapsalamov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8045-623X>

²gromove@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-3665>

Introduction. At present the relevance of the problem of solidarity of Russian society is associated with the attempts of the countries of the Greater West to solve accumulated problems through building an image of the enemy, which makes it possible to consolidate national economies and effectively fight opposition forces within the country. In modern Russian philosophy, a number of approaches to developing the concept of solidarity of Russian society have developed. Despite this, many aspects of this problem still remain insufficiently studied. Thus, this study analyzes various approaches to defining the solidarity of society, which were formed in Russian philosophy; identifies the essential properties of solidarity, and substantiates the thesis about the need to form new tools and mechanisms of social order that will allow for the solidarity of society. The purpose of the presented research is a historiographic analysis of the concept of solidarity in relation to Russian reality.

Methodology and sources. The methodological basis of this study is the principle of unity of the historical and logical, as well as methods of analysis and synthesis. There were used as sources the works of classics of Russian philosophical thought who developed the concept of solidarity (I.S. Aksakov, N.Ya. Danilevsky, etc.), as well as the works of modern Russian thinkers, such as Yu.V. Shkudunova, A.A. Efanov, allowing to identify the main aspects of the problem of solidarity of Russian society.

Results and discussion. The authors of this article conducted a historiographical analysis of the concept of “solidarization”. During the analysis, the main essential properties of solidarity were identified, such as procedurality, value orientation, ideology, and complexity. The relevance of the traditions of Russian religious philosophy for the development of the problem of solidarity is also shown. The authors consider the solidarity of society as a set of political, economic and sociocultural processes aimed at uniting society around an integral system of values expressed by a single social ideology.

Conclusion. The modern world is in a phase of political turbulence, which has a direct impact on all fundamental aspects of society. Their impact can be seen especially clearly in the example of Russian reality. In these conditions, the survival of Russia depends on the degree of unity of society as a guarantee of national security.

Keywords: society, solidarization, unity, antisolidarization, supersolidarization, Russia

Acknowledgments: This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program.

For citation: Gapsalamov, A.R. and Gromov, E.V. (2024), "Solidarization of Russian Society: a Historiographical Analysis", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 39–48. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-39-48 (Russia).

Введение. В российской философии на всех этапах ее развития одной из актуальнейших оставалась проблема общественной солидарности и путей ее достижения. Актуальность этой проблемы обусловлена существованием в российском обществе целого ряда глубоких и застарелых расколов, неоднократно становившихся источниками социальных и политических потрясений. В настоящее время эта проблема обрела новую остроту, что связано с нарастающим риском новой мировой войны и усиливающимися попытками стран Большого Запада создать образ врага в лице России, который позволил бы консолидировать национальные экономики через развитие военно-промышленного комплекса и эффективно бороться с оппозиционными силами внутри собственных стран путем переключения внимания с внутренних проблем на международное противостояние. Эти попытки включают в себя усилия по дестабилизации положения внутри России путем использования исторически сложившихся этнических, социальных и культурных противоречий. Вместе с тем ряд аспектов проблемы солидаризации общества остаются в российской философии разработанными в недостаточной мере: не полностью выявлена природа солидаризации, не установлены ее существенные свойства, не решен вопрос о связи солидаризации с общественной идеологией. Все это обуславливает актуальность дальнейшей разработки данной проблемы.

Методология и источники. В основу методологии исследования был положен философский принцип единства исторического и логического, позволивший выявить актуальность традиций русской религиозной философии при решении проблемы солидаризации общества. При работе с источниками и формулировке выводов применялись методы анализа и синтеза. В качестве источников были использованы произведения классиков российской философской мысли, разрабатывавших концепцию солидаризации общества. Из них наибольшее значение имели труды представителей славянофильства, таких как И. С. Аксаков и Н. Я. Данилевский, а также работы ученых традиционалистского направления российской философии XIX–XX вв. (М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров). Источником анализа современного состояния проблемы послужили работы отечественных мыслителей нашего времени, таких как Ю. В. Шкудунова, А. А. Ефанов, позволяющие выявить основные аспекты проблемы солидаризации российского общества.

Результаты и обсуждение. События начала 2022 г. стали поворотными в мировой политике и экономике. Невооруженным взглядом можно наблюдать выброс накопившихся проблем, которые ранее не выходили так остро на уровень всеобщего обсуждения. Мировая политика и экономика, Россия–Украина–Палестина–Израиль–западный мир, возможность глобальной рецессии и множество других малых и крупных проблем и противоречий, как снежный ком, набирают обороты, подвергая кардинальному переустройству институты, механизмы и порядки прежней глобальной системы хозяйствования. Сегодня все более отчетливо высвечиваются все нестыковки, противоречия существующей системы. И дело даже не в том, что она несовершенна, меняются «правила игры», появляются новые геополитические игроки, которые начинают претендовать на особое место в мировом устройстве.

Пул проблем долгое время накачивался, как воздушный шар, и в прошлом году нашел свой выход в виде создания образа врага привычному образу жизни. И этим «врагом» для

западного мира стала Россия. Конфликт России и Украины, вылившийся в фазу острого военного противостояния стал лишь поводом свалить многие проблемы западного мира на одно государство, переориентировать фокус внимания своего электората с внутренних проблем на внешние. Подобное не раз уже реализовывалось в практике политических интриг Запада по отношению к таким странам, как Ирак, Иран, Северная Корея, Сирия и других.

Россию искусственно загоняют в образ некоего монстра, заставляя другие страны мира разорвать с ней любые формы политических, экономических и, что особенно важно, научных, культурных и образовательных контактов. В свою очередь это сопряжено с нагнетанием внутренних проблем, не последнее место среди которых занимает снижение уровня и качества жизни. Это создает пропасть между властью и обществом по возможной совместной реализации государственной экономической политики. По мере ухудшения общеэкономической ситуации общество все с большим недоверием и недопониманием относится к проводимым реформам.

В настоящее время назрела острая необходимость кардинального переустройства не только отдельных сторон общественной жизни, но и проведения комплекса мероприятий по радикальному изменению концепции и идеологии национальной экономики. Сформулированные в прежнее время концепции классиков политической экономии, дополненные трудами последующих проповедников рыночной идеологии, сегодня не способны решить не только глобальные, но даже внутренние проблемы российского государства. Но и отход к прежней модели социалистической экономики был бы пагубен для страны, чему свидетельствует опыт советской экономики, схлопнувшейся под воздействием преимущественно естественных причин, связанных с ее неэффективностью.

Сегодня мы подошли к фактическому возрождению идеи «народного дома», но применительно не к отдельно взятому соглашательству между предпринимателями–профсоюзами–работниками, а во взаимодействии между властью и обществом. В условиях внешнеполитических вызовов, внутренних задач выживаемость России во многом обусловлена солидаризацией всего общества вокруг решения существующих проблем и создания новой экономической платформы, которая обеспечила бы объединение всех ее участников на основе реализации концепции планируемого рынка.

В то же время создание новой платформы сегодня невозможно без изменения государственной идеологии и социальных отношений. Успешность всех изменений зависит от степени подготовленности общества, а также одобрения им и участия в основополагающих системных изменениях всего конструкта государственного управления. Представленные изменения возможны только на основе улучшения качества медицины и образования, гарантированной возможности получения собственного жилья без попадания в тотальную зависимость от государства или банковского сектора, обеспечения полной занятости для активного трудоспособного населения, стремящегося найти работу, оказания необходимой помощи для всех социально необеспеченных слоев российского общества и пр.

Реализация указанных компонентов во многом определяет степень удовлетворения населения политической средой, а значит и поддержку тех решений, которые определяет власть. В связи с этим особое значение приобретает концепция солидаризации общества, активно разрабатываемая в России на протяжении последних двух десятилетий. Разработка этой кон-

цепции лишь отчасти и только в течение последнего десятилетия обусловлена государственным заказом. В постсоветской России 1990-х гг. интерес власти к философии, как и философская культура общества в целом, резко упал. Отчасти это было обусловлено реакцией на засыле государственной идеологии, характерное для памятной еще в то время советской эпохи, но огромную роль сыграло и проникновение в отечественную мысль идей западного постмодерна и постпозитивизма после краха политики «железного занавеса». Антифилософский, по существу, характер современной западной культуры был некритически усвоен как российской политической элитой, так и значительной частью интеллигенции, уже подготовленной к его восприятию традициями советского диссидентства. Соответственно, в этот период о государственном заказе на разработку концепции солидаризации российского общества не могло идти речи, поскольку такой заказ, даже в случае его возникновения, не нашел бы исполнителей. Интерес государства к философско-политическому просвещению начинает возрождаться только после событий 2014 г., показавших актуальность борьбы идеологий в современном мире. Именно тогда был поставлен под сомнение закрепленный в Конституции России запрет на существование государственной идеологии, а вопрос о солидаризации общества выдвинут на государственном уровне. Однако как проблема отечественной философии вопрос о солидаризации общества не переставал разрабатываться многими мыслителями в нашей стране, что показывает ее актуальность для российской философской традиции. Далее рассмотрим в обобщенной форме основные этапы ее разработки и сформированные в ее процессе подходы к солидаризации общества.

Следует заметить, что единого и общепризнанного определения солидаризации в российской философии, при всей актуальности данной проблемы, на настоящий момент не существует. Основной причиной такой ситуации можно считать многообразие подходов к проблеме будущего России, выработанных в отечественной философской мысли в процессе ее развития. Проблема солидаризации российского общества впервые была поставлена во второй трети XIX столетия в рамках философии славянофильства. В это время главной стала проблема раскола между элитой российского общества XVIII–XIX вв. и основной массой народа, обусловленного вестернизацией российской государственности в результате реформ Петра Великого. Усвоив начала западной культуры, российское дворянство, а отчасти и верхние слои других сословий оказались в культурной изоляции от среднего и низшего классов той социокультурной системы, к которой они номинально продолжали принадлежать. Уже основатели славянофильства отмечали, что в ценностях, идеалах и образе жизни верхов русского общества этой эпохи не оставалось, по существу, ничего русского. И. С. Аксаков отмечает, в частности, что Петербург его времени – центр российского европеизма – не мог считаться русским городом [1, с. 197]. Именно с культурным расколом на почве поверхностной европеизации образованных слоев общества связывает Н. Я. Данилевский распространение в России XIX в. нигилистического мировоззрения [2, с. 257–258]. Предвидя, что в будущем этот разрыв российского общества может повлечь за собой крупномасштабный кризис всей российской цивилизации, они поднимают вопрос о его преодолении через восстановление солидарности между разными слоями социума. Основанием для предлагаемой модели солидаризации славянофилы избирают то единственное, что еще формально объединяет обе стороны культурного раскола – православие. Так, И. В. Кире-

евский отмечает, что с начала развития российской культуры основным ее просвещающим началом было влияние церкви, в отличие от Запада, где помимо христианской проповеди сохранялось также влияние греко-римской духовной традиции, непосредственно усвоенной от поздней Римской империи [3, с. 119]. Истоки десолидаризации в России Киреевский усматривает в более ранней истории, относя их не ко времени Петра Великого, как большинство славянофилов, а к эпохе Ивана Грозного, а именно к Стоглавому Собору, который, по его мнению, привел к разделению общества на традиционалистскую партию и партию европоцентристскую, выразителем интересов которой через полтора столетия и стал Петр [3]. Возрождение России он связывает с возвращением «...к тому живительному духу, которым дышит ее церковь» [3, с. 120]. Следует заметить, что славянофилы, во-первых, не разделяют солидаризацию общественную, национальную и религиозную: сама религиозность для них важна как выражение национального духа, как источник живого единства народа; во-вторых, они не включают в процесс солидаризации нехристианские народы России. Последнее обусловлено тем, что для славянофилов была принципиально важна именно историческая миссия русского народа, который они воспринимали как важнейшую часть великого славянского мира. Развитие такого мировосприятия привело уже в середине – второй трети XIX в. к появлению концепций солидаризации общества, которые в следующем столетии были бы оценены как националистические. Ряд поздних славянофилов, в частности М. Н. Катков, рассматривают национальное многообразие России как одну из точек воздействия антигосударственной пропаганды, направленной на развитие сепаратистских движений, подрывающих единство и силу державы [4, с. 70–82]. В печати 1860–1880-х гг. появляются проекты солидаризации России путем «обрусения» входящих в нее народов, вызвавшие резкую поэтическую отповедь А. К. Толстого.

В дальнейшем проблема социокультурной солидаризации российского общества неоднократно поднималась представителями российской философии. Основным аспектом проблемы, привлекавшим внимание философов, было преодоление раскола между властью и народом в России, обусловленного европеизацией элитарной культуры и бюрократическим отделением самодержавия от общества. Так, в трудах А. А. Киреева отмечается десолидаризирующий характер той структуры правительства, которая установилась благодаря реформам Александра I [5, с. 376]. Общее распространение в русской философии второй половины XIX – начала XX вв. получил образ «средостения», перегородки, отделяющей руководство страны от народа и обусловливающей взаимное непонимание между ними. По мнению Л. А. Тихомирова, уже с начала XVIII в. вся политическая система Российской империи была направлена на отделение верховной власти от нации [5, с. 361–365]. Поскольку проблема солидаризации разрабатывалась преимущественно в рамках традиционалистского направления русской мысли, то и путь к ее достижению предлагался, как правило, на основе сплочения нации вокруг монархической идеи. Она рассматривалась как единственное наследие исконно русской политической традиции, объединяющее все слои российского общества.

После революции 1917 г. разработка проблемы солидаризации общества в России была прервана на несколько десятилетий. Это обуславливалось самим содержанием марксистско-ленинской идеологии, ставшей в СССР идейной основой государственности. Официальная доктрина гласила, что партия Ленина является универсальной солидаризирующей силой советского

общества и всего мирового пролетариата; вопрос о поисках социокультурных начал солидаризации, таким образом, полностью устранялся. Вновь к проблеме солидаризации отдельные советские философы возвращаются лишь на закате советской эпохи, чему способствовало, с одной стороны, ослабление идеологического гнета, с другой – очевидный провал советского коммунистического проекта, показавший, что разрыв между народом и властью не только не был устранен за семь десятилетий социалистического строительства, но и принял новые формы, превратившись в раскол между партийной верхушкой и теми народными массами, которым она должна была служить. Так, проблема солидаризации поднимается в трудах А. С. Панарина, Д. С. Лихачева, А. И. Солженицына и ряда других авторов. В то же время эта проблема активно разрабатывается рядом философов-эмигрантов в контексте идей дореволюционного русского философского традиционализма. Так, П. Я. Савицкий усматривал основное солидаризирующее начало России в ее особой геополитической роли на Евразийском континенте. А. И. Ильин считал, что духовной основой солидаризации русского общества может и должна стать идея верховной власти, тесно связанная в народном сознании с представлениями о духовных началах общества. После распада СССР вопрос о солидаризации общества принял новые черты. Духовный разрыв между социальной элитой и массами получает новый импульс благодаря, с одной стороны, быстрому усвоению современной культуры постмодерна с ее деконструкционными тенденциями, с другой – резкому спаду экономического благосостояния большей части населения на фоне сосредоточения богатств и власти в руках так называемых олигархов – представителей постсоветского спекулятивного капитала. Этот новый раскол в российском обществе, еще более глубокий, чем предшествовавший раскол советской эпохи, фиксируют такие постсоветские мыслители, как А. С. Панарин, Т. Горичева и др.

В современной российской философии проблема солидаризации разрабатывается преимущественно в социально-политическом и культурном контекстах, причем экономический ее аспект практически остается вне поля зрения исследователей. Так, И. С. Кузьменко рассматривает солидаризацию российского общества как совокупность информационных процессов, ведущих к выработке общей для разных социальных слоев и различных этнокультурных сообществ системы ценностей [6]. Основными компонентами социализации автор считает влияние СМИ и процессы межкультурной коммуникации. Солидарность в качестве продукта солидаризации может носить как конструктивный, так и деструктивный характер. По Ю. В. Шкудуновой, «солидаризация – ...процесс проявления единодушия, согласия с кем-либо, иначе, это процесс выражения своей солидарности... Это процесс единения участников общественных отношений» [7, с. 4119]. Конечным итогом процесса солидаризации, по ее мнению, является статичное состояние солидарного общества. Исходя из специфики процессов солидаризации в России, она приходит к окончательному ее определению как процесса «построения социальной системы, в которой ее члены обладают реальной правовой и социально-политической субъектностью, на основе чего их права, возможности и интересы могут быть консолидированы ради достижения общих целей» [7, с. 4120]. Л. И. Никовская рассматривает солидаризацию как двойственную систему процессов, итогом которых может быть формирование как механической солидарности, основанной на формальном признании установленных извне объединяющих начал общества, так и солидарности органической, в основе которой лежит внутреннее восприятие общей системы ценностей [8]. По А. А. Ефанову, социальная со-

лидаризация есть «формирование консолидированного патриотизма в развитом гражданском обществе, обусловленное усилением роли коммуникативно-культурной памяти в конструировании идеологических ориентиров» [9, с. 192]. Формулировка определения солидаризации затрудняется еще и тем, что во многих российских исследованиях вопрос о динамическом характере солидаризации, о ее процессуальности, не ставится вообще. Так, в трудах, посвященных природе социальной солидарности, под солидаризацией часто понимается степень сформированности данного качества в обществе на момент исследования.

Справочная литература сегодня связывает солидаризацию с «политической теорией о необходимости солидарности и стремления к компромиссу, социальному сотрудничеству и духовному доверию среди различных слоев общества, в том числе классов, партий и групп интересов» [10]. Согласимся с последним утверждением, добавив, что ключевое значение отводится социальному сотрудничеству между отдельными слоями общества.

Помимо указанного понятия можно ввести в научный оборот термины «антисолидаризация» и «сверхсолидаризация». Первое понятие означает процесс ломки устоявшихся связей между членами или группами общества, разрушение общественных идеалов и принципов. Антисолидаризация присуща странам, находящимся в периоде острых политических кризисов и революционных потрясений. В это время рушится старая идеология, и на ее месте возможно зарождение новой. Примером является заключительный этап развития советской и формирование новой российской государственности в конце 1980–1990-х гг.

Исходя из изложенного можно выделить следующие основополагающие свойства солидаризации:

1. Процессуальность. Солидаризация представляет собой совокупность определенных процессов, происходящих в социальной системе.
2. Ценностная ориентация. Солидаризация направлена на формирование системы ценностей, разделяемых всем обществом.
3. Идеологичность. Солидаризация требует формирования общественной идеологии, которая интегрировала бы в себе важнейшие общественные ценности.
4. Комплексность. Процессы солидаризации охватывают все слои общества и проявляются во всех сферах его жизни (политике, экономике, образовании, искусстве и т. д.).

Таким образом, можно определить солидаризацию общества как совокупность политических, экономических и социокультурных процессов, направленных на объединение общества вокруг целостной системы ценностей, выражаемых единой общественной идеологией. Солидаризация общества разворачивается во взаимодействии всех участников социального процесса и не может быть реализована лишь путем государственного принуждения.

Заключение. Современный мир находится в фазе политической турбулентности, оказывающей прямое воздействие на все основополагающие аспекты жизни общества. Особенно яркое ее воздействие прослеживается на примере российской действительности. В этих условиях выживаемость России зависит от степени единства общества как залога национальной безопасности. Развитие концепций солидаризации общества в российской философии привело к формированию разнообразных подходов к данной проблеме. В результате данного исследования установлены основополагающие сущностные свойства солидаризации общества и сформулировано ее определение как совокупности политических, экономических и социокультурных

процессов, направленных на объединение общества вокруг целостной системы ценностей, выражаемых единой общественной идеологией. Дальнейшая разработка данной проблемы, очевидно, будет связана с решением в отечественной философской мысли вопроса о новой российской идеологии в контексте проблемы исторической судьбы России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И. С. Петербург и Москва // Наше знамя – русская народность: сост. и коммент. С. Лебедева; отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 197–203.
2. Данилевский Н. Я. Происхождение нашего нигилизма // Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. СПб.: Изд-во Н. Страхова, 1890. С. 231–271.
3. Киреевский И. В. Въ отвѣтъ А. С. Хомякову // Полное собраніе сочиненій И. В. Киреевскаго: в 2 т. Т. 1 / под ред. М. Гершензона. М.: Типографія Московскаго Имераторскаго Ун-та, 1911. С. 109–120.
4. Катков М. Н. Идеология охранительства: сост., предисл. и коммент. Ю. В. Климакова; отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009.
5. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: РОССПЭН, 2010.
6. Кузьменко И. С. Солидаризация в современном обществе: социально-коммуникативный аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 33–36. DOI: 10.23672/SAE.2020.2020.58099.
7. Шкудунова Ю. В. Экспликация понятий «солидарность» и «солидаризация» // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–18. С. 4118–4122.
8. Никовская Л. И. К проблеме формирования консолидации российского общества: взгляд конфликтолога // Местное право. 2022. № 3. С. 45–50.
9. Ефанов А. А. Социальная солидаризация развитого гражданского общества: медиаориентированный подход // Профессиональная культура журналиста в эпоху социальных и технологических трансформаций медиасферы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Екатеринбург, 23–24 апр. 2020 г. / Урал. фед. ун-т. Екатеринбург, 2020. С. 192–194.
10. Солидаризм // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 02.01.2024).

Информация об авторах.

Гапсаламов Алмаз Рафисович – кандидат экономических наук (2007), доцент (2010), заведующий кафедрой экономики и менеджмента Елабужского института КФУ, ул. Казанская, д. 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600, Россия. Автор 120 научных публикаций, из них 7 монографий, более 40 статей ВАК, 27 статей Scopus, 9 статей Web of Science. Сфера научных интересов: солидаризация общества, социально-экономическая политика РФ в условиях ограничений; трансформация системы образования в современных условиях; прогнозирование развития системы образования и экономики.

Громов Егор Валерьевич – кандидат философских наук (2004), доцент (2007), доцент кафедры философии и социологии Елабужского института КФУ, ул. Казанская, д. 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600, Россия. Автор 54 научных публикаций, из них 3 монографии, более 10 статей ВАК, 7 статей Scopus. Сфера научных интересов: сознание современного человека и духовная культура современного мира; вопросы религиозного сознания, социальной и культурной солидаризации общества в условиях глобального противостояния цивилизаций; солидаризация общества.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 17.01.2024; принята после рецензирования 05.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.*

REFERENCES

1. Aksakov, I.S. (2008), "St. Petersburg and Moscow", *Nashe znamya – russkaya narodnost'* [Our banner is the Russian people], compilation and comments by Lebedev, S., in Platonov, O. (ed.), *In-t russkoi tsivilizatsii*, Moscow, RUS, pp. 197–203.
2. Danilevskii, N.Ya. (1890), "The origin of our nihilism", *Sbornik "politicheskikh" i ehkonomicheskikh" statei* [Collection of political and economic articles], Izd. N. Strakhova, SPb., RUS, pp. 231–271.
3. Kireĭvskii, I.V. (1911), "In response to A.S. Khomyakov", *Polnoe sobranie sochinenii I. V. Kireĭvskago* [Complete works of I.V. Kirekhvsky], in 2 vol., vol. 1, in Gershenzon, M. (ed.), *Tipografiya Moskovskago Imeratorskago Un-ta*, Moscow, RUS, pp. 109–120.
4. Katkov, M.N. (2009), *Ideologiya okhranitel'stva* [Ideology of conservation], compilation, preface and comments Klimakov, Yu.V., in Platonov, O. (ed.), *In-t russkoi tsivilizatsii*, Moscow, RUS.
5. Tikhomirov, L.A. (2010), *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchical statehood], ROSSPEN, Moscow, RUS.
6. Kuzmenko, I.S. (2020), "Solidarization in modern society: social and communicative aspect", *Humanitarian, social-economic and social sciences*, no. 3, pp. 33–36. DOI: 10.23672/SAE.2020.2020.58099.
7. Shkudunova, Yu.V. (2015), "Explication of the concepts of "solidarity" and "solidarization"", *Fundamental research*, no. 2–18, pp. 4118–4122.
8. Nikovskaya, L.I. (2022), "On the problem of formation of consolidation of Russian society: the view of a conflictologist", *Local Law*, no. 3, pp. 45–50.
9. Efanov, A.A. (2020), "Social solidarity of a developed civil society: a media-oriented approach", *Professional'naya kul'tura zhurnalista v ehpokhu sotsial'nykh i tekhnologicheskikh transformatsii mediasfery* [Professional culture of a journalist in the era of social and technological transformations of the media sphere], All-Russian scientific and practical conference with international participation, Ekaterinburg, RUS, April 23–24 2020, pp. 192–194.
10. "Solidarism", *Wikipedia*, available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (accessed 02.01.2024).

Information about the authors.

Almaz R. Gapsalamov – Can. Sci. (Economics, 2007), Docent (2010), Head of the Department of Economics and Management, Elabuga Institute of Kazan Federal University, 89, Kazanskaya str., Elabuga, Tatarstan Republic 423600, Russia. The author of more than 120 scientific publications. Area of expertise: solidarity of society, socio-economic policy of the Russian Federation under conditions of restrictions; transformation of the education system in modern conditions; forecasting the development of the education system and the economy.

Egor V. Gromov – Can. Sci. (Philosophy, 2004), Docent (2007), Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology, Elabuga Institute of Kazan Federal University, 89, Kazanskaya str., Elabuga, Tatarstan Republic 423600, Russia. The author of 54 scientific publications. Area of expertise: consciousness of modern man and spiritual culture of the modern world issues of religious consciousness; social and cultural solidarity of society in the context of global confrontation between civilizations; solidarity of society.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 17.01.2024; adopted after review 05.02.2024; published online 23.04.2024.*

Оригинальная статья

УДК 316.334.3

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-49-58>

Развитие берлинца как человека политического под воздействием городской культурной среды

Александр Михайлович Токарев

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
a.tokarev@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3997-3714>*

Введение. В статье представлены причины возникновения этнического разнообразия города Берлина, политические, исторические, географические, антропологические и социологические особенности городской среды, а также обозначены актуальные проблемы немецкого общества, формирующие культуру человека политического. Актуальность темы обусловлена политической радикализацией мигрантов в Германии, в частности в Берлине, являющейся следствием культурной глобализации, которая влияет на традиционные политические институты и модели поведения среднего жителя города. Кризис либерально-демократической модели, увеличение количества евроскептиков также играют немаловажную роль в трансформации политической культуры современного берлинца. Решение проблемы политической радикализации мигрантов немаловажно и для Российской Федерации, в частности для Санкт-Петербурга, сочетающего в себе особенности городской среды, характерной для стран Европы, и полиэтнического российского государства, жители которого являются россиянами, несмотря на национальные и культурные различия.

Методология и источники. Методологическим основанием исследования является модель концентрических зон Эрнеста Бёрджесса. Работа базируется на следующих методах исследования: обобщение, сравнение, анализ, социологические методы. Источниками исследования послужили данные Федерального статистического ведомства Германии; данные результатов выборов 2016 г. в палату депутатов Берлина, выборов 2021 г. и повторных выборов 2023 г.; исторические данные; данные других исследователей по теме.

Результаты и обсуждение. В ходе исследования были выявлены особенности городской культуры, формирующие полиэтническое берлинское общество – этническое многообразие жителей, особенная самоидентификация берлинцев, наличие уникальных городских округов, движения сквоттеров и влияние архитектурно-пространственных характеристик на формирование социального поведения человека. Также были выделены и некоторые проблемы города: формирование искаженного восприятия правых и левых течений у берлинцев, провал политики мультикультурализма, миграционный кризис и дефицит жилья.

Заключение. Развитие берлинца как человека политического формируется под воздействием особенностей городской среды и некоторых проблем города, на политические взгляды которого оказывают влияние округ проживания, свойства городской политической культуры и его этническое происхождение.

Ключевые слова: Берлин, берлинец, мигранты, политические партии, городская культура, этнос, человек политический

© Токарев А. М., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Токарев А. М. Развитие берлинца как человека политического под воздействием городской культурной среды // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 49–58. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-49-58.

Original paper

The Development of the Berliner as a Political Person under the Influence of the Urban Cultural Environment

Aleksandr M. Tokarev

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
a.tokarev@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3997-3714>*

Introduction. The article explores the reasons for the emergence of ethnic diversity in the city of Berlin, encompassing political, historical, geographical, anthropological, and sociological aspects of the urban environment. It also outlines the current issues in German society that shape the political culture of its people. The relevance of the topic is driven by the political radicalization of migrants in Germany, particularly in Berlin, resulting from cultural globalization that impacts traditional political institutions and behavioral models of the city's residents. The crisis of the liberal-democratic model and the increase in the number of Eurosceptics also play a significant role in the transformation of the political culture of contemporary Berliners. Solving the problem of political radicalization of migrants is equally important for the Russian Federation, especially in St. Petersburg, combining characteristics of the European urban environment and the polyethnic Russian state, whose residents consider themselves Russians despite national and cultural differences.

Methodology and sources. The research is grounded in Ernest Burgess's model of concentric zones. The study relies on research methods such as synthesis, comparison, analysis, and sociological approaches. Data from the Federal Statistical Office of Germany, the results of the 2016 elections to the Berlin House of Deputies, the 2021 elections, and the subsequent 2023 elections, historical data, and findings from other researchers on the topic served as sources for the study.

Results and discussion. The study identifies features of urban culture shaping the polyethnic Berlin society, including the ethnic diversity of residents, unique self-identification of Berliners, the presence of distinct urban districts, squatter movements, and the influence of architectural and spatial characteristics on the formation of human social behavior. Some city problems were also highlighted, such as the crisis of formation of a distorted perception of right and left currents among Berliners, the failure of multiculturalism policies, the migration crisis, and housing shortages.

Conclusion. The development of a Berliner as a political being is influenced by the characteristics of the urban environment and certain issues facing the city, where the residential district, properties of the city's political culture, and ethnic background impact the political views of its inhabitants.

Keywords: Berlin, Berliner, migrants, political parties, urban culture, ethnicity, political being

For citation: Tokarev, A.M. (2024), "The Development of the Berliner as a Political Person under the Influence of the Urban Cultural Environment", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 49–58. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-49-58 (Russia).

Введение. Огромное влияние на культуру человека политического оказывает город и городская среда. Согласно определению С. С. Аванесова, город – это, прежде всего, пространственно-структурированная форма совместного существования людей [1]. Человек развивается политически через взаимодействие с политической культурой города. Довольно часто это приводило к возникновению так называемой эхо-камеры или информационного пузыря внутри отдельной субкультуры, района, города, однако с развитием технологий и информационных сетей подобная проблема городской среды исчезла сама собой [2]. Тем не менее антропологические и социальные особенности города продолжают формировать политическую культуру конкретного человека, что особенно заметно на примере такого крупного города, как Берлин.

Антропология городского пространства или городской среды берет своё начало в работах К. Маркса и Ф. Энгельса – представителей экономического подхода в социологии. Исследование «Положение рабочего класса Англии» (1845 г.) Фридриха Энгельса доказывает, что индустриализация стала одной из основных причин формирования классового общества в этой стране [3]. Данную работу можно экстраполировать и на Берлин, особенно в случае с массовым недовольством рабочих условиями труда и повсеместным возникновением марксистских кружков, которые в дальнейшем выльются в Ноябрьскую революцию 1918 г.

Одним из продолжателей социологического изучения города стал социолог Чарльз Бут (1840–1916), который ввел понятие «черта бедности» [4]. Новой ступенью в социологии и отчасти формированием истоков антропологии является работа Макса Вебера «Город» (1921 г.), где впервые показаны социально-политические системы городов Античности, Средних веков и Нового времени [5]. В 1920–1930 гг. формируется Чикагская социологическая школа (Р. Парк, Э. Бёрджесс, Р. Маккензи, Л. Вирт и др.), ставшая теоретической основой социологии и антропологии городской среды, благодаря которой возникла возможность социологической типологизации города и выявления его культурно-антропологических особенностей.

Одним из основоположников современной этнографии и антропологии является Николай Павлович Анциферов – российский краевед, который в одной из своих работ «Душа Петербурга» выделяет культурное пространство как одно из особенностей города [6]. Берлин также является уникальным памятником культуры, формирующим вкусы и политические взгляды жителей. Примером этого процесса выступает и кинематограф: как через к/ф «Амели» (2001 г.) Жан-Пьер Жёне описывает характер Парижа, а Вуди Аллен и Джим Джармуш рассказывают о Нью-Йорке, делая героем фильма целый город, так и Берлин нашел свое отражение в картине режиссера Кристиана Петцольда «Ундина» (2020 г.), получившей награду на Берлинаре за лучшую женскую роль и номинацию «Золотого медведя».

Методология и источники. Методологическим основанием исследования является модель концентрических зон Эрнеста Бёрджесса, основанная на разработанной им теории экологии человека. Бёрджесс – представитель Чикагской школы социологии, или Чикагской школы человеческой экологии, использующей подход символического интеракционизма. Работа базируется на следующих методах исследования: обобщение, сравнение, анализ, социологические методы.

Результаты и обсуждение.

Особенности городской культуры Берлина. История Берлина как изначально «ганзейского» (свободного) города, впоследствии ставшего одним из центров эпохи Просвещения,

с давнего времени связана с этническим многообразием его жителей [7]. Данному явлению способствовала активная миграционная политика властей, имеющая несколько причин.

Первой причиной столь необычного для германских земель этнического многообразия являлись многочисленные войны, наносившие городу огромный урон как в экономическом плане, так и в социальном [8]. Итогом Тридцатилетней войны (1618–1648 гг. стало значительное сокращение населения Берлина, а также разрушение практически трети домов. Сил местных жителей не хватало для отстройки разрушенных зданий, а количество желающих переселиться в Берлин из соседних городов было невелико, в связи с чем курфюрст Фридрих Вильгельм Бранденбургский (1620–1688) проводил политику привлечения мигрантов и религиозной терпимости, что было продиктовано также необходимостью создания профессиональной армии. Потсдамский указ «великого курфюрста» 1685 г. привлек в Берлин 15 тыс. французских гугенотов, из которых порядка 6 тыс. остались в городе. В итоге, к 1700 г. около 20 % населения Берлина составляли французы, оказавшие большое влияние на его культуру. Дальнейшее заселение города французами стало результатом захвата его Великой армией Наполеона Бонапарта в ходе войны четвертой коалиции 1806–1807 гг. В этот период в Берлине впервые появилось городское самоуправление, был основан знаменитый Берлинский университет.

Второй причиной этнического разнообразия являлись частые пожары, значительно сокращающие население города. Один из самых крупных произошел в 1380 г., он уничтожил городскую ратушу и большинство церквей.

Третья причина является одновременно и следствием предыдущих, ибо в связи с увеличением населения города, его индустриализацией и статусом столицы Германской империи Берлин становится одним из крупнейших центров Европы, уступающим только Лондону, Санкт-Петербургу и Парижу, в который стекалось огромное количество людей разных национальностей. Постепенно формируется пангерманская европоцентристская концепция *Mittleuropa*, провозглашающая Германскую империю главенствующим и направляющим государством Центральной Европы [9]. Подобная концепция находит сторонников и в наши дни, но уже скорее с точки зрения экономики, нежели политики.

После падения Берлинской стены (1989 г.) стоимость жилья в Берлине была крайне низкой, что отчасти сыграло на руку властям города, стремящимся в кратчайшие сроки сократить экономическую и социальную пропасть между западным и восточным Берлином, привлекая множество инвестиций и иностранцев-предпринимателей, желающих открыть свой бизнес. 2000-е гг. считаются временем бурного развития экономики и малого бизнеса, когда Берлин вернул себе славу одного из самых комфортных для жизни городов Европы.

Согласно Федеральному статистическому ведомству Германии по состоянию на июнь 2023 г. в Берлине проживает как минимум 15 этнических групп, в том числе немцев 2 млн 920 тыс. чел. (70,8 %), численность иностранцев, включая резидентов Европейского союза, составляет 1 млн 77 тыс. чел. (29,2 %) [10]. В 2022 г. население Берлина увеличилось на 75 тыс. 325 чел., компенсировав последствия убыли населения в годы пандемии коронавируса (2020–2023 гг.) [11]. Наибольшей этнической группой в городе являются турки (101,3 тыс. чел.), на втором месте украинцы (57,5 тыс. чел.), на третьем – поляки (54,1 тыс. чел.). Тем не менее только довольно небольшая часть населения Берлина идентифицирует себя по этническому

признаку, подавляющее большинство жителей города, включая мигрантов, считают себя берлинцами. Подобный феномен самоидентификации встречается и в других городах, например в Париже, где термин «парижанин» уже имеет устойчивую ассоциацию с типичным жителем столицы Франции. Однако схожая экстраполяция и резкий рост популярности подобного названия жителей Берлина произошли относительно недавно, после знаменитой речи Джона Кеннеди (1917–1963) 1963 г., в которой он назвал себя берлинцем в знак поддержки жителей западной части города: "Two thousand years ago, the proudest boast was *civis romanus sum* ["I am a Roman citizen"]. Today, in the world of freedom, the proudest boast is "Ich bin ein Berliner!"... All free men, wherever they may live, are citizens of Berlin, and therefore, as a free man, I take pride in the words "Ich bin ein Berliner!" [12]. Подобная самоидентификация жителей Берлина является одним из значимых признаков данной городской среды, которая отчасти стирает этнические рамки между проживающими здесь многочисленными национальностями, во многом со своими политическими видениями мира, исходящими из собственных культурных особенностей, тем самым снижается градус политической напряженности.

Другой особенностью городской среды Берлина, согласно теории концентрических зон, является наличие не похожих друг для друга «естественных зон» города или, в случае Берлина, округов [13]. Каждый округ представляет собой относительно независимое культурное образование с собственными экономическими, этническими и культурными особенностями. Берлин наглядно подтверждает данную теорию на основе разительного отличия между восточными и западными округами. В Берлине насчитывается всего 20 округов, 12 из которых находятся в западной части, 8 – в восточной. Можно выделить несколько наиболее известных округов. Берлин-Митте – исторический центр города, на данный момент являющийся одним из финансовых районов, в годы войны был практически полностью уничтожен, здесь, на границе с районом Тиргартен, находятся Бранденбургские ворота, здание Рейхстага и другие знаковые сооружения. Шарлоттенбург-Вильмерсдорф является одним из престижных районов города, именно здесь живет экономическая и политическая элита Берлина – это один из наиболее сохранившихся после войны округов. Фридрихсхайн-Кройцберг включает в себя территории Восточного и Западного Берлина, однако превалирует в основном культура восточной части города. Именно здесь формировались наиболее радикальные левые группировки, известные как АНТИФА, во многом благодаря множеству пустовавших в свое время домов.

Еще одной особенностью городской среды Берлина является так называемый сквоттинг или скваттерство (самовольное занятие покинутых или незанятых помещений), расцвет которого пришелся на начало 1980-х гг. [14]. Главной причиной движения сквоттеров был дефицит жилья, в результате которого в связи с различными спекуляциями недвижимостью пустовало множество домов. Например, в 1981 г. более 160 зданий было оккупировано сквоттерами. Большинство случаев самовольного занятия земельных участков приходилось на Кройцберг и Фридрихсхайн, в частности на улицу Ригерштрассе, где впоследствии силами полиции было зачищено большинство сквотов. Самым известным сквотом Берлина являлся Tacheles – здание бывшего универмага Friedrichstraßenpassage, в свое время ставшее одним из первых арт-центров города. Другим культовым местом до недавнего времени был действующий сквот Liebig 34, позиционировавшийся как «анархо-квир-проект» для женщин. Около 1500 полицейских сумели 9 октября 2020 г. штурмом выселить 57 жильцов [15]. Подобные действия

властей, помимо защиты собственников жилья, продиктованы постепенной джентрификацией районов города, способствующей росту экономики и привлечению зажиточных людей.

Еще одной особенностью городской среды Берлина является влияние архитектурно-пространственных характеристик на формирование социального поведения человека [16]. Философ М. Фуко (1926–1984) представлял понятие гетеротопии как объектные и социально-пространственные системы города [17]. Подобные системы наиболее выражены в восточной части Берлина, во многом благодаря влиянию советской архитектуры. Множество немцев, живущих на Фридрихштрассе и в других районах Восточного Берлина, испытывают симпатию к левым идеологиям и, в частности, к радикально левым политическим течениям. Если посмотреть картографию выборов в законодательный орган Берлина, то можно увидеть, что большинство избирателей, голосовавших за левые партии, живут в центральной и юго-восточной частях города.

Перечисленные особенности Берлина во многом иллюстрируют формирование полиэтнического берлинского общества с его выраженным культурным и социальным многообразием. Подобное развитие берлинца как человека политического происходило отчасти благодаря историческим событиям, выпавшим на долю столицы Германии, однако антропология и социология городской среды сыграли не менее важную роль в развитии политической культуры.

Некоторые проблемы городской среды Берлина. Несмотря на указанные особенности городской среды столицы Германии, на формирование человека политического, а также развитие политической культуры берлинца влияют в том числе и проблемы города.

Одной из основных и в то же время уникальных в своем роде проблем является формирование искаженного восприятия правых и левых течений у берлинцев ввиду воздействия городской среды, что приводит к публичному порицанию сторонников правых взглядов. Данная ситуация является комплексным следствием трех характерных свойств Берлина: особо острое чувство вины за военные преступления нацистского режима, городская гетеротопия и географические особенности. Чувство вины не дает многим немцам голосовать даже за умеренно правые партии, опасаясь, что в скором времени к власти снова придут нацисты; географические особенности города отчасти способствуют большой популярности партии «зеленых», а городская гетеротопия давит на берлинцев ностальгией по ГДР и социалистической утопии, выраженной в модернистской архитектуре СССР.

Данные свойства вкупе с отсутствием системной правой оппозиции дало сильный перевес в сторону «левых» партий, что вскоре привело к неореакции, вылившейся в появлении правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland, AfD). В результате выборов 2016 г. в палату депутатов Берлина (законодательный орган земли и столицы Германии) состав ландтага, насчитывающий 160 мест, состоял из Социал-Демократической партии Германии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands, SPD) – 38 мест, Союза 90/Зеленых (Bündnis 90/Die Grünen) – 27 и «левых» (Die Linke) – 27 [18]. Оппозиция же (68 мест) была представлена Христианско-демократический союзом Германии (Christlich Demokratische Union Deutschlands, CDU) – 31, AfD, ранее не представленной в палате депутатов – 25 мест, Свободной демократической партией Германии (Freie Demokratische Partei, FDP) – 12 мест. Кроме того, оппозиция была не в состоянии создать коалицию в противовес подавляющему большинству правительства в связи с негласным межпартийным правилом

не сотрудничать с правыми и правопопулистскими партиями, к которым как раз и относится «Альтернатива для Германии». Выборы 2021 г. и повторные выборы 2023 г. показали рост популярности «центристов»: CDU стала крупнейшей партией в Берлине со времен выборов 1999 г. (52 места) [19]. Левые и левоцентристские партии (кроме Союза 90/Зеленых), в свою очередь, потеряли часть голосов избирателей: SPD – 34 места (–2 места по сравнению с выборами 2021 г.); «левые» – 22 места (–2 места); Союз 90/Зеленые – 34 места (+2 места). Некогда пророссийски настроенная AfD, несмотря на потерю своих позиций на выборах 2021 г. (13 мест), все же смогла вернуть 4 места в палате депутатов Берлина (17 мест). По результатам выборов в 2023 г. партия SPD, в которой состоит нынешний канцлер Германии, продемонстрировала худший результат за последние годы, вследствие чего социал-демократам пришлось вступить в коалицию с CDU; «зеленые», «левые» и АдГ перешли в оппозицию. Подобная ситуация сложилась в том числе из-за непопулярных политических решений правящей партии, включая критику миграционной политики частью населения Германии. Несмотря на некоторые успехи «Альтернативы для Германии» и Христианско-демократического союза, перевес в сторону «левых» в политическом поле Берлина все еще сохраняется, а сочувствие правым партиям публично порицается, формируя ложное восприятие правых течений у берлинцев и вынуждая их сторонников скрывать свои истинные политические предпочтения или голосовать за умеренные партии, такие как CDU.

Другой острой проблемой для Берлина является провал политики мультикультурализма и последовавший за ней миграционный кризис как результат политики левого правительства в палате депутатов. Данный кризис обусловлен, с одной стороны, большой нагрузкой на экономику Германии в связи с необходимостью материального обеспечения беженцев, с другой – отказом властей от активной интеграции мигрантов в немецкую среду, что привело к появлению отдельных сирийских и турецких анклавов внутри города, нередко превращающихся в нечто вроде гетто. Особую опасность представляет так называемое «второе поколение» мигрантов, родившихся уже в городе и переживающих дискомфорт в культурном сознании из-за того, что их растили в определенной фундаментально традиционалистской среде, которая отсутствует за порогом своего дома или района. В связи с этим данная часть населения чувствует неприятие по отношению к себе и своим обычаям, не снискавшим одобрения среди коренных жителей Берлина. Опасные прецеденты для жизни и здоровья населения становятся возможными из-за бездействия ландтага, который избегает обострения этнического конфликта внутри города и таким образом усугубляет данную проблему [20]. Постепенное вытеснение немецкой социальной среды более радикальными иностранными общностями, создающими собственные экономические и культурные пространства в городе, непроизвольно становясь инструментами мягкой силы государств-доноров, является следствием неконтролируемой культурной глобализации, в недалеком будущем вполне способной привести к ослаблению уникальных особенностей традиционной немецкой культуры, а также прямым или косвенным образом повлиять на политический курс государства.

Еще одной проблемой Берлина уже социального характера является дефицит жилья и связанные с этим стремительно растущие цены на его аренду. Подобная ситуация крайне негативно сказывается на экономической привлекательности города ввиду низкой окупаемости новых бизнес-проектов и отсутствия возможности оплачивать аренду предпринимателями, уже владеющими небольшим бизнесом в центре столицы. Современное состояние

местного рынка недвижимости довольно сильно тормозит экономическую глобализацию Берлина – иностранцы не стремятся открывать собственный бизнес или финансировать чужой из-за опасений больших экономических затрат, которые могут привести к некупаемости проекта и дальнейшему его закрытию. Особенно тяжело приходится работникам сферы искусства, часто не имеющим средств для проведения арт-инсталляций или модных показов в галереях или выставочных комплексах Берлина. Похожая ситуация наблюдается и у общественно-политических движений города, вынужденных проводить собрания в жилых помещениях и закрытых дворах. Данная проблема является результатом нежелания жителей использовать «зеленые» пустыри в центре Берлина, которые в большом количестве остались после Второй мировой войны и сноса аварийно-опасных зданий. Возможность сноса «хрущевок» также отвергается берлинцами, видящими в них памятник эпохи ГДР или просто нежелательными сносить пригодные для жизни дома. Подобное поведение отчасти является результатом гетеротопии и вымирания городских центров: население, утратившее былую архитектурную культуру, стремится заменить ее новой, впитав в себя ее особенности и всеми силами пытаясь предотвратить участь предшественницы [21].

Заключение. Берлин во многом является поистине уникальным городом, в том числе и с точки зрения антропологии городской среды. В нем соприкасаются множественные культурные, социальные и политические слои иногда зеркально противоположных видений города, но тем не менее продолжающих сосуществование. Политическая культура берлинца представляет собой историческую совокупность политических движений и идеологий, имеющих прямую и косвенную связь с исторической особенной ролью города в эпоху империализма, нацистского периода и оккупации союзниками во Второй мировой войне, а также территориальным делением города на разные по своей социальной идентичности районы. Подобное выдающееся для городской среды сочетание может как разрушить напряженное перемирие между многогранным полиэтническим населением, так и помочь администрации преодолеть возникшие проблемы, заложив фундамент развивающегося многонационального общества. Все это обеспечивает развитие берлинца как индивида, на политические взгляды которого оказывают влияние его этническое происхождение, округ проживания, а также свойства городской политической культуры города – исторические особенности, включая острую вину за преступления нацистского режима, которая есть у многих жителей Германии, и географические особенности города, связанные с большой плотностью населения и недостатком зеленых пространств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов С. С. Городское пространство как антропологический феномен // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 10–31. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-10-31.
2. Echo-chamber // Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/echo-chamber> (дата обращения: 21.07.2023).
3. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. / пер. с нем. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955. С. 231–517.
4. Booth Ch. Life and Labour of the People in London: Comparisons, Survey and Conclusions (With an Abstract of Vols. I-Ix). NY: Franklin Classics, 2018.
5. Вебер М. Город / пер. с нем. М. Левиной. М.: Strelka Press, 2018.
6. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. СПб.: Детская литература, 1990.

7. Fritze W. H. Gründungsstadt Berlin: die Anfänge von Berlin-Cölln als Forschungsproblem. Bearbeitet, herausgegeben und durch einen Nachtrag ergänzt von Winfried Schich. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2000.
8. Escher F. Berlin und sein Umland. Zur Genese der Berliner Stadtlandschaft bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Berlin: Colloquium, 1985.
9. Бжезинский З. Великая Шахматная доска / пер. с англ. О. Ю. Уральской и др. М.: АСТ, 2019.
10. Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Current-Population/Tables/population-by-laender.html> (дата обращения: 02.06.2023).
11. IN NUMBERS: Who is coming to – and leaving – Berlin? // The Local. 15.02.2023. URL: <https://clck.ru/36B4Jm> (дата обращения: 02.06.2023).
12. Речь Д. Кеннеди 26 июня 1963 г. в Западном Берлине – "Я – Берлинец!" // Coldwar.ru. URL: <http://www.coldwar.ru/kennedy/berliner.php> (дата обращения: 22.07.2023).
13. Бёрджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4, № 1-2 (11-12). С. 168–181.
14. Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3667962 (дата обращения: 21.07.2023).
15. В Берлине 1,5 тысячи полицейских освободили сквот от анархистов // Strelka mag. 09.10.2020. URL: https://web.archive.org/web/20220514053305/https://strelkamag.com/ru/news/berlinskaya-policiya-osvobodila-skvot-ot-anarkhistov?utm_source=strelkamagt&utm_medium=social&utm_campaign=berlinskaya-policiya-osvobodila-skvot-ot-anarkhistov (дата обращения: 21.08.2023).
16. Вальдес Одриосола М. С. Эволюция социологических теорий города XIX–XX вв. // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 319–325.
17. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977.
18. Länderparlamente // Tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2016-09-18-LT-DE-BE/> (дата обращения: 21.07.2023).
19. Христианские демократы взяли Берлин // Коммерсантъ. 13.02.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5825372> (дата обращения: 21.08.2023).
20. Alkousaa R. Violent crime rises in Germany and is attributed to refugees // Reuters. 03.01.2018, URL: <https://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-germany-crime-idUSKBN1ES16J> (дата обращения: 21.07.2023).
21. Смирнов С. Антропология города, или О судьбах философии урбанизма в России // Textarchive.ru. URL: <http://textarchive.ru/c-2500593.html> (дата обращения: 22.08.2023).

Информация об авторе.

Токарев Александр Михайлович – аспирант (политическая социология) факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Сфера научных интересов: политическая антропология города, городская социология, урбанистика, регионалистика, современная теория элитологии, теория социальных движений.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 17.01.2024; принята после рецензирования 14.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Avanesov, S.S. (2018), "Urban Space as Anthropological Phenomenon", *ПРАЭМА. J. of Visual Semiotics*, iss. 2 (16), pp. 10–31. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-10-31.
2. "Echo-chamber", *Oxford Learner's Dictionaries*, available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/echo-chamber> (accessed 21.07.2023).

3. Engels, F. (1955), "Die Lage der arbeitenden Klasse in England", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 231–517.
4. Booth, Ch. (2018), *Life and Labour of the People in London: Comparisons, Survey and Conclusions (With an Abstract of Vols. I–IX)*, Franklin Classics, NY, USA.
5. Weber, M. (2018), *Die Stadt*, Transl. by Levina, M., Strelka Press, Moscow, RUS.
6. Antsiferov, N.P. (1990), *Dusha Peterburga* [The Soul of St Petersburg], Detskaya literatura, SPb., RUS.
7. Fritze, W.H. (2000), *Founding City Berlin: The Beginnings of Berlin-Cölln as a Research Problem. Edited, published, and supplemented by Winfried Schich*, Berliner Wissenschafts-Verlag, Berlin, GER.
8. Escher, F. (1985), *Berlin und sein Umland. Zur Genese der Berliner Stadtlandschaft bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts*, Colloquium, Berlin, GER.
9. Brzezinski, Z. (2019), *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*, Transl. by Ural'skaya, O.Yu. et al., AST, Moscow, RUS.
10. *Statistisches Bundesamt*, available at: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Current-Population/Tables/population-by-laender.html> (accessed 02.06.2023).
11. "IN NUMBERS: Who is coming to – and leaving – Berlin?", *The Local*, 15.02.2023, available at: <https://clck.ru/36B4Jm> (accessed 02.06.2023).
12. "Speech by D. Kennedy June 26, 1963 in West Berlin - 'I am a Berliner!'", *Coldwar.ru*, available at: <http://www.coldwar.ru/kennedy/berliner.php> (accessed 22.07.2023).
13. Burgess, E. (2002), "The growth of the City: an Introduction to a Research Project", *Personality. Culture. Society*, vol. 4, no. 1–2 (11–12), pp. 168–181.
14. *Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya* [Big Russian Encyclopedia], available at: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3667962 (accessed 21.07.2023).
15. "In Berlin, 1.5 thousand police liberated a squat from anarchists" (2020), *Strelka mag*, 09.10.2020, available at: https://web.archive.org/web/20220514053305/https://strelkamag.com/ru/news/berlinskaya-policiya-osvobodila-skvot-ot-anarkhistov?utm_source=strelkamagt&utm_medium=social&utm_campaign=berlinskaya-policiya-osvobodila-skvot-ot-anarkhistov (accessed 21.08.2023).
16. Valdes Odriosa, M.S. (2014), "The evolution of sociological theories of the city of the 19th–20th centuries", *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 2, pp. 319–325.
17. Foucault, M. (1977), *Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines*, Transl. by Vizgin, V.P. and Avtonomova, N.S., Progress, Moscow, USSR.
18. "Länderparlamente", *Tagesschau*, available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2016-09-18-LT-DE-BE/> (accessed 21.07.2023).
19. "Christian Democrats took Berlin", *Kommersant*, 13.02.2023, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5825372> (accessed 21.08.2023).
20. Alkousaa, R. (2018), "Violent crime rises in Germany and is attributed to refugees", *Reuters*, 03.01.2018, available at: <https://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-germany-crime-idUSKBN1E516J> (accessed 21.07.2023).
21. Smirnov, S. "Anthropology of the City or the Fate of Urbanism Philosophy in Russia", *Textarchive.ru*, available at: <http://textarchive.ru/c-2500593.html> (accessed 22.08.2023).

Information about the author.

Aleksandr M. Tokarev – Postgraduate (Political sociology) at the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. Area of expertise: political anthropology of the city, urban sociology, urban studies, regionalism, contemporary elite theory, social movements theory.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 17.01.2024; adopted after review 14.02.2024; published online 23.04.2024.*

Оригинальная статья

УДК 316.7

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-59-74>

Социальный портрет студента негосударственного вуза Санкт-Петербурга (на примере АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС»)

**Наталья Павловна Кирсанова^{1✉}, Владимир Александрович Глухих²,
Александр Сергеевич Гонашвили³, Алексей Эдуардович Гегер⁴**

^{1, 3}Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет), Санкт-Петербург, Россия

⁴Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}kirsanovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-6250>

²vladimirglu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5218-6420>

³a.s.gonashvili@univevrazes.website, <https://orcid.org/0000-0002-4205-7035>

⁴ageger@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8717-565X>

Введение. Статья является результатом кейс-анализа по изучению удовлетворенности студентов АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» учебным процессом как одним из показателей качества образования. Анализ различных аспектов удовлетворенности студентами деятельностью вуза позволяет выявить проблемы в организации процесса обучения и найти оптимальные способы их решения, используя имеющиеся ресурсы. Кроме того, определение общего уровня удовлетворенности студентов дает возможность принимать управленческие решения на основе актуальной информации о потребностях учащихся и качестве предоставляемых им образовательных услуг. Цель статьи – проанализировать степень удовлетворенности студентов АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» образовательным процессом в целом и их карьерные ориентации. Такая постановка вопроса позволит более точно определить проблемы и потребности учащихся, а также разработать рекомендации для улучшения качества образовательного процесса.

Методология и источники. В качестве методологической стратегии выбран метод case-study. Основным исследовательским методом в работе являлся опрос.

Результаты и обсуждение. Представлены результаты социологического исследования, проведенного в форме анкетного опроса. Тип выборки – сплошная. Согласно опросу, студенты демонстрируют прагматизм и нацеленность на результат в процессе обучения. Так, 70,6 % заявили, что учиться им помогает только внутренняя мотивация. В сложных конкурентных условиях студентам необходима уверенность в том, что профессия, которую они получают в вузе, будет востребована, что знаний хватит для ведения эффективной конкурентной борьбы с другими выпускниками на рынке труда. В этих условиях современные студенты нацелены не столько на получение фундаментальных знаний, сколько на приобретение практических навыков.

© Кирсанова Н. П., Глухих В. А., Гонашвили А. С., Гегер А. Э., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Одним из основных результатов анализа стал вывод о том, что наиболее болезненными вопросами для студентов являются прохождение практики, а также возможности обучения по грантам. На эти два аспекта удовлетворенности руководством вуза следует обратить наиболее пристальное внимание.

Ключевые слова: удовлетворенность, качество образовательного процесса, мотивация, карьерные ориентации, профессиональные компетенции

Для цитирования: Социальный портрет студента негосударственного вуза Санкт-Петербурга (на примере АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС») / Н. П. Кирсанова, В. А. Глухих, А. С. Гонашвили, А. Э. Гегер // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 59–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-59-74.

Original paper

Social Portrait of a Student of a Non-State Higher Education Institution of St Petersburg (on the Example of AN HEO “University associated with IA EAEC”)

**Natalia P. Kirsanova¹✉, Vladimir A. Glukhikh²,
Aleksandr S. Gonashvili³, Alexey E. Geger⁴**

^{1,3}University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

²Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

³Saint Petersburg State Institute of Technology, St Petersburg, Russia

⁴Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia

¹✉kirsanovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-6250>

²vladimirglu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5218-6420>

³a.s.gonashvili@univevrases.website, <https://orcid.org/0000-0002-4205-7035>

⁴ageger@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8717-565X>

Introduction. Article is the result of a case analysis to study the satisfaction of students of the AN HEO “University associated with IA EAEC” with the educational process as one of the indicators of the quality of education. An analysis of various aspects of student satisfaction with the activities of the university allows to identify problems in the organization of the learning process and find the best ways to solve them using available resources. In addition, determining the overall level of student satisfaction allows making managerial decisions based on relevant information about the needs of students and the quality of educational services provided. The purpose of the article is to analyze the degree of satisfaction of students of AN HEO “University associated with IA EAEC” with the educational process in general and their career orientations. This formulation of the question will allow to identify more accurately the problems and needs of students, as well as to develop recommendations for improving the quality of the educational process itself.

Methodology and sources. The case-study method was chosen as the methodological strategy. The main research method in the work is a survey.

Results and discussion. The results of sociological research conducted in the form of a questionnaire survey are presented. The type of sampling is continuous. According to the results of the survey, students demonstrate pragmatism and focus on results in the learning process. Thus, 70.6 % stated that only intrinsic motivation helps them to study. In difficult competitive conditions, students need to be sure that the profession they get in higher education will be in demand, that their knowledge will be enough to compete effectively

with other graduates in the labor market. In these conditions, modern students are aimed not so much at obtaining fundamental knowledge as at acquiring practical skills.

Conclusion. One of the main results of the analysis is the conclusion that the most painful issues for students are the issues of internship and grant opportunities. The university management should pay the most attention to these two aspects of satisfaction, i.e., internship places and grant opportunities.

Keywords: satisfaction, quality of educational process, motivation, career orientations, professional competencies

For citation: Kirsanova, N.P., Glukhikh, V.A., Gonashvili, A.S. and Geger, A.E. (2024), "Social Portrait of a Student of a Non-State Higher Education Institution of St Petersburg (on the Example of AN HEO "University associated with IA EAEC")", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 59–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-59-74 (Russia).

Введение. На сегодняшний день одним из приоритетных направлений социальной политики в России является развитие высшего образования. Реформы в этой сфере, в частности стремление реализовать Федеральные государственные образовательные стандарты и сохранение позиций в международном образовательном пространстве, обуславливают потребность изучения оценки качества высшего образования в России. Ключевые показатели, связанные с оценкой качества образования в вузах, утверждены Приказом Минобрнауки РФ № 860 от 31.07.2020 [1]. Одним из таких показателей является «удовлетворенность условия ведения образовательной деятельности организации». Данный критерий отражает общую оценку удовлетворенности студентов образовательным процессом. Следовательно, образовательную деятельность того или иного вуза возможно рассмотреть в контексте процесса, направленного на реализацию потребностей в получении образования.

Реформы в сфере образования, в частности в процессе аккредитации того или иного вуза, все больше смещаются в сторону оценки студентами качества образовательного процесса и их удовлетворенности этим процессом. Анализ данного показателя способствует выявлению проблемных областей, связанных с образовательным процессом, в том числе позволяет найти способы его оптимизировать и улучшить с расчетом трудовых и финансовых ресурсов для повышения качества образования в конкретно взятом вузе. Помимо этого, показатели удовлетворенности обучающихся образовательным процессом способствуют разработке диагностического инструментария для эффективного менеджмента вуза и принятия управленческих решений на базе актуальной информации о текущем положении дел в конкретном учебном заведении с позиции запроса от обучающихся конкретных образовательных услуг.

Исходя из имеющейся отечественной и зарубежной литературы по теме исследования, представляется возможным охарактеризовать значимость мнений обучающихся в контексте оценки качества образовательного процесса в конкретном вузе. Представление процесса обучения через призму удовлетворенности потребностей обучающихся с целью получения высшего профессионального образования на сегодняшний день представляет собой, как правило, исключительно анализ и оценку удовлетворенности обучающихся с учетом динамики последнего. В таком случае показатель удовлетворенности обучающихся образовательным процессом можно рассматривать как отражение репрезентации деятельности вуза в виде единой це-

лостной системы. При этом в условиях формирования компетентностного подхода в образовательном процессе, который нацелен на получение конкретных знаний для практических задач, с учетом факта позиционирования обучающимися образования в дискурсе образовательных услуг, показатель удовлетворенности образовательным процессом выступает одним из ключевых при оценке качества образования, хотя и не единственно решающим.

В то же время в системе ценностей молодежи важное место занимают карьерные ориентации. Динамичное развитие современного рынка труда, социально-политические трансформации российского общества и некоторая экономическая нестабильность обуславливают необходимость решения проблемы трудоустройства обучающихся вузов в процессе получения образования. При этом объективные следствия трансформации рынка труда предъявляют достаточно высокие требования молодым специалистам, и на настоящий момент не сводятся исключительно к профессиональным компетенциям, а связаны с ценностными ориентациями личности, установками в отношении престижа профессии, возможностями творческой самореализации.

Изучение карьерных ориентаций студентов высших учебных заведений является важным аспектом современной образовательной системы в России. В целом понимание собственных профессиональных интересов и возможностей помогает студентам выбирать подходящие карьерные пути и специализации, что повышает их конкурентоспособность на рынке труда. Наличие четких карьерных ориентаций также способствует увеличению числа удовлетворенных своим профессиональным выбором, большей вовлеченности в образовательный процесс и росту уровня самооценки. Наличие определенных карьерных целей обуславливает более осознанный выбор специализации, факультативов и дополнительной досуговой активности, что повышает эффективность образовательного процесса.

Период активной социализации и усвоения социальных установок современной студенческой молодежи происходит одновременно с формированием и распространением в России феномена «общества потребления» [2]. Следствием данного процесса является высокая ориентированность молодых россиян на удовлетворение растущих потребительских потребностей, социальное конструирование успеха на базе материальных ценностей и выбор профессиональной деятельности, в большей степени предоставляющей возможности для роста уровня дохода, престижа и власти. Так, например, исследование ВЦИОМ 2022 г. показывает, что перспективы продвижения по карьерной лестнице важны для 81 % российской молодежи, социальный статус – для 72 %, творческая самореализация – для 71 % [3]. Результаты исследований, проведенных в разные годы, демонстрируют рост желания российской молодежи «много работать» даже в условиях отсутствия гарантий на будущее, при условии высокого заработка [4].

В то же время ряд исследований показывает сложность профессионального самоопределения и отсутствие понимания собственных карьерных потребностей среди молодежи младшего возраста (14–18 лет) [5]. На федеральном уровне разрабатываются различные механизмы, способствующие преодолению трудностей в выборе профессии. Например, Министерство просвещения Российской Федерации реализует профориентационные проекты, в том числе в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального про-

екта «Образование» [6]. В высших учебных заведениях проводятся ярмарки вакансий, различные турниры, форумы, акселераторы, хакатоны и т. п. [7]. В этой связи потребность эффективной профориентационной деятельности и осознанного выбора будущей профессии и, как следствие, специальности обучения представляется особо острой проблемой.

Целью исследования явилось составление социального портрета студента негосударственного вуза, а также выявление степени удовлетворенности студентов АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» образовательным процессом.

Задачи исследования:

- проанализировать половозрастные и социальные характеристики студентов АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС»;

- определить цель, с которой студенты получают высшее образование;

- узнать профессиональные планы студентов;

- выяснить степень удовлетворенности образовательным процессом;

- определить, какую роль в общей удовлетворенности образовательным процессом играют отдельные элементы, такие как организация практик, психологический климат в коллективе, качество преподавания, методическое обеспечение и др.

Гипотеза исследования формулировалась следующим образом: студенты проявляют достаточно высокий уровень удовлетворенности образовательным процессом в целом, при этом испытывают тревогу относительно тех факторов, которые напрямую влияют на их карьерную стратегию.

Методология и источники. Выводы исследования базируются на результатах опроса, проведенного в АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» в рамках самообследования за 2023 г. и размещенного на сайте университета [8]. Исследование проводилось в период с 6 апреля по 9 мая 2023 г. и охватывало студентов всех форм обучения (очная, очно-заочная и заочная).

Прежде чем перейти к результатам исследования, следует кратко описать его структурный кейс. АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» – негосударственный вуз, созданный в 1997 г., который осуществляет образовательную деятельность по целому ряду направлений подготовки, в состав университета входят 5 факультетов и 16 кафедр, ориентированных на обучение специалистов и бакалавров различного профиля [9, с. 29].

Для понимания контингента студентов, участвовавших в опросе, кратко опишем основные характеристики. Всего опрос прошли 1170 респондентов, что соответствует 40 % от общего количества обучающихся. Среди опрошенных студенты очной формы обучения составили 56,3 %; заочной формы обучения – 27,4 %; очно-заочной формы обучения – 16,3 %.

При разработке методологического принципа проведения эмпирического социологического исследования авторы опирались на работы отечественных ученых, представляющих московскую и петербургскую школы социологических исследований [10, 11].

Результаты и обсуждение. Описывая выборочную совокупность, следует отметить, что респондентов очно-заочной формы обучения, которые ранее получили образование в Санкт-Петербурге, значительно больше, чем в других формах обучения. При этом большинство обучающихся заочной и очно-заочной формы самостоятельно осуществляют оплату своего обучения, а студенты очной формы оплачивают свое обучение в большинстве за счет средств родителей (рис. 1).

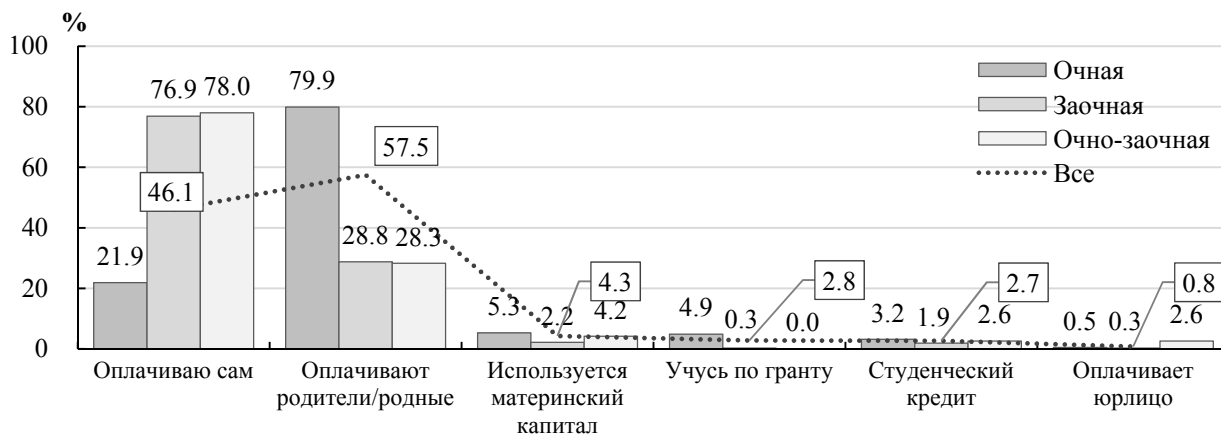

Рис. 1. Укажите источник финансирования Вашего образования
Fig. 1. Indicate the source of funding for your education

Студенты заочной и очно-заочной формы обучения в большинстве работают по специальности, связанной с их направлением подготовки. Указанная группа респондентов чаще всего обозначает ключевым мотивом получение образования повышение в должности или недостаток необходимого профессионального знания. Согласно ответам респондентов, у 59,9 % опрошенных их место работы напрямую не связано с направлением подготовки, только у 22,4 % место работы коррелирует с их направлением подготовки, 17,7 % затрудняются ответить, связана ли их работа с направлением подготовки (рис. 2).

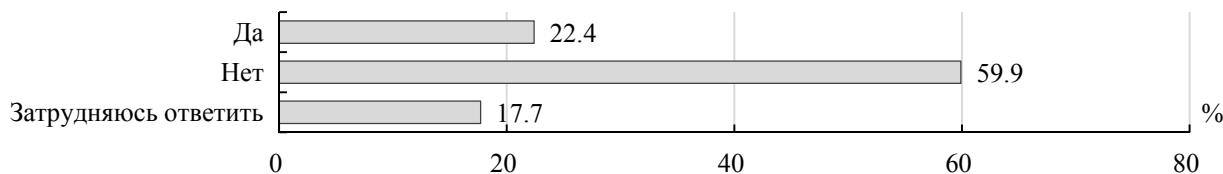

Рис. 2. Связано ли место работы с Вашим направлением подготовки?
Fig. 2. Is your place of work related to your field of study?

Однако большинство респондентов (48,4 %) в той или иной степени считают, что в перспективе они будут работать именно в сфере по тому направлению подготовки, на котором они обучаются (рис. 3).

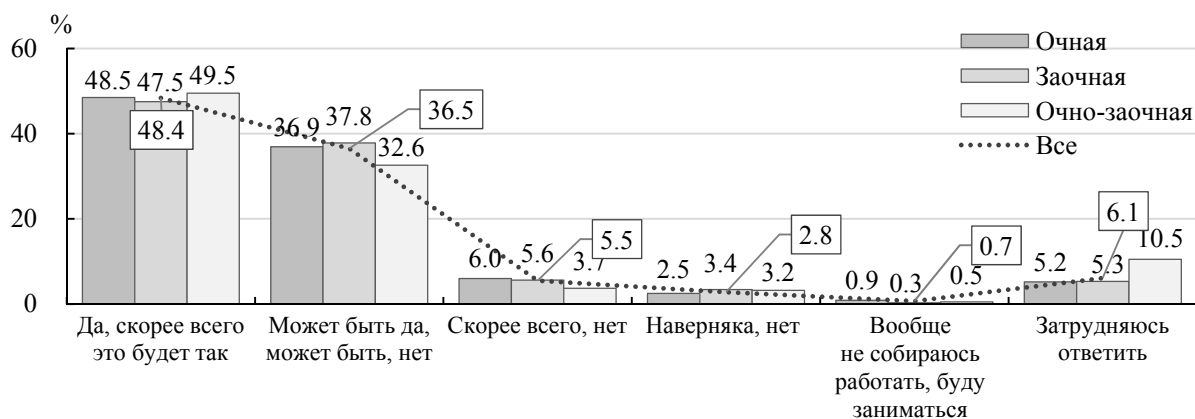

Рис. 3. Как вы думаете, будете ли Вы в будущем работать по тому направлению/специальности, которую Вы сейчас получаете?
Fig. 3. Do you think that in the future you will work in the field/specialty that you are currently pursuing?

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что получение образования является одной из значимых ценностей, и в этом смысле интересно распределение ответов относительно цели получения образования (рис. 4). Наиболее популярным является вариант «для себя» – так считают 42,2 %. Это свидетельствует о том, что у большинства студентов превалирует внутренний мотив получения образования. При этом почти треть опрошенных (31,6 %) нацеливаются на дальнейший карьерный рост благодаря полученным в процессе обучения знаниям и наличию диплома. Таким образом, с позиции студентов получение высшего образования является обосновано прагматичным. Всего 2,7 % респондентов считают, что их решение получить высшее образование связано с нехваткой профессиональных знаний. Интересно и то, что самым непопулярным ответом является вариант «надеюсь, что пойду на повышение», который свойственен в основном для обучающихся по заочной форме.

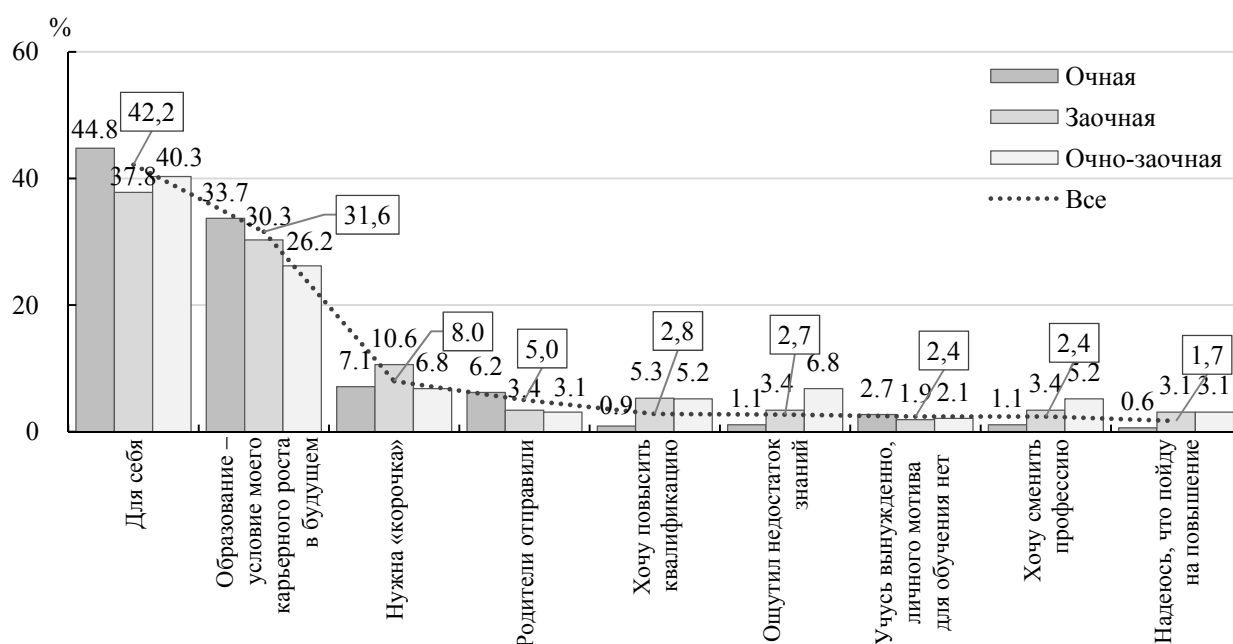

Рис. 4. С какой целью Вы решили получать высшее образование?
Fig. 4. For what purpose did you decide to get higher education?

Следует также понимать смысл, который вкладывают обучающиеся в понятие «высшее образование», его резоннее всего рассматривать через призму функционала. С целью выявления мнений респондентов относительно функций современного высшего образования задавался вопрос: «В современном обществе высшее образование выполняет множество функций. Какие функции, с Вашей точки зрения, наиболее важны? Оцените важность каждой функции по 5-балльной шкале, где 1 соответствует самому низкому уровню важности (неважно), а 10 – максимальному (очень важно)». Результаты распределения оценок представлены на рис. 5. Согласно ответам респондентов, ключевая функция образования – подготовка высококлассных специалистов и карьерный рост (эти ответы набрали наибольшее число положительных суждений), при этом мнение о том, что образования является доступным на сегодняшний день и поэтому наличие диплома о высшем образовании не гарантирует социального признания в обществе – самый непопулярный ответ.

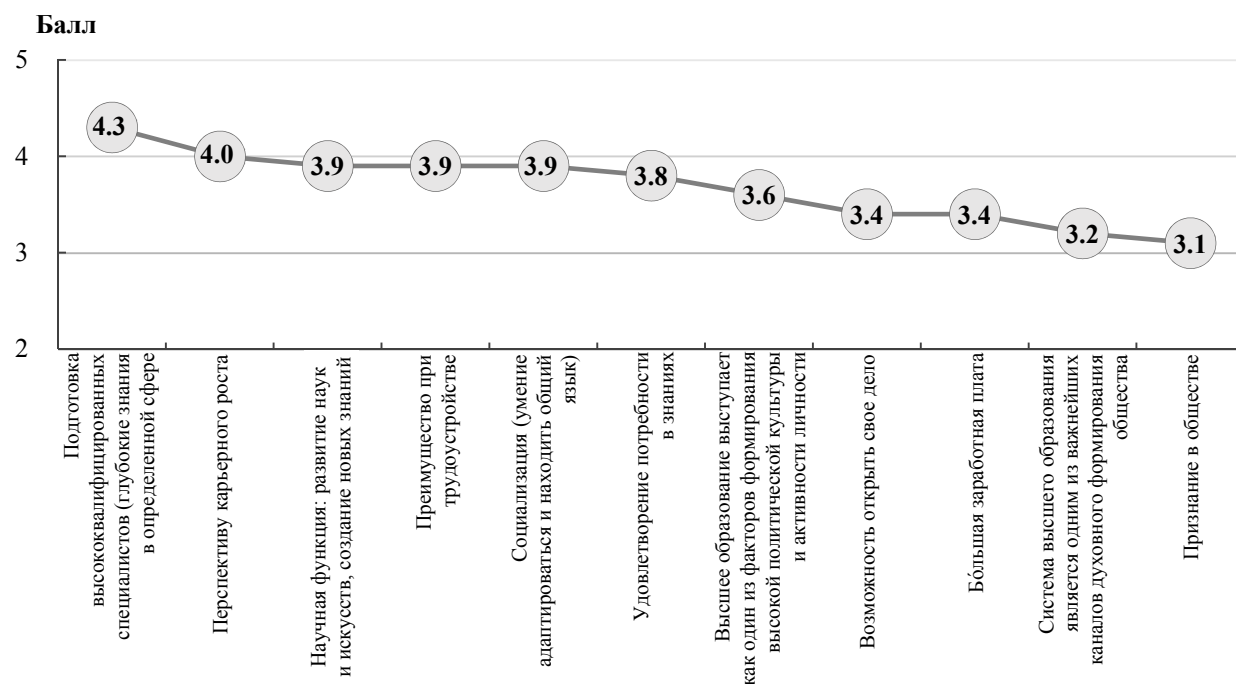

Рис. 5. Какие функции, с Вашей точки зрения, наиболее важны?
Fig. 5. Which functions, from your point of view, are most important?

Для выявления ценностных ориентаций обучающихся в рамках исследования был задан вопрос: «Какие понятия, с Вашей точки зрения, являются для студента самыми важными?» (рис. 6). Лидерами ценностных ориентаций студентов являются учеба (66 %), результат (64,8 %) и социализация (59,2 %). Аутсайдерами стали сплоченность (14,5 %) и честность (12,4 %).

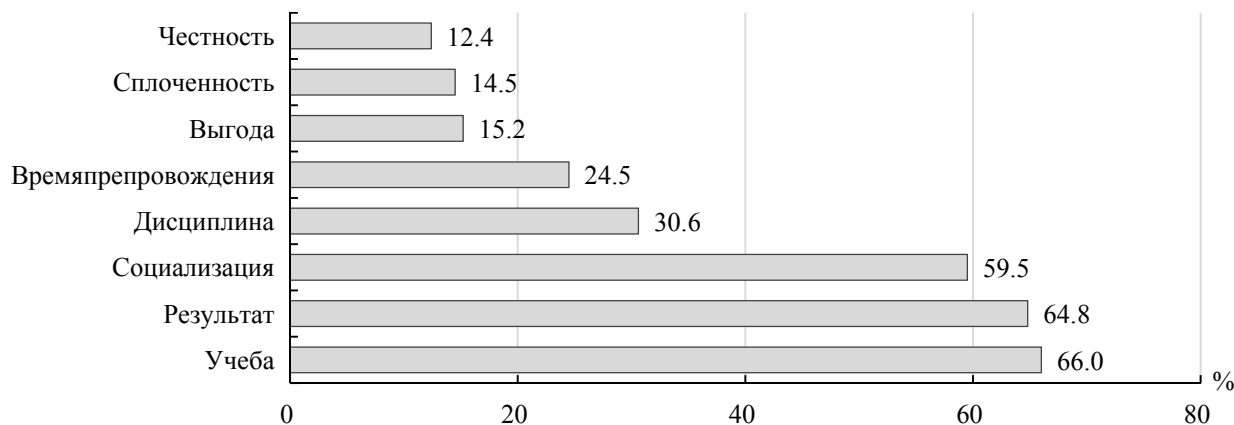

Рис. 6. Какие понятия, с Вашей точки зрения, являются для студента самыми важными?
Fig. 6. Which concepts, from your point of view, are the most important for a student?

Как было отмечено, современные студенты в достаточной степени прагматичны: они четко представляют, зачем пришли получать высшее образование, и готовы учиться ради достижения поставленных целей. Такие выводы можно сделать, исходя из анализов результатов ответов на вопрос о мотивации к получению высшего образования (рис. 7). Подавляющая часть опрошенных заявили, что основная мотивация – это опора на внутренние ресурсы личности. Вместе с тем почти треть (32,6 %) респондентов признались, что учатся

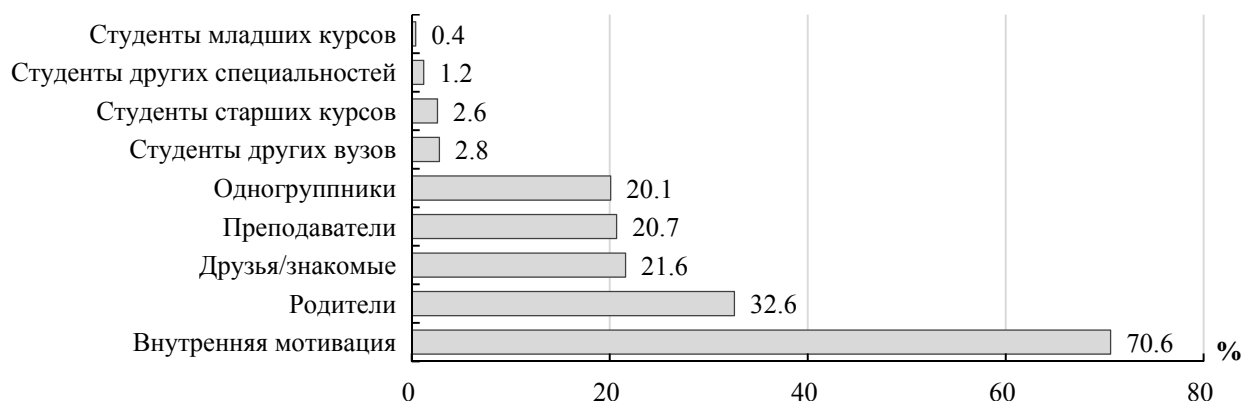

Рис. 7. Кто, на Ваш взгляд, дает вам наибольшую мотивацию к учебе?

Fig. 7. Who do you think gives you the most motivation to study?

под давлением родителей. Еще 21,6 % опрошенных рассказали, что ориентируются на пример своих друзей и знакомых, а 20,7 % заявили, что их мотивируют к учебе преподаватели.

Для понимания «болевых точек» студентов был задан вопрос о наиболее волнующих проблемах (рис. 8). В тройку наиболее болезненных вошли неудовлетворительное преподавание по некоторым предметам (34,4 %), послевузовское трудоустройство по специальности (29,9 %), а также поиск будущего места работы во время обучения (23,9 %). Вместе с тем более трети (34,9 %) респондентов заявили о том, что у них нет проблем.

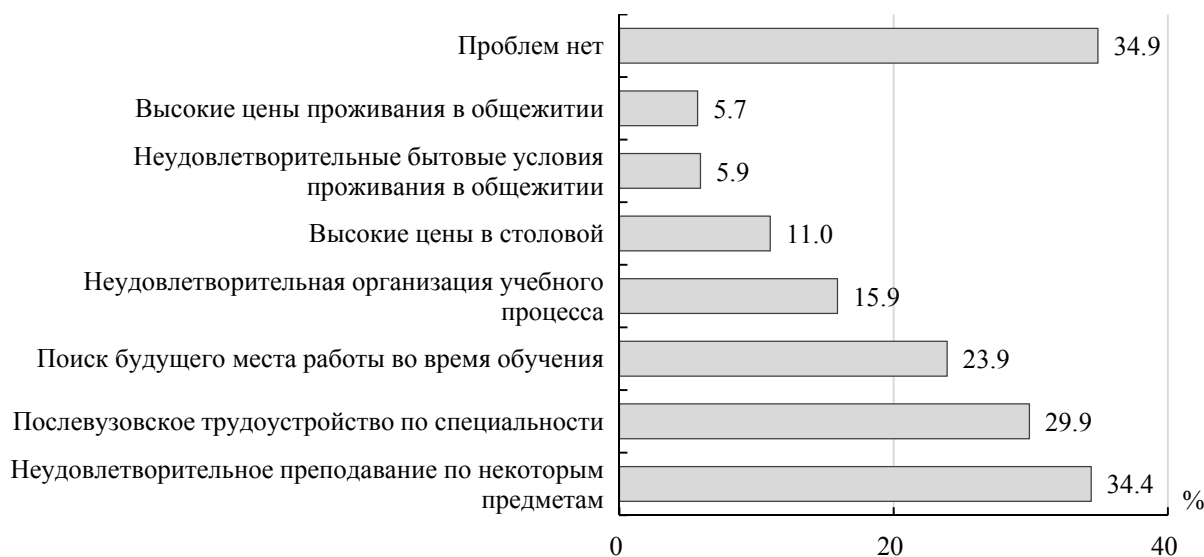

Рис. 8. Какие из студенческих проблем Вас особенно волнуют?

Fig. 8. Which student problems are of particular concern to you?

Что касается вопроса о планах относительно продолжения учебы после получения диплома о высшем образовании, обращает на себя внимание тот факт, что почти половина опрошенных (48,9 %) не задумывались об этом (рис. 9). Четверть студентов заявили о том, что не намерены продолжать обучение после окончания университета. Еще 9,7 % сообщили, что продолжают обучение в магистратуре этого университета по полученному направлению, почти столько же (9,4 %) респондентов поделились планами о поступлении в магистратуру другого вуза по полученному направлению. В общем, такое распределение мнений логично вписывается в ценностную картину современных студентов: для карьерного роста

Рис. 9. После окончания университета собираетесь ли Вы продолжить свое обучение и где?
Fig. 9. After graduating from university, are you going to continue your studies and where?

достаточно высшего образования, ученая степень не является необходимым элементом и, таким образом, не входит в приоритеты.

Одной из задач исследования было выявление уровня удовлетворенности студентов образовательным процессом или, используя маркетинговую терминологию, выявление индекса лояльности аудитории – NPS (англ. Net Promoter Score), т. е. индекса готовности рекомендовать вуз другим.

Изменение метрики NPS позволяет улучшить клиентский сервис, а в нашем случае – выявить факторы, на которые следует обратить внимание руководству вуза, совершенствование которых поможет как привлечь новых абитуриентов, так и сделать более лояльными уже обучающихся.

Для измерения NPS студентам было предложено ответить на вопрос «Стали бы Вы рекомендовать наш университет друзьям/знакомым?», оценив по шкале от 1 до 10 баллов, где 1 соответствует ответу «Ни в коем случае не буду рекомендовать», а 10 – «Обязательно порекомендую». На основе полученных оценок все ответы были разделены на 3 группы: 9–10 баллов – наиболее удовлетворенные сторонники компании (вуза), так называемые «промоутеры», 7–8 баллов – удовлетворенные, но нейтральные, пассивные потребители, 0–6 баллов – неудовлетворенные потребители, «критики» [12, с. 168].

Расчет индекса проводится по формуле: $NPS = \text{доля сторонников} - \text{доля критиков}$. Индекс измеряется в виде коэффициента от –100 % до +100 %. Крайние точки достигаются, если доля промоутеров 100 % или доля критиков 100 %.

$$NPS = (P - D)/N \times 100,$$

где NPS – индекс Net Promoter Score, %; N – количество опрошенных, чел.; P – количество респондентов, поставивших оценку 9 или 10, чел.; D – количество респондентов, поставивших оценки от 0 до 6, чел. [12].

Согласно исследованию, в университете при МПА ЕврАзЭС количество «промоутеров» составило 42 %, количество пассивных – 30 %, количество критиков – 28 %. Индекс NPS – 15 %. Это свидетельствует о среднем уровне лояльности, т. е. университет на данный момент не является лидером на рынке, однако обладает потенциалом роста.

Сам по себе уровень лояльности дает немного информации: для понимания того, какие именно факторы в наибольшей степени влияют на формирование лояльности, был проведен множественный регрессионный анализ.

Для этого вопрос «Стали бы Вы рекомендовать наш университет друзьям/знакомым?» был использован в качестве зависимой переменной. Анализ данных показал, что наибольший вклад в удовлетворенность обучением вносят следующие аспекты:

- характер взаимоотношений в группе;
- климат в учебной группе;
- качество преподавания по отдельным предметам;
- современность образовательных программ;
- учебные площади;
- компьютерные классы;
- зачет в виде проектной работы;
- удобство использования ЭИОС;
- предоставление мест практики;
- взаимодействие с деканатами.

Как показал анализ результатов, именно указанные факторы в наибольшей степени влияют на степень общей удовлетворенности студентов. Поэтому именно на них стоит обратить особое внимание при формировании программ повышения лояльности.

С помощью метода квадрант-анализа были выявлены факторы, которые в наибольшей степени повлияли на общую удовлетворенность студентов:

- профессиональный уровень преподавателей вуза дисциплин Вашей специализации (самый высокий показатель удовлетворенности по 10-балльной шкале);
- профессиональный уровень преподавателей вуза по общепрофессиональным дисциплинам;
- коммуникация студентов с управлением факультета;
- обучение по выбранному направлению подготовки/специальности;
- профессиональный уровень преподавателей вуза по общегуманитарным дисциплинам.

Оценивая в целом уровень удовлетворенности студентов образовательным процессом, можно констатировать, что он является довольно высоким, однако, как показал квадрант-анализ, есть ряд моментов, на которые руководству вуза стоит обратить внимание.

К таким моментам в первую очередь относится обучение по гранту. Так как этот аспект имеет высокую степень влияния на показатели удовлетворенности, при этом сам он оценивается ниже среднего, можно сделать вывод о том, что, возможно, руководству стоит увеличить количество грантов или продумать более грамотную систему информирования о них.

Следующий принципиально важный момент – это места практик. Их оценка также ниже среднего. Очевидно, что потребность в предоставлении мест практики для студентов является «не закрытой». Так как учащиеся нацелены на приобретение в большей степени практических навыков (и это подтверждается, в частности, результатами нашего исследования), то именно эти аспекты являются ключевыми при оценке удовлетворенности образовательным процессом.

Также стоит обратить внимание на процесс информирования студентов об образовательном процессе, так как именно этот аспект занимает пограничное место в анализе. Очевидно, что внутренние коммуникации требуют серьезных улучшений для повышения лояльности студентов.

Как показало исследование, главным фактором, влияющим на удовлетворенность образовательным процессом, является параметр «интерес к обучению»: коэффициент корреляции показывает сильную связь ($r = 0,731$). Однако этот аспект имеет невысокие оценки по 10-балльной шкале. Результаты предыдущих исследований подтверждают этот факт: одним из ведущих факторов мотивации к обучению является именно интерес, и преподаватели не в последнюю очередь могут влиять на улучшение этого аспекта.

Заключение. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют сделать вывод о том, что гипотеза о достаточно высоком уровне удовлетворенности студентов АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» образовательным процессом в целом, подтвердилась. При этом были выявлены факторы неудовлетворенности, работа с которыми позволит руководству вуза положительно повлиять на индекс общей лояльности, а также совершенствовать политику университета, направленную на привлечение потенциальных студентов.

Для достижения заявленной в исследовании цели и задач были выделены следующие смысловые блоки: социально-демографический портрет студента, целевые установки получения высшего образования, карьерные ожидания и удовлетворенность обучением.

Социальный портрет студента негосударственного вуза включает в себя следующие характеристики: это преимущественно женщины, обучающиеся на внебюджетной основе, возраст которых составляет от 18 до 24 лет; 43,4 % опрошенных являются приезжими, а для 60 % всех опрошенных ключевым фактором выбора именно АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» стало его местоположение в Санкт-Петербурге; у 53 % опрошенных мать имеет высшее образование или ученую степень и у 44 % – отец; чуть меньше, чем половина опрошенных – 46,1 %, оплачивают учебу полностью самостоятельно, при этом 75 % студентов заявили, что либо работают постоянно, либо периодически подрабатывают. У 22 % опрошенных нынешнее место работы связано с получаемой специальностью, а 48 % уверены, что в будущем работа так или иначе будет связана с их профилем обучения.

В результате исследования были выявлены цели получения высшего образования студентами негосударственного вуза. Так, наиболее популярным стал ответ «для себя» – 42,2 %, на втором месте по популярности ответ «образование – условие моего карьерного роста» – 31,6 %.

К наиболее значимым факторам неудовлетворенности образовательным процессом студенты отнесли: неудовлетворенность преподавания по отдельным дисциплинам – 41,4 %, отсутствие гарантий найти высокооплачиваемую работу – 21,9 % и уровень своей профессиональной подготовки – 15,9 %.

Результаты проведенного исследования демонстрируют нацеленность студентов на результат. 70,6 % заявили, что учиться им помогает только внутренняя мотивация. Показательным является тот факт, что наиболее популярным ответом на вопрос, что больше всего нравится в образовательном процессе, подавляющее большинство (61,4 %) ответили «преподаватели-практики». На втором месте по популярности ответ «реальные кейсы, разбираемые

на занятиях» (37,8 %). Это говорит о нацеленности студентов в большей степени не на теоретические знания, а на приобретение практических навыков.

По результатам квадрант-анализа удалось выявить неудовлетворенность местами практик. Также, поскольку вуз является коммерческим, для студентов довольно остро стоит проблема оплаты обучения. Квадрант-анализ показал низкую удовлетворенность возможностью обучения по грантам. На эти два аспекта удовлетворенности – места проведения практики и возможность обучения по грантам – руководству вуза следует обратить наиболее пристальное внимание.

Для выяснения степени влияния отдельных факторов на общую удовлетворенность образовательным процессом был произведен множественный регрессионный анализ, который показал, что наибольший вклад в удовлетворенность обучением вносят: психологический климат в коллективе, качество преподавания профильных дисциплин, актуальность образовательных технологий, материально-техническая база, проектная деятельность, а также организация практик.

Именно эти факторы являются ключевыми при оценке степени влияния на уровень удовлетворенности образовательным процессом и вузом в целом. И именно их необходимо учитывать при разработке программ по повышению качества предоставляемых услуг и улучшению лояльности студентов к вузу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31.07.2020 № 860 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009070046?ysclid=lsq8rimkr880282029> (дата обращения: 19.01.2024).
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: АСТ, 2020.
3. Ценности молодежи // ВЦИОМ. 14.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 05.01.2024).
4. Постсоветская молодежь: предварительные итоги / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина, К. Пипия. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
5. Свадьбина Т. В., Ретивина В. В. Профессиональный выбор школьников (по материалам социологического исследования) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. № 2 (27). С. 215–217. DOI: 10.26140/anip-2019-0802-0050.
6. Профориентация // Минпросвещения России. URL: https://edu.gov.ru/career_guidance/?page=2 (дата обращения: 20.01.2024).
7. Ярмарка вакансий: как вузы помогают студентам с профориентацией // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 04.12.2020. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/obrazovanie/26448/> (дата обращения: 20.01.2024).
8. Гегер А. Э. Социальный портрет студента Университета при МПА ЕврАзЭС // Университет при МПА ЕврАзЭС. URL: https://www.miep.edu.ru/sveden/files/Otchet_19.06.2023.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
9. Кирсанова Н. П., Гонашвили А. С., Кузьминых О. Б. Мотивация к занятию научной деятельностью в условиях трансформации образования (на примере пилотажного исследования в Университете при МПА ЕврАзЭС) // Теория и практика общественного развития. 2022. № 4. С. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.4.3>.

10. Ельмеев В. Я., Овсянников В. Г. Прикладная социология: очерки методологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
11. Ядов В. А., Иванов В. Н. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972.
12. Климин А. И., Тихонов Д. В. Методологические проблемы применения индекса NPS при оценке взаимоотношений с клиентами // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2017. № 3. С. 168–173.

Информация об авторах.

Кирсанова Наталья Павловна – кандидат социологических наук (2006), доцент (2022), декан факультета бизнес-коммуникаций Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 40 научных публикаций, в том числе двух монографий. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, социология образования, цифровизация образования.

Глухих Владимир Александрович – кандидат философских наук (1984), доцент (1991), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, этносоциология.

Гонашвили Александр Сергеевич – кандидат социологических наук (2022), старший преподаватель кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), Московский пр., д. 26, Санкт-Петербург, 190013, Россия; помощник проректора по научной работе Университета при МПА ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 120 научных публикаций, в том числе двух монографий. Сфера научных интересов: социология спорта, экономическая социология, социология неравенства, межкультурные коммуникации.

Гегер Алексей Эдуардович – кандидат социологических наук (2012), ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, методы социологических исследований.

Вклад авторов.

Кирсанова Наталья Павловна – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Глухих Владимир Александрович – анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Гонашвили Александр Сергеевич – разработка методологии исследования, подготовка текста.

Гегер Алексей Эдуардович – анализ и интерпретация данных.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.02.2024; принята после рецензирования 26.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 31, 2020 No. 860 "On approval of indicators characterizing the general criteria for assessing the quality of the conditions for carrying out educational activities by organizations carrying out educational activities in educational programs of higher education", *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information], available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009070046?ysclid=lshq8rimkr880282029> (accessed 19.01.2024).
2. Baudrillard, J. (2020), *Obshchestvo potrebleniya* [The Consumer Society], Transl. by Samarskaya, E.A., AST, Moscow, RUS.
3. "Youth values" (2022), *VTSIOM*, 14.12.2022, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (accessed 05.01.2024).
4. Gudkov, L., Zorkaya, N., Kochergina, E. and Pipiya, K. (2023), *Postsovetskaya molodezh': predvaritel'nye itogi* [Post-Soviet youth: preliminary results], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, RUS.
5. Svadbina, T.V. and Retivina, V.V. (2019), "Professional choice of pupils (on materials of sociological research)", *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, no. 2 (27). pp. 215–217. DOI: 10.26140/anip-2019-0802-0050.
6. "Career guidance", *Ministry of Education of the Russian Federation*, available at: https://edu.gov.ru/career_guidance/?page=2 (accessed 20.01.2024).
7. "Job fair: how universities help students with career guidance" (2020), *Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation*, 04.12.2020, available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/obrazovanie/26448/> (accessed 20.01.2024).
8. Geger, A.E. (2023), "Social portrait of a student at the University associated with IA EAEC", *University associated with IA EAEC*, URL: https://www.miep.edu.ru/sveden/files/Otchet_19.06.2023.pdf (accessed 20.01.2024).
9. Kirsanova, N.P., Gonashvili, A.S. and Kuzminykh, O.B. (2022), "Motivation to engage in scientific activities in the context of educational transformation (on the example of a pilot study at the University under the IPA EURASEC)", *Theory and practice of social development*, no. 4, pp. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.4.3>.
10. Elmeev, V.Ya. and Ovsyannikov, V.G. (1999), *Prikladnaya sotsiologiya: ocherki metodologii* [Applied sociology: essays on methodology], 2nd ed., Izd-vo SPBGU, SPb., RUS.
11. Yadov, V.A. and Ivanov, V.N. (1972), *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [Sociological research: methodology, program, methods], Nauka, Moscow, USSR.
12. Klimin, A.I. and Tikhonov, D.V. (2017), "Methodological problems of using the NPS index when assessing relationships with customers", *Marketing i marketingovye issledovaniya*, no. 3, pp. 168–173.

Information about the authors.

Nataliya P. Kirsanova – Can. Sci. (Sociology, 2006), Docent (2022), Dean of the Faculty of Business Communications, University associated with IA EAEC, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: intercultural communication, sociology of education, digitalization of education.

Vladimir A. Glukhikh – Can. Sci. (Philosophy, 1984), Docent (1991), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, ethnosociology.

Aleksandr S. Gonashvili – Can. Sci. (Sociology, 2022), Senior Lecturer at the Department of Sociology, Saint Petersburg State Institute of Technology, 26 Moskovsky ave., St Petersburg 190013, Russia; Assistant Vice-Rector for Research, University associated with IA EAEC, 14/1

Smolyachkova str., St Petersburg, 194044, Russia. Author of more than 120 scientific publications. Area of expertise: sociology of sport, economic sociology, sociology of inequality, intercultural communications.

Alexey E. Geger – Can. Sci. (Sociology, 2012), Associate Researcher Officer, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, methods of sociological research.

Author's contribution.

Natalia P. Kirsanova – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Vladimir A. Glukhikh – analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Aleksandr S. Gonashvili – development of research methodology, preparation of text.

Alexey E. Geger – data analysis and interpretation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 01.02.2024; adopted after review 26.02.2024; published online 23.04.2024.*

Оригинальная статья
УДК 811.111; 81'366.58; 81'25
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-75-88>

Английские звукоподражательные глаголы движения и их перевод на русский язык (на примере произведений Лоры Оуэн)

Марина Владиславовна Веселова¹, Елена Ивановна Беседина²✉

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹mvoroshnina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1330-1526>

²✉elivbesedina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9373-9004>

Введение. Исследуются английские звукоподражательные (ЗП) глаголы движения в текстах детских художественных произведений. Проводится сравнительный анализ предложений, содержащих эту лексико-семантическую группу в текстах оригинала и в соответствующих предложениях перевода. Основная цель при этом заключается в том, чтобы установить, удалось ли переводчику избежать утраты иконичности исследуемых глаголов движения в тексте языка перевода и в какой мере.

Методология и источники. Исследование выполнено на материале оригинальных текстов 16 коротких рассказов для детей младшего возраста Лоры Оуэн и текстах их переводов на русский язык, выполненных Т. Славниковой и Е. Уховой. Глаголы движения отбирались в соответствии со словарными дефинициями англо-английских словарей, в результате чего к глаголам движения были отнесены все глаголы, обладавшие значением «перемещение в пространстве». Итоговый корпус глаголов, полученных методом сплошной выборки из анализируемых текстов, составил 201 лексему, 160 из которых являются звукоизобразительными (ЗИ) по своему происхождению. На втором этапе исследования выполнен сравнительный анализ оригинальных предложений, содержащих ЗИ-глаголы движения и их контекстуальных переводов с целью оценки качества перевода.

Результаты и обсуждение. Установлена высокая степень насыщенности анализируемого оригинального текста ЗИ-глаголами движения (79,6 %). Анализ текста русского перевода Татьяны Славниковой убедительно подтвердил принципиальную возможность передачи ЗИ-глаголов движения на принимающий язык без утраты их иконической природы.

Заключение. Представляется очевидным, что для успешного перевода такого рода лексики переводчику необходимы как теоретические знания законов фоносемантики, так и умение эффективно применять их в практике перевода. Дальнейшие исследования такого рода в области перевода иконической лексики обусловлены важностью разработки специальных методик для перевода лексики ЗИ-происхождения.

Ключевые слова: глаголы движения, иконичность, звуковой символизм, ономатопея, перевод, фоносемантика

© Веселова М. В., Беседина Е. И., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Веселова М. В., Беседина Е. И. Английские звукоподражательные глаголы движения и их перевод на русский язык (на примере произведений Лоры Оуэн) // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 75–88. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-75-88.

Original paper

English Onomatopoeic Verbs of Motion in Literary Works by Lora Owen and Their Translation into the Russian Language

Marina V. Veselova¹, Elena I. Besedina²✉

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*mvoroshnina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1330-1526>*

²✉*elivbesedina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9373-9004>*

Introduction. The study is focused on English onomatopoeic verbs of motion in the literary texts for children. A comparative analysis of sentences containing this particular semantic group of verbs in the original text and in the corresponding sentences of the translated text is carried out, the main goal being to ascertain whether the translator managed to avoid the loss of iconicity and preserve iconic features of the original verb in the target language translation and to what extent.

Methodology and source. The study was conducted on the original texts of 16 short stories for young children by Laura Owen and the texts of their translations into Russian by T. Slavnikova and E. Ukhova. The selection of verbs of motion was carried out in accordance with the dictionary definitions of competent monolingual English dictionaries, which resulted in classifying all verbs the meaning “movement in space” as verbs of motion. The corpus of studied verbs obtained by continuous sampling from the analysed texts amounted to 201 lexemes, 160 of which being of iconic origin. At the second stage of the research, a comparative analysis of original sentences containing onomatopoeic verbs of motion and their contextual translations was performed in order to assess the quality of the translation.

Results and discussion. A high degree of saturation (79.6 %) of the analyzed original texts with onomatopoeic verbs of motion was revealed. The analysis of the translated texts of L. Owen's stories for kids by T. Slavnikova strongly indicates a realistic possibility of rendering onomatopoeic verbs of motion into a target language preserving their iconic essence.

Conclusion. It seems apparent that to ensure adequate translation of iconic lexis, translators should be aware of iconicity theory and phonosemantics, as well as acquire skills to effectively apply them in practical translation. Further research of this kind translation might contribute to developing some strategies for translating iconic lexis.

Keywords: verbs of motion, iconicity, sound symbolism, onomatopoeia, translation, phosemantics

For citation: Veselova, M.V. and Besedina, E.I. (2024), “English Onomatopoeic Verbs of Motion in Literary Works by Lora Owen and Their Translation into the Russian Language”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 75–88. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-75-88 (Russia).

Введение. В последние десятилетия, благодаря развитию антропоцентрического подхода к изучению лингвистических дисциплин, ученые все чаще обращаются к исследованию процессов усвоения родного языка детьми [1–4]. Восприимчивость детей к универсальному звуковому символизму была экспериментально продемонстрирована Д. Морер. В ходе игры канадским малышам (2,5 лет) предлагались пары выдуманных слов (например, “ka-kee” или “boo-baa”) и два рисунка, изображение на одном из которых имело округлую

форму, а на другом остроконечную. Основой для эксперимента послужил схожий эксперимент Кёлера (1947) со взрослыми респондентами [5]. Дети выбирали округлую форму к слову, содержащему гласные [ah] и [u] и остроконечную для звуков [i], [ej] и [ʌ] как минимум в трех случаях из четырех [6].

С уверенностью можно говорить, что и в детской литературе звукоизобразительная лексика не может не играть особой роли, поскольку связана непосредственно с особенностями восприятия и понимания текста ребенком. По мнению некоторых исследователей, в детской поэзии звуковая организация текста играет главенствующую роль по сравнению со смыслом и становится главным предметом воздействия на восприятие ребенка [7]. Выразительность, образность и юмор в детской литературе зачастую напрямую связаны с насыщенностью текста междометной и примарно мотивированной лексикой. Поиск аналогов таких ЗИ-единиц в переводящем языке становится важным аспектом достижения адекватности и точности полученного текста и представляет собой нелегкую задачу не только для начинающих, но и для опытных переводчиков.

Исследование основано на материале оригинальных текстов 16 рассказов британской писательницы Лоры Оуэн, изданных в четырех сборниках: «Winnie on Patrol» [8], «Whizz-Bang Winnie» [9], «Winnie the Twit» [10], «Winnie says Cheese» [11], а также текстах их переводов на русский язык, выполненных Т. Славниковой: «Патруль ведьмочки Винни» [12], «Большая книга приключений ведьмочки Винни» [13], «Ведмочка Винни и волшебный сад» [14], а также Е. Уховой «Приключения ведьмочки Винни в школе» [15], и является в некотором смысле продолжением аналогичного исследования на том же текстовом материале перевода звукосемантических (ЗС) глаголов движения [16]. Идея создания такой серии рассказов и первые истории о ведьмочке Винни родились в Австралии и принадлежат писательнице Валери Томас, однако впоследствии с ее согласия серия была продолжена британской детской писательницей Пиппой Гудхарт под псевдонимом Лора Оуэн. Из упомянутых литературных произведений способом сплошной выборки был сформирован корпус глаголов движения общим количеством 201 лексема (515 употреблений), при этом 160 (325 употреблений) из них представляли собой глаголы ЗИ-происхождения. Таким образом, доля примарно мотивированных глаголов движения, представленных в анализируемых текстах, составила 79,6 %.

Становится очевидным, что Лора Оуэн, посвящая свое творчество детям дошкольного и младшего школьного возраста, намеренно стремится наполнить свои произведения ЗИ-лексикой в общем и ЗИ-глаголами движения, в частности. Фонетически мотивированная лексика, особенно глагольные единицы, способны оказывать на юных читателей сильное эмоциональное воздействие, поскольку добавляют тексту динамичности и экспрессивности. В связи с этим следует отметить ту большую и кропотливую работу, которая была проведена Т. Славниковой и Е. Уховой в процессе перевода: перед переводчицами стояла задача не только подобрать подходящий по смыслу эквивалент, но и в случае с ЗИ-лексикой попытаться сохранить звуковой образ единицы оригинала.

ЗИ-лексика английского языка, к которой относятся лексические единицы, обладающие примарной мотивировкой, достаточно широко изучена как отечественными, так и зарубежными исследователями. При этом нельзя не отметить, что связь между обозначающим и

обозначаемым далеко не всегда очевидна даже для носителей языка, поскольку в ходе языковых изменений может происходить ее утрата [17]. Для восстановления этой связи необходим анализ звуковой структуры этой лексемы и привлечение при необходимости этимологических данных.

Интерес к проблеме перевода ЗИ-лексики впервые был проявлен С. В. Ворониным [18–20], а впоследствии также некоторыми из его последователей [21–25]. В процессе этого исследования из общего корпуса глаголов движения, полученных из текста оригинала, к ЗИ-лексике была отнесена группа глаголов, которые, согласно теории С. В. Воронина, по своим признакам отвечали понятию ЗИ-слова [18, 19]. Кроме того, была выполнена верификация отобранных единиц по сводному списку звукоизобразительных слов английского языка И. В. Кузьмич, по словарю английской ЗИ-лексики М. А. Флакман, толковым словарям и словарям авторитетных английских издательств [26–28].

В силу своей семантики глаголы движения в большинстве относятся к ЗИ-лексике, при этом звукоизобразительность проявляется в звуковой форме и типе движения (скорость, амплитуда, повторяемость), а также в сопровождающем это движение звучании (шум разрезаемого воздуха или звук удара) [25]. Глаголы этой лексико-семантической группы (ЛСГ) как правило стилистически окрашены и эмоционально выразительны, а именно «чрезмерная» экспрессивность, по мнению ряда исследователей, и является одним из характерных признаков звукоизобразительности [20, 25].

Обращает на себя внимание, что художественным произведениям, ориентированным на детскую читательскую аудиторию, в целом свойственна высокая степень ЗИ-сатурированности корпуса глаголов движения, поскольку образность облегчает детям установление связей между словом и свойствами предмета, которое это слово обозначает [29], что достаточно хорошо согласуется с выводами научного изыскания М. В. Ивановой, результаты которого показали, что сатурированность сказок для детей трех-пяти лет ЗИ-лексикой в 1,5 раза превышает этот показатель для книг, предназначенных для детей более старшего возраста (8–10 лет) [22]. По всей видимости, глаголы движения (например, *rush*, *wobble*, *dangle*, *sway* и т. п.) помогают авторам описывать «маркерные» ситуативно-поведенческие признаки проявления черт характера героев и, безусловно, добавляют повествованию динамики и эмоциональности [30].

Отбор глаголов движения осуществлялся из контекста в соответствии со словарными дефинициями ряда англо-английских словарей [27, 28], т. е. к глаголам движения были отнесены все глаголы, обладавшие значением «перемещение в пространстве». Авторами работы также была предпринята попытка включить в выборку глаголы с метафорическим значением, однако, было констатирувано полное отсутствие подобных глаголов в текстах исследуемых произведений, что по всей видимости, связано с возрастными особенностями целевой аудитории, для которой осмысление метафор может быть процессом достаточно затруднительным.

На втором этапе исследования анализировались контекстуальные переводы предложений, соответствующих предложениям-оригиналам, содержащим глаголы движения, при этом, естественно, в центре внимания был перевод (или его отсутствие) именного глагола движения. Этот этап работы оказался наиболее сложным, поскольку русская иконическая

лексика достаточно мало изучена по сравнению с, например, иконической лексикой английского языка. Определение примарной мотивировки слов осуществлялось на основании фоносемантической теории С. В. Воронина [18], а также профильных исследований, например, словаря «Дребезги языка» С. С. Шляховой [31]. Важно также отметить, что развитая система морфологии русского языка (по сравнению с морфологией английского) существенным образом затрудняет определение фоносемантических классов глаголов из-за присутствия в них одного или даже нескольких аффиксов.

Для поиска примарно мотивированных основ слова были использованы следующие лексикографические источники: толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и этимологические словари русского языка М. Фасмера и Н. М. Шанского [32–34]. При составлении словарей его авторы не преследовали цели изучения ЗИ-происхождения слов, однако при сопоставлении данных в одном, другом или сразу нескольких источниках были обнаружены ссылки на те или иные звукоподражательные (ЗП) основы.

Например, М. Фасмер о глаголе *шнырять*: «шнырять, шны́рить (исподтишка выслеживать, вынюхивать), шны́ра – «соглядатай, тот, кто шныряет» (укр. шнірити – «юркнуть, нырнуть (об утке), блр. шны́рыць, шны́раць), в то время как в слове перешны́хирить «разведать везде», смол. (Добровольский), представлено расширение звукоподражательного происхождения (Преобр., Труды I, 102). Можно говорить не об историческом, а самое большее – об «элементарном» родстве с нем. *schmurren* «жужжать, мурлыкать» (ср.-в.-н. *snurren* «шуметь, свистеть») вопреки Гроту, (Фил. Раз. 1, 468), Горяеву (ЭС 424). Неприемлемо сопоставление со «сновать» (Потебня, РФВ 4, 207), а также с др.-исл. *snœðra*, *snúðra* «нюхать, водить носом» (Грот, там же) [Усиление экспрессивности и близость к звукоподражательным образованиям может иметь в данном случае вторичный характер, так как более вероятным представляется объяснение шнырять из *нырять* с экспрессивным *ш-*; ср. аналогичное *шпáрить* < *пáрить*. В пользу этого говорит и знач. слова *шнырять* – Т.]» [33].

Результаты и обсуждение. Как уже отмечалось, в текстах детской литературы, как правило, присутствует большое количество глаголов, поскольку именно они добавляют повествованию динамичности, живости, яркости, что несомненно делает сюжет захватывающим и не может оставить детей равнодушными, и книги Лоры Оуэн не стали исключением: насыщенность произведений ЗИ-глаголами движения составляет 79,6 %, при этом около половины из них являются ЗП-словами (74 единицы, 131 словоупотребление).

Подавляющее большинство отобранных *инстантов*, например: *hop*, *bounce*, *splat*, *chuck*, *knock* обозначают быстрое или резкое движение. Инстанты часто обозначают действия, сопровождаемые естественными звуками, например, щелканье, хлопанье, хлопанье, стук.

Представляется целесообразным рассмотреть функционирование некоторых из этих глаголов в оригинальном тексте в сопоставлении с вариантами перевода. Например, глагол *to hop* в контексте: “*Winnie was hopping on one leg, trying to pull on her spacesuit*” [9, p. 54] согласно словарю Cambridge имеет значение: “to jump on one foot or to move about in this way”; “to go somewhere quickly or to get into or out of a vehicle quickly” [28], используется для описания быстрого повторяющегося движения и переведен как «Винни прыгала на одной ноге и пыталась натянуть скафандр» [12, с. 66]. Еще один пример использования инстанта *to hop*: “*Hop on, you can try it out, Wilbur!*” [9, p. 64] переведен Т. Славниковой как «Запрыгивай,

будем испытывать» [12, с. 81]. На русский язык передается при помощи ЗИ-основы *прыг*. Эту основу Шляхова относит к звуко-символизмам (ЗС): «Обозначает и/или указывает на быстрое резкое перемещение посредством прыжка. ... Ср. родств. прыгать, напрягать, пружина, прыть, прыткий < и.-е. **preu-*:**prou-* "бросать"» [31]. В каждом из приведенных примеров инстант *to hop* означает резкое быстрое движение – прыжок, однако в первом случае это действие происходит многократно. Краткость действия передана при помощи приставки *за-*(*прыгивай*), многократность при помощи несовершенного вида глагола *прыгала*.

Далее рассмотрим использование Лорой Оуэн инстанта *to clap*: "*Ho-o-o-blooming-ray! said Winnie, **clapping** her hands*" [8, p. 42]. Словарь определяет *to clap* как "to make a short loud noise by hitting your hands together" [28]. Перевод осуществляется при помощи ЗП *захлопала*: «Ура-та-ра-ра! – обрадовалась Винни и *захлопала* в ладоши» [12, p. 48]. С аналогичной ситуацией сталкиваемся и в примере: "*Winnie **clapped** her hands in excitement*" [9, p. 27], который Т. Славникова переводит как: «Винни с восторгом *захлопала* в ладоши» [13, p. 35]. В этих примерах наблюдается многократное повторение хлопка, однако отдельно взятое движение – хлопок – следует отнести к сверхкратким и резким. Шляхова справедливо относит основу *хлоп* к ЗП: «1) Ср. звукоподр. хлопать (Черных II: 342); 2) хлопать, хлопотать <санскр. хлап "говорить, шуметь, скрипеть" (Тер-Акопян 42)» [31].

Особый интерес представляют способы перевода *континуантов*. Например, *тоновый континуант* *to bound* встречается в контекстах: "*The dog came **bounding** up to Winnie*" [10, p. 12], "*It bounded up the curtains and chewed them to bits*" [10, p. 18] и переведены Е. Уховой так: «Пёс, весело *виляя* хвостом, подбежал к Винни» [15, p. 14] и «Она *взобралась* на занавески и разорвала их на мелкие кусочки» [15, p. 21] соответственно. Согласно Кембриджскому словарю континуант *to bound* имеет значение "to move quickly with large jumping movements" [28]. Благодаря длительности дифтонга /aʊ/ (в современном британском английском свободные гласные перед сонантами произносятся долго), синестетически чувствуется продолжительность действия. Сравним рассмотренный ранее инстант *to hop*, в котором краткость и ненапряженность монофтонга /ɒ/ (перед глухими согласными усеченные гласные произносятся кратко) показывает резкость и скорость прыжка. Следует заметить, что в этих случаях при переводе были использованы разные лексические единицы. В первом случае использовано фонетически нейтральное и не совсем точное по смыслу слово *виляя*, при этом, однако, в переводе присутствует усиление звуковым повтором: «*весело виляя*», что добавляет тексту образности и яркости. Во втором примере обращает на себя внимание сложная синтаксическая структура глагола *взобралась*. Таким образом, в обоих переводах наблюдается ярко выраженная фоносемантика.

Шумовые континуанты обозначают длительное шумовое звучание, такие как свист, шелест, шипение, жужжание – противоположность удара – резкого и быстрого движения. Глагол *to shuffle* в контексте "*The chairs **shuffled** out from under the table*" [8, p. 33] имеет значение "to walk by pulling your feet slowly along the ground rather than lifting them" [28]. В этом примере движение длительное, а не резкое. В переводе же это выражено следующим образом: «Стулья *выскочили* из-под стола» [12, p. 37]. Русский глагол *выскочили* имеет ЗИ-основу *скок*. Стоит отметить, что эта основа представляется синтаксически затемненной, что усложняет ее отнесение к классу инстантов. Таким образом, фоносемантика перевода

представляется нарушенной – шумовой континуант *to shuffle* переведен при помощи инстанта *выскочили*. При переводе утрачено также ощущение неторопливости движения, которое несомненно чувствуется в оригинальном тексте.

Перейдем к рассмотрению следующего примера шумового континуанта – глагол *to whizz* в контексте: "*The car **whizzed** past them*" [8, p. 67] согласно словарю Oxford определен как "to move very quickly, making a high, continuous sound" [27]. Возникает образ стремительного движения со звуком (свистом). В переводе Т. Славниковой: «Мимо со свистом *пронеслась* машина» [12, с. 72], т. е. глагол *to whizz* переведен при помощи фоносемантически нейтрального *пронеслись*. Тем не менее следует признать, что благодаря использованию приема фонетической компенсации (добавлению слов *со свистом*), автору перевода, как нам кажется, все же удастся сохранить фоносемантичность оригинального текста.

Что касается **фреквентативов**, которые обозначают диссонансные звучания, удары, в которых каждый звук не ощущается отдельно, например, дрожание и дробные звуки, то их представляется возможным показать на примере глагола *to dribble*: "*Wilbur was purring and **dribbling** and working his claws as six small hands brushed him and put hair-clips in his fur*" [9, p. 19]. В данном примере этот глагол описывает движение/перемещение капель, словарь Cambridge дает следующее определение: "to have liquid slowly coming out of your mouth" [28] (капать, стекать). К сожалению, в переводе это действие подвергается опущению: «Вильбур мурчал, втягивал и выпускал когти, пока шесть маленьких ручек чесали его и украшали шерсть крохотными заколками» [13, с. 23].

Здесь уместно обратить внимание на некоторые конкретные примеры перевода **фреквентативов-квазиинстантов** – ЗП, в которых удар-диссонанс, характерный для фреквентативов, сопровождается предшествующим или последующим ударом. Приведем несколько примеров глагола *to rub* с контекстуальными переводами: "*The man **rubbed** his hands together and *samiled* happily*" [8, p. 59] – «Дядечка *потер* руки и счастливо ухмыльнулся» [13, с. 77]; "*Whoops! Blooming cat!*' said Winnie, **rubbing** her nose" [9, p. 6] – «Ай! Котище-бегемотище! – пробурчала ведьмочка, *потирая* нос» [13, с. 7]; "*Holding on to Wilbur and **rubbing** her bottom, Winnie wobbled upright*" [9, p. 70] – «Винни оперлась на кота и, *потирая* мягкое место, неуверенно поднялась» [13, с. 89]; "*Blooming bloomers!*' said Winnie, **rubbing** her elbow" [8, p. 8] – «Рейтузы-голопузы! – проворчала Винни, *потирая* локоть» [12, с. 9]; "*Heck in a handbag!*' said Winnie, **rubbing** her leg" [8, p. 10] – «Чемодан чепухи! – процедила Винни, *потирая* ногу» [12, с. 11]; "*Ouch!*' said Winnie, **rubbing** her head" [8, p. 12] – «Ай-ай-ай! – причитала Винни, *потирая* голову» [14, с. 37]; "*Ouch!*' said Jerry, **rubbing** his bottom" [10, p. 72] – «О-о-ой! — повторил он громче, *потирая* себе бока» [14, с. 140].

В глаголе *to rub* согласный звук /r/, характерный для фреквентативов, сопровождается последующим ударом – взрывным шумным звонким согласным /b/. Согласно словарю Cambridge глагол *to rub* имеет значение "to press or be pressed against something with a circular or up-and-down repeated movement" [28]. В нашем случае перевод осуществляется при помощи русского глагола *тереть*. Согласно словарю Шанского «тереть. общеслав. Исходное **terti* > тереть в результате развития полногласия *ere* и утраты конечного безударного *и*. Корень тот же, что в "торный" (торная дорога), терebить (см.). Исходное значение – "очищать" (трением и терebлением, т. е. корчеванием)» [33]. Звуковой облик ЗП основы *тер* схож с английским

to rub и отвечает требованию к фреквентативу-квазиинстанту: дрожащей фонеме /r/ предшествует удар – взрывной согласный /t/.

С. В. Воронин выделяет шумовые и тоновые типы **фреквентативов-квазиконтинуантов** [19]. Так, в глаголе *to crash* характерная для фреквентативов фонема /r/ сопровождается последующим длительным щелевым согласным /ʃ/, характерным для шумовых континуантов. Глагол *to crash* определяется в словаре Cambridge как "to hit something, often making a loud noise or causing damage" [28]. Рассмотрим несколько примеров использования этого глагола в контексте, а также варианты его перевода:

"Instantly, Winnie became a ballerina, twirling and swirling and twiddling and twaddling on her tippy-toe tootsies until...**crash!**" [8, p. 10] переведен следующим образом: «Сейчас же Винни превратилась в балерину и закрутилась, закружилась, завертелась, завращалась на цыпочках-носочках, но... *Бабах!*» [14, с. 36].

Примечательно, что первые три глагола переведены на русский язык при помощи глаголов, т. е. с сохранением части речи. Более того, эти глаголы относятся к той же лексико-семантической группе «движение», что и глаголы в тексте оригинала. Фреквентатив *to crash*, однако, переведен как междометие. Английскому языку, как и любому языку аналитического строя, не свойственно присоединение к корню множества флексий. Определить часть речи слова зачастую представляется возможным только в контексте. В данном случае было принято решение отнести *crash* к разряду глаголов. Как уже упоминалось ранее, русскому языку свойственно использовать приставки и суффиксы, которые часто «затемняют» выразительность фоносемантической лексики и делают ее менее «очевидной». В данном примере при переводе исходный глагол был «очищен» от флексий и заменен на междометие, чтобы подчеркнуть его ЗП-свойства. Образно говоря, от ЗП-глагола движения остался один звук.

В примере "*She **crashed** through the kitchen*" [10, p. 8] фреквентатив *to crash* переведен Е. Уховой при помощи ЗП *пропала*: «Она *пропала* через кухню...» [15, с. 8]; а в примере "*Winnie skipped, wriggled, bumped, and **crashed** back outside*" [10, p. 10] при помощи экспрессивного *вывалилась* «Пробежав обратно по паутинке, прогремев и протопав по всем своим необычным комнатам, Винни *вывалилась* на крыльцо» [15, с. 11]. Переводы глагола *to crash* следует признать адекватными и весьма удачными.

Следующий пример демонстрирует возможности перевода **тонового фреквентатив-квазиконтинуанта**: "*The vet **squirted** stuff on to Wilbur to get rid of the fleas*" [11, p. 36] – «Ветеринар *обрызгал* Вильбура лекарством против блох» [13, с. 122]. Согласному /r/ предшествует длительный тоновый звук /z:/, характерный для тоновых континуантов. Глагол *to squirt* определяется в словаре Cambridge как "of liquids to flow through a narrow opening" [28]. В переводном тексте используется глагол *обрызгал*. Следует заметить, что М. Фасмер относит этот глагол к ЗП: «брызгать, брызгаю, брызжу, укр. бри́згати, сербохорв. бри́згати, болг. бръ́згам, бри́жда «опрыскиваю, брызгаю», словен. brízgati – то же, чеш. brýzhati, польск. bryzgać – то же. || Родственно лтш. brūzgāt, brūzgāt «брызгать, фыркать (о лошадях)», brūzgalēt – то же, brūzgas «пузыри пены», brūzgalas «пузыри на воде от падения дождевых капель», ср.-нж.-н., нж.-нем. prūsten «сопеть, храпеть»; см. М. – Э. 1, 342; Бернекер 1, 93 и сл.; Уленбек, РВВ 18, 240. Первонач. звукоподражание, подобно пры́скать. Сюда же побрыз́нуть «пускать новые ветки», арханг. (Подв.) [33].

Интересно также остановиться на примерах перевода глаголов движения **фреквентативов-квазиинстантов-континуантов**. Данный тип фреквентативов обозначает удар-диссонанс, в окружении континуантного неударного и инстантного удара в исследуемой выборке он, к сожалению, представлен единственным глаголом – *to sprinkle*: "*The little-wittle tooth fairy smelt of summer breezes wafting over dew-fresh meadow flowers **sprinkled** with icing sugar and love*" [11, p. 16]. Диссонансная фонема /r/ окружена неударным тоном и инстантным ударом. Словарь определяет данный глагол как "to scatter a few drops or small pieces of something" [28]. Перевод этого глагола выполнен следующим образом: «Малютка зубная фея благоухала, как луговые цветы летним вечером, *усыпанные* сахарной пудрой и любовью» [13, с. 111].

Анализируя группу **фреквентативов** в целом и ее подтипы в частности, необходимо понимать и учитывать, что глаголы обозначают продолжительное действие или серию резких действий, каждое из которых в отдельности не воспринимается как независимое.

Инстанты-континуанты обозначают удар с последующим или предшествующим тоном, или шумом. Выделяют тоновые послеударные инстанты-континуанты, шумовые послеударные инстанты-континуанты, шумовые предударные инстанты-континуанты, шумовые-тоновые предударно-послеударные инстанты-континуанты [10].

Тоновые послеударные инстанты-континуанты обозначают звук с последующим ударом. Например, *to bump*, где гласный переходит в сонант и обрывается ударным /p/. Словарь дает определение данному глаголу следующее: "to hit something with force" [28]. В примере: "*She **bumped** through the battery*" [10, p. 8] инстант-континуант *to bump* переведен как ЗП русский глагол *гремя*: «...*гремя* кастрюлями и сковородками...» [15, с. 8]. Эту же ЗП-основу *грем* можно увидеть и в следующем примере: "*Winnie skipped, wriggled, **bumped**, and crashed back outside*" [10, p. 10] – «Пробежав обратно по паутинке, *прогремев* и протопав по всем своим необычным комнатам, Винни вывалилась на крыльцо» [15, с. 11]. Согласно исследованию Н. М. Шанского, глагол *гремять* имеет ЗП-происхождение: «гром. общеслав. Возникло на базе звукоподражания *гром*, ср. *гремять*» [34], тем не менее, согласно теории С. В. Воронина, этот глагол следует отнести к другому фоносемантическому классу, по всей видимости к классу фреквентативов.

Шумовые послеударные инстанты-континуанты обозначают удар с последующим шумом. Далее приведены некоторые контекстные примеры с глаголом *to push*. Смычный шумный /p/ переходит в длительный шумный щелевой согласный /ʃ/. Словарь Cambridge дает следующее определение глаголу *to push*: "to move forcefully, especially in order to cause someone or something that is in your way to move" [28]. Далее обратимся к рассмотрению глагола *to push* в контексте: "*She sat on it, them **pushed** off...*" [9, p. 67]. Инстант континуант переведен как: «Оседлала ее, *оттолкнулась*...» [14, с. 64]. Аналогичным образом переведен этот глагол и в примере: "*They shrugged and found that the heavy somethings opened and closed behind them, **pushing** them forward*" [10, p. 71] «Пошевелив плечами, они почувствовали, как что-то большое и тяжелое раскрылось и закрылось, *толкнув* их вперед» [15, с. 86]. Русский глагол *толкать* фонетически нейтрален, поэтому в этих примерах приходится констатировать очевидную утрату звукоизобразительности при переводе.

Шумовые предударные инстанты-континуанты обозначают удар с последующим шумом. Глагол *to slap* начинается с шума и обрывается ударом – смычным шумным /p/. Сло-

варь дает определение глаголу следующее: "to hit someone or something with the flat part of the hand or other flat object" [28]. В примере из анализируемой выборки есть такое предложение: "*Winnie **slapped** a hand over her mouth*" [8, p. 51]. Глагол *to slap* переведен Славниковой при помощи ЗП *шлепнула*: «Она *шлепнула* себя по губам» [12, с. 60].

Шумовые-тоновые предударно-послеударные инстанты-континуанты обозначают сочетания шума и тона. На примере глагола *to slump* можно видеть сочетания шумного /s/ с сонорным /l/ и шумного /p/ с сонантом /m/. Этот глагол имеет следующее словарное определение: "to sit or fall heavily and suddenly". Приведем некоторые контекстуальные примеры из выборки *to slump*: "*He **slumped** to saggy sleep with a smile*" [8, p. 43] – «Он *распластался* поудобней и, довольный, задремал» [12, с. 51]; "*Wilbur was lying in the sun on the front doorstep, **slumped** in the sunshine, when Winnie came rushing over*" [10, p. 6] – «Вильбур *растянулся* на крыльце и нежился под лучами солнца, помахивая хвостом. Но тут, словно ураган, на него налетела взволнованная Винни» [15, с. 7].

Нельзя обойти стороной и ЗП-глагол движения *to flap*: "*And instantly the room was full of flapping and clucking and squawking and croaking and hissing*" [9, p. 32]. Очевидно, что предложение насыщено иконизмами (*cluck, squack, croack, hiss*), эффект которых подчеркивается аллитерацией и ассонасом, однако все они не относятся к исследуемой лексико-семантической группе. Глагол *to flap* переведен при помощи *захлопало*: «Вдруг в комнате *захлопало*, затопало, закудахтало, заквакало, закрыхтело, зашипело» [13, с. 39]. В данном примере переводчик очень «качественно» передает ЗП, полностью сохраняя ЗИ-свойства оригинального глагола. Стоит отметить, что это предложение представляет не что иное, как заряд энергии и эмоций, поскольку практически все без исключения его остальные элементы являются ЗП, и подобное соседство не может не быть исключительно выигрышным для глагола *захлопало*.

В следующем примере обращает на себя внимание глагол *to flip-flap-lurch*, который представляет собой авторский неологизм. "*He **flip-flap-lurched** up onto tiptoe, then up so that his big boots lifted off the ground*" [10, p. 71] – «Он пробежал на цыпочках, хлоп-хлоп-хлопая крыльями, и вдруг поднялся в воздух, так что его огромные ботинки оторвались от земли» [15, с. 92]. Корень «хлоп» обозначает быстрое, резкое действие, в данном случае это интенсивное движение крыльями. Е. Ухова удачно использует для перевода усиление звуковым повтором – *хлоп-хлоп-хлопая*.

Глагол *to thrash* в контексте: "*He **thrashed** it crossly*" [8, p. 67] переведен как: «Кот принялся яростно сдирать огонек» [8, p. 6]. Переводчица воспользовалась приемом звуковой компенсации, дополнив глагол наречием «яростно», поскольку иначе действие, вероятно, утрачивало бы свою изначальную резкость. Согласно словарю Cambridge, *to thrash* означает "to move from side to side in a violent or uncontrolled way" [28], и значение жестокости в такой степени глагол «сдирать» не смог бы передать.

Заключение. Полученные данные свидетельствуют о чрезвычайно высокой насыщенности исследуемых текстов ЗИ-глаголами движения (79,6 % общего корпуса глаголов). ЗП-глаголы составляют 46,3 % всех иконических глаголов. Сравнительный фоносемантический анализ текстов позволил установить, что при переводе 131 словоупотребления ЗИ-глаголов движения только 10 из них утратили свой иконический статус.

Учитывая, что перевод подобного рода лексики представляет сложность даже для опытного переводчика, проведенный исследователями анализ показал, что в подавляющем большинстве случаев Т. Славниковой и Е. Уховой удалось сохранить ЗИ-характер оригинальных глаголов движения: 92,3 % ЗП-глагола движения были переданы на принимающий без утраты иконического статуса. Этот вывод, в свою очередь, позволяет предположить, что знание законов звукоизобразительности может существенным образом облегчить переводчику задачу перевода лексики ЗИ-происхождения и, как следствие, сохранить художественную ценность переводного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Imai M., Kita S. The sound symbolism bootstrapping hypothesis for language acquisition and language evolution // *Philosophical Transactions of The Royal Society B*, 2014. Vol. 369, iss. 1651: 20130298. DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2013.0298>.
2. Hollich G., Golinkoff R.M., Hirsh-Pasek K. Young children associate novel words with complex objects rather than salient parts // *Developmental Psychology*. 2007. Vol. 43, iss. 5. P.1051–1061. DOI: <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.5.1051>.
3. Monaghan P., Mattock K., Walker P. The role of sound symbolism in word learning // *J. of Experimental Psychology Learning Memory and Cognition*. 2012. Vol. 38, iss. 5. P.1152–1164. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0027747>.
4. The facilitatory role of sound symbolism in infant word learning / M. Miyazaki, Sh. Hidaka, M. Imai et al. // *Proc. 35th Annual Conf. of the Cognitive Science Society*, Berlin, 31 July–3 August 2013, pp. 3080–3085.
5. Köhler W. *Gestalt psychology*. 2nd ed. NY: Liveright Publishing Corporation, 1947.
6. Maurer D., Pathman, Th., Mondloch C. J. The shape of boubas: sound–shape correspondences in toddlers and adults // *Development Science*. 2006. Vol. 9, Iss. 3. P. 316–322. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2006.00495.x>.
7. Егорова А. А. Звукоизобразительность в традиционной английской детской поэзии (на материале Nursery Rhymes): дис. ... канд. филол. наук / ИванГУ. Иваново, 2018.
8. Owen L. *Winnie on Patrol*. Oxford: OUP, 2010.
9. Owen L. *Whizz-Bang Winnie*. Oxford: OUP, 2008.
10. Owen L. *Winnie the Twit*. Oxford: OUP, 2009.
11. Owen L. *Winnie says Cheese*. Oxford: OUP, 2018.
12. Оуэн Л. Патруль ведьмочки Винни / пер. с англ. Т. Славниковой. М.: АСТ, 2018.
13. Оуэн Л. Большая книга приключений ведьмочки Винни / пер. с англ. Т. Славниковой. М.: АСТ, 2018.
14. Оуэн Л. Ведьмочка Винни и волшебный сад / пер. с англ. Т. Славниковой. М.: АСТ, 2018.
15. Оуэн Л. Приключения ведьмочки Винни в школе / пер. с англ. Е. Уховой. М.: АСТ, 2018.
16. Ворошникова М. В., Беседина Е. И. К проблеме перевода звукоизобразительной лексики (на примере глаголов движения в рассказах Л. Оуэн) // *Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XIII-й Междунар. науч. конф., Покров, 20–21 сентября 2023 г. / МПГУ, М., 2023. С. 113–120.*
17. Флакман М. А. Деиконизация звукоизобразительного слова: особенности протекания процесса в английском языке // *Вестн. СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2015. Вып. 1. С. 162–171.
18. Воронин С. В. *Основы фоносемантики*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
19. Воронин С. В. *Английские ономотопы. Фоносемантическая классификация*. СПб.: Изд-во Ин-та иностр. языков, 1998.

20. Воронин С. В., Паго А. Д. Эквивалентность в переводе и звукоизобразительная лексика // Английская философия в переводческом и сопоставительном аспектах / отв. ред. О. И. Бродович. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 83–87.
21. Ворошникова М. В. Иконические глаголы движения в оригинальной и переводной литературе: к постановке проблемы // Иностранные языки в современном мире: сб. материалов Междунар. лингв. форума. Казань, 10–13 марта 2020 г. / КФУ. Казань, 2020. С. 165–171.
22. Иванова М. В. Звукоизобразительная лексика в англоязычной детской сказке: дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1990.
23. Ермакова Н. М. Ономастопея: англо-русские параллели в переводе: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 1993.
24. Кузьмич И. В. Звукоизобразительность и американский сленг: фоносемантический анализ: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 1993.
25. Шамина Е. А. Фонетическая мотивированность английских глаголов движения (на материале сказки Р. Дала "The BFG") // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Т. 1, № 4. С. 85–98.
26. Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016.
27. Oxford Dictionaries. URL: <https://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 12.06.2023).
28. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 12.06.2023).
29. Беседина Е. И. К вопросу о функционировании звукоизобразительных глаголов движения (на материале романа Брайана Джексона «Воин Редволла») // Актуальные проблемы языкознания: материалы VIII межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. уч., СПб, 22–23 апреля 2019 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2019. С. 239–243.
30. Беседина Е. И., Ноланд Н. Н. Звукоизобразительная лексика в романе Джоан К. Роулинг «Гарри Поттер и кубок огня»: идиостилевый аспект // Проблемы фоносемантики: материалы Междунар. науч. семинара, Орехово-Зуево, 23–25 ноября 2016 г. / ГГТУ. Орехово-Зуево, 2016. С. 68–70.
31. Шляхова С. С. Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2004.
32. Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С. И. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 20.09.2023).
33. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 22.09.2023).
34. Этимологический онлайн-словарь русского языка Н. М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 22.09.2023).

Информация об авторах.

Марина Владиславовна Веселова – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: методика преподавания английского языка как иностранного, перевод и переводоведение, лексикология, фоносемантика.

Елена Ивановна Беседина – кандидат филологических наук (1978), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: методика преподавания английского языка как иностранного, перевод и переводоведение, лексикология, фоносемантика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.11.2023; принята после рецензирования 26.12.2023; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Imai, M. and Kita, S. (2014), "The sound symbolism bootstrapping hypothesis for language acquisition and language evolution", *Philosophical Transactions of The Royal Society B*, vol. 369, iss. 1651: 20130298. DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2013.0298>.
2. Hollich, G., Golinkoff, R.M. and Hirsh-Pasek, K. (2007), "Young children associate novel words with complex objects rather than salient parts", *Developmental Psychology*, vol. 43, iss. 5, pp.1051–1061. DOI: <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.5.1051>.
3. Monaghan, P., Mattock, K. and Walker, P. (2012), "The role of sound symbolism in word learning", *J. of Experimental Psychology Learning Memory and Cognition*, vol. 38, iss. 5, pp.1152–1164. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0027747>.
4. Miyazaki, M., Hidaka, Sh., Imai, M. et al. (2013), "The facilitatory role of sound symbolism in infant word learning", *Proc. 35th Annual Conf. of the Cognitive Science Society*, Berlin, Germany, 31 July–3 August, 2013, pp. 3080–3085.
5. Köhler, W. (1947), *Gestalt psychology*, 2nd ed., Liveright Publishing Corporation, NY, USA.
6. Maurer, D., Pathman, Th. and Mondloch, C.J. (2006), "The shape of boubas: sound-shape correspondences in toddlers and adults", *Development Science*, vol. 9, iss. 3, pp. 316–322. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2006.00495.x>.
7. Egorova, A.A. (2018), "Sound imagery in traditional English children's poetry (based on Nursery Rhymes)", Can. Sci. (Philology) Thesis, IvanSU, Ivanovo, RUS.
8. Owen, L. (2010), *Winnie on Patrol*, OUP, Oxford, UK.
9. Owen, L. (2008), *Whizz-Bang Winnie*, OUP, Oxford, UK.
10. Owen, L. (2009), *Winnie the Twit*, OUP, Oxford, UK.
11. Owen, L. (2009), *Winnie says Cheese*, OUP, Oxford, UK.
12. Owen, L. (2018), *Patrul' ved'mochki Vinni* [Winnie on Patrol], Transl. by Slavnikova, T., AST, Moscow, RUS.
13. Owen, L. (2018), *Bol'shaya kniga prikl'yucheni' ved'mochki Vinni* [The Misadventures of Winnie the Witch], Transl. by Slavnikova, T., AST, Moscow, RUS.
14. Owen, L. (2018), *Ved'mochka Vinni i volshebnyi sad* [Winnie the Witch and the Magic Garden], Transl. by Slavnikova, T., AST, Moscow, RUS.
15. Owen, L. (2018), *Prikl'yucheniya ved'mochki Vinni v shkole* [The Adventures of Winnie the Witch at School], Transl. by Uchova, E., AST, Moscow, RUS.
16. Voroshnina, M.V. and Besedina, E.I. (2023), "The Translation Challenges of English Sound Symbolic Verbs of Motion in The Stories by L. Owen", *Yazyk i myshlenie: psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty* [Language and thinking: psychological and linguistic aspects], Pokrov, RUS, Sep. 20–21, 2023, pp. 113–120.
17. Flaksman, M.A. (2015), "Iconic word's de-Iconization: the nature of the process in the English language", *Vestnik SPbSU. Ser. 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, iss. 1, pp. 162–171.
18. Voronin, S.V. (1982), *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics], Leningrad, Izd-vo LGU, USSR.
19. Voronin, S.V. (1998), *Angliiskie onomatopy. Fonosemanticheskaya klassifikatsiya* [English onomatopoeic words. Phonosemantic classification], Izd-vo In-ta inostrannykh yazykov, SPb., RUS.
20. Voronin, S.V. and Pago, A.D. (1995), "Equivalence in translation and sound vocabulary", *Angliiskaya filosofiya v perevodcheskom i sopostavitel'nom aspektakh* [English philosophy in translation and comparative aspects], in Brodovich, O.I. (ed.), Izd-vo SPBGU, SPb., RUS, pp. 83–87.
21. Voroshnina, M.V. (2020), "Iconic verbs of motion in original and translated literature: towards the formulation of the problem", *Inostrannyye yazyki v sovremennom mire* [Foreign languages in the modern world], Kazan, RUS, March 10–13, 2020, pp. 165–171.
22. Ivanova, M.V. (1990), "Sound vocabulary in an English-language children's fairy tale", Can. Sci. (Philology) Thesis, LGU, Leningrad, USSR.

23. Ermakova, N.M. (1993), "Onomatopoeia: English-Russian parallels in translation", Can. Sci. (Philology) Thesis, SPbSU, SPb., RUS.
24. Kuz'mich, I.V. (1993), "Sound imagery and American slang: phonosemantic analysis", Can. Sci. (Philology) Thesis, SPbSU, SPb., RUS.
25. Shamina, E.A. (2015), "Phonetic motivation as a foundation for literary neologisms (based on R. Dahl's fairy tale "The BFG")", *Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 1, no. 4, pp. 85–98.
26. Flaksman, M.A. (2016), *Slovar' angliiskoi zvukoizobrazitel'noi leksiki v diakhronicheskom osveshchenii* [Dictionary of English sound vocabulary in diachronic light], Izd-vo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, SPb., RUS.
27. *Oxford Dictionaries*, available at: <https://www.oxforddictionaries.com/> (accessed 12.06.2023).
28. *Cambridge Dictionary*, available at: <http://dictionary.cambridge.org/> (accessed 12.06.2023).
29. Besedina, E.I. (2019), "On the issue of the functioning of sound-depicting verbs of motion (based on the novel "Redwall Warrior" by Brian Jakes)", *Aktual'nye problemy yazykoznaniya* [Current problems of linguistics], SPb., RUS, April 22–23, 2019, pp. 239–243.
30. Besedina, E.I. and Noland, N.N. (2016), "Sound visual vocabulary in the novel by Joan K. Rowling "Harry Potter and the Goblet of Fire": idiostyle aspect", *Problemy fonosemantiki* [Problems of phonosemantics], Orekhovo-Zuevo, Nov. 23–25, 2016, pp. 68–70.
31. Shlyakhova, S.S. (2004), *Drebezgi yazyka: slovar' russkikh fonosemanticheskikh anomalii* [Language rattles: a dictionary of Russian phonosemantic anomalies], Izd-vo Perm. gos. ped. un-t, Perm, RUS.
32. *Tolkovyi onlain-slovar' russkogo yazyka Ozhegova S. I.* [Online Thesaurus of the Russian language by S. Ozhegov], available at: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (accessed 20.09.2023).
33. *Ehtimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Maksa Fasmera* [Online Etymological Dictionary of The Russian Language by Max Vasmer], available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (accessed 22.09.2023).
34. *Ehtimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka N. M. Shanskogo* [Online Etymological Dictionary of The Russian Language by N. M. Shansky], available at: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (accessed 22.09.2023).

Information about the authors.

Marina V. Veselova – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: foreign language teaching methodology, translation studies, translation and interpreting, lexicology, phonosemantics.

Elena I. Besedina – Can. Sci. (Philology, 1978), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: foreign language teaching methodology, translation studies, translation and interpreting, lexicology, phonosemantics

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 20.11.2023; adopted after review 26.12.2023; published online 23.04.2024.

Оригинальная статья

УДК 811.153.1

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-89-102>

К вопросу о теоретически возможном числе падежей в естественном языке

Валерия Николаевна Малышева¹✉, Андрей Арнольдович Шумков²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ malvaleriam@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9837-3533>

²noizen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>

Введение. Падеж, представляя собою семантико-грамматическую категорию, выступает в естественных языках самым неожиданным образом. Слово или словосочетание, имеющее своим ядром субстантивную единицу, в том или ином падеже получает флексию (внутреннюю или внешнюю), которая может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно и обладает грамматическим значением. При этом флексия может сопровождаться предлогом, обладающим лексическим значением. Эти падежные показатели, морфологические и синтаксические, организуют главный или второстепенный субстантивный член предложения, т. е. имеют отношение к категории пространства. Число падежей на сегодняшний день по-прежнему является предметом научных дискуссий.

Методология и источники. Исследование выполнено на основе анализа взглядов различных ученых на категорию падежа с особым вниманием к теории Л. Ельмслева. Согласно этой теории, максимально допустимое число падежей в естественном языке – 216. В целях самостоятельного, независимого от прежних взглядов и при этом сугубо формального подсчета возможного числа падежей субстантивный член предложения представлен в настоящей статье в виде произведения уточнителя (прауточнителя) и семифинитива, как это предписывается идеей двухчастности, разрабатываемой с 1993 г. в СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Результаты и обсуждение. Общепринятое деление членов предложения на главные и второстепенные заставляет нас разделить все возможные падежи на прямой (в случае подлежащего) и не прямые падежи (в случае второстепенных субстантивных членов предложения). При этом прямой падеж может быть получен простейшим преобразованием из любого непрямого, т. е. пространственный уточнитель восходит к пространственному прауточнителю. Пространственный прауточнитель представляет собой внешнее пространство, сложенное с субстантивной массой. Субстантивный семифинитив являет собой субстантивную массу, умноженную на внутреннее пространство. Как предписывает идея двухчастности, субстантивные массы могут находиться в четырех состояниях, а субстантивные семифинитивы – в шести. Тем самым число возможных падежных форм должно быть равным 24.

Закключение. Согласно постулатам классической физики, пространство трехмерно, и грамматическое пространство как внешнее, так и внутреннее также следует, по всей видимости, полагать трехмерным. Это означает, что четыре состояния субстантивной массы и шесть состояний субстантивных семифинитивов могут быть в каждом из трех

© Малышева В. Н., Шумков А. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

измерений. Тем самым максимально возможное число падежей действительно достигает 216. Следует отметить, что Л. Ельмслев вывел число 216 совершенно другим способом, посредством более глубоких рассуждений. В перспективе было бы интересным сопоставить бинарные оппозиции Л. Ельмслева с составляющими субстантивных членов предложения.

Ключевые слова: падеж, функции падежа, падежная грамматика, идея двухчастности, семифинитив

Для цитирования: Малышева В. Н., Шумков А. А. К вопросу о теоретически возможном числе падежей в естественном языке // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 89–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-89-102.

Original paper

On the Theoretically Possible Number of Cases in Natural Language

Valeria N. Malysheva¹✉, Andrey A. Shumkov²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg Russia*

¹✉ *malvaleriam@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9837-3533>*

²*noizen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>*

Introduction. The case, which is a semantic and grammatical category, appears in natural languages in the most unexpected way. A word or phrase that has a substantive unit at its core receives an inflection (internal or external) in one case or another, which can be expressed both explicitly and implicitly, and has a grammatical meaning. In this case, inflection can be accompanied by a preposition that has a lexical meaning. These case indicators, morphological and syntactic, organize the main or secondary substantive part of the sentence, i.e. are related to the category of space. The number of cases today is still the subject of scientific debate.

Methodology and sources. The present study is based on analyzing the views of various scientists on the category of case, with special attention to the theory of L. Hjelmlev. According to this theory, the maximum possible number of cases in natural language is 216. In order to provide a purely formal calculation of the possible number of cases, which would be at the same time independent on the earlier views, the article represents the substantive part of the sentence as a semifinitive multiplied by a specifier (proto-specifier). These statements are prescribed by the binomiality idea, having been developed since 1993 at ETU.

Results and discussion. The generally accepted division of sentence parts into main and secondary ones leads us to dividing all possible cases into direct cases (for subject) and indirect cases (for secondary substantive parts). Thus, the direct case can be obtained by a simple transformation from any indirect case, i.e. the space specifier goes back to the spatial proto-specifier. The space proto-specifier represents external space added to substantive mass. The substantive semifinitive is a substantive mass multiplied by internal space. As the binomiality idea prescribes, substantive masses can be in four states, while substantive semifinitives can be in six states. Thus, the number of possible case forms should be equal to 24.

Conclusion. According to classical physics, space is three-dimensional, so grammatical space, both external and internal, should also, obviously, be considered three-dimensional. This means that four states of substantive mass and six states of substantive semifinitives can be in each of the three dimensions. Thus, the maximum possible number of cases may

indeed reach 216. It should be noted that L. Hjelmslev derived the number 216 in a completely different way, by dint of much deeper reasoning. In the future, it would be interesting to compare L. Hjelmslev's binary oppositions with the constituents of substantive parts of sentence.

Keywords: case, case functions, case grammar, binomiality idea, semifinitive

For citation: Malysheva, V.N. and Shumkov, A.A. (2024), "On the Theoretically Possible Number of Cases in a Natural Language", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 89–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-89-102 (Russia).

Введение. Падеж, представляя собою семантико-грамматическую категорию, выступает в естественных языках самым неожиданным образом. Падежные показатели по-разному выражены в разных языках, а падежные формы зачастую отличаются полисемичностью, т. е. форма одного падежа может передавать множество значений, которое также не совпадает в разных языках. Традиционно под падежом понимают грамматическую категорию имени, выражающую отношение обозначаемого им предмета к другим предметам, признакам или процессам (действиям, состояниям) действительности и, следовательно, устанавливающую отношение данного имени в данной категориальной форме падежа к другим членам предложения [1, с. 305–308]. Более системное понимание падежа отражает определение К. З. Зулпукарова: падеж – это упорядоченное множество типов склонения и контекстов, взаимосвязанных и образующих целостное парасинтагматическое единство [2, с. 25].

Слово или словосочетание, имеющее своим ядром субстантивную единицу, в том или ином падеже получают флексию (внутреннюю или внешнюю), которая может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно, и обладает грамматическим значением. При этом флексия может сопровождаться предлогом, обладающим лексическим значением. Эти падежные показатели, морфологические и синтаксические, организуют главный или второстепенный субстантивный член предложения, т. е. имеют отношение к категории пространства. Число падежей на сегодняшний день по-прежнему является предметом научных дискуссий. Поэтому и в наши дни актуальными остаются семантико-грамматическая трактовка падежей, способы их классификации, выявление их функций, вопросы происхождения падежных показателей. Для придания категории падежа должной системной целостности весьма важно принимать во внимание теории падежа, разработанные лингвистами в XX в., поднимающими вопросы глубинной структуры падежа и предлагающими рассматривать его не только с формальной точки зрения, но и исследуя глубинные семантические отношения, которые выражают формальные показатели.

Термин «падеж» в разных языках восходит к греческому *ptōsis* и его латинской кальке *casus* «падение». Это слово связано с игрой в кости, в которой та или иная сторона выпадает кверху [3, с. 179]. В других языках используют кальки этих слов, например, в русском языке «падеж» или украинском *відмінок* [4, с. 25]. Впервые слово *ptōsis* было засвидетельствовано в «Поэтике» Аристотеля [5, с. 174], где им называют «всякую форму слова, отклоняющуюся от основной «нормальной» его формы, даже если это отклонение носит не материальный, а чисто функциональный характер» [6, с. 38]. *Ptōsis* у Аристотеля – это всякая реализация слова в речи, которой противопоставлено *hlisis* – некое идеальное слово, называющее определенное явление, взятое вне контекста. Понимание падежа как грамматической категории,

присущей только склоняемым частям речи, было впервые предложено стоиками [6, с. 39], заложившими основу дальнейшей разработки проблемы падежа и создания различных теорий. Стоики выделяли пять падежей: прямой («именительный») и четыре косвенных: родительный, дательный, винительный и некий четвертый, название которого нам не известно. Впоследствии в классической греческой грамматике четвертым падежом считался звательный. Дальнейшее изучение проблемы падежа связывают с именами Дионисия Фракийца, Диамеда и Присциана (IV–V вв. н. э.), в работах которых приводится представление о падеже как о «некоторой исходной "прямой" форме, от которой "отпадают" формы, "обремененные" какими-то дополнительными значениями» [6, с. 41].

Категория падежа выражается с помощью аффиксов или с помощью аналитических средств – предлогов (или послелогов) и порядка слов. Примерами аффиксов могут служить не только привычные для носителей русского языка окончания, но и такие падежные показатели, как, к примеру, в языке вальбири аборигенов Австралии: такие показатели указывают, относится ли слово к подлежащему или к дополнению, и позволяют носителям этого языка не прибегать к группировке слов, характерной для аналитического строя языка [7, с. 33].

Проводились исследования, имевшие своей целью определить происхождение падежных аффиксов. Часть лингвистов возводит их к местоимениям. Как пишет Г. С. Лэйн, «форма, которая в конечном счёте стала индоевропейским падежным окончанием номинатива единственного числа мужского рода, а именно *-s, интерпретировалась как указательное местоимение *so, которое превратилось в суффикс, обозначающий подлежащее со значением определенности; а это *so в свою очередь происходит, как полагали некоторые ученые, из прото-индо-хеттского элемента, связующего предложения» [8, с. 146]. Исключительно важны и исследования, связанные с изучением истории предлогов как падежных показателей.

Методология и источники. Настоящее исследование выполнено на основе анализа взглядов различных ученых на категорию падежа, в частности, Г. А. Баевой, А. В. де Гроота, Е. Куриловича, И. А. Мельчука, Ч. Филмора, У. Чейфа, Н. Хомского, Н. Ю. Шведовой, Р. О. Якобсона. В особой степени внимание авторов привлекла теория Л. Ельмслева. Согласно этой теории, максимально допустимое число падежей в естественном языке – 216. На сегодняшний день, однако, наибольшее число падежей, обнаруживаемое в естественных языках, составляет 40–60, а именно в нахско-дагестанских языках. Так, в табасаранском языке насчитывается 52 падежа. Даже в искусственных языках число падежей не превышает 96 (язык илакш, на основе ифкуиля). Возникает вопрос, можно ли посредством формально-логических моделей определить максимально допустимое число падежей (по существу, такими моделями оперировал и Л. Ельмслев).

Для самостоятельного, независимого от прежних взглядов и при этом сугубо формального подсчета возможного числа падежей мы воспользовались основными положениями идеи двухчастности, разрабатываемой в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» с 1993 г. Согласно этой идее, глагольные и субстантивные члены предложения представляют собой двухчастные структуры. Главный член предложения является семифинитивом, зафиксированным в уточнителе, а второстепенный – семифинитивом, зафиксированным в прауточнителе. Тем самым мы представили субстантивный член предложения как результат фиксации, т. е. в виде произведения уточнителя (прауточнителя) и семифинитива [9, с. 175].

Результаты и обсуждение. При исследовании научных трудов выявляется множество самых разнообразных падежей. Так, нами выделено 39 падежей, получивших толкование в словаре О. С. Ахмановой [1], а также 38 падежей, которые не получили распространенного толкования, поскольку авторы, называющие эти падежи, определяют их либо через этимологию, либо в противопоставлении другим падежам – элементам созданных ими моделей. Среди этого многообразия падежей выделяются несколько фундаментальных, образующих падежные системы с древнейших времен изучения вопроса: аблатив, винительный, дательный, именительный, родительный и творительный падежи – они передают различные семантические отношения в различных языках. Другие падежи имеют более узкую область применения и зачастую передают только одно значение. Также существуют понятия грамматических падежей, конкретных (функциональных) и аналитических падежей. Кроме того, говорят о противопоставлении прямого падежа косвенным.

Функции падежа делятся на синтаксические (грамматические) и семантические. Синтаксическая функция падежа отражает его реализацию в контексте высказывания или предложения, а семантическая – то значение, которое падеж передает. Общепринятое деление членов предложения на главные и второстепенные заставляет нас фактически вслед за столбами разделить все возможные падежи на прямые (в случае подлежащего) и не прямые, косвенные падежи в случае второстепенных субстантивных членов предложения.

Теории, разработанные наиболее видными лингвистами в XX в., изменили понимание категории падежа как таковой. Если ранее внимание привлекала внешняя сторона слова, его изменение с помощью системы флексий, то теперь внимание языковедов стало привлекать значение, которое передает падеж, внутренняя форма слова, передача значения без закрепления типа значения за конкретным внешним падежом. Рассмотрим наиболее заметные и революционные теории.

Р. О. Якобсон в работе «К общему учению о падеже» в 1936 г. выделяет общее значение падежа, имеющее морфологическую природу, и ряды частных значений, которые относятся к учению о словосочетании и являются «комбинаторными вариантами общего значения», причём «ограничение <...> общего значения как общего знаменателя частных значений было бы необоснованным упрощением проблемы» [10, с. 143]. Позже А. М. Акбулатова заметила, что при изучении падежных значений лингвисты прибегают к двум типам подходов: поиску единого общего значения каждого падежа и наиболее полному дифференцированию значений. При этом сторонники «общих» значений зачастую учитывают общий семантико-грамматический признак, который не раскрывает в полной мере содержание падежной формы, в то время как сторонники второго подхода оставляют без внимания то общее, что объединяет выделяемые ими случаи употребления [11, с. 7].

Л. Ельмслев работал над универсальной «рамочной» моделью падежа, описывающей и сопоставляющей множество языков [12]. Одной из целей его исследования было определения общего числа теоретически возможных падежей. Он определил падеж как категорию, которая выражает отношение между двумя предметами и таким образом исключил традиционный вокатив из ряда падежей [6, с. 52]. Фундаментальное значение падежа, как считал Л. Ельмслев, состоит в передаче пространственных отношений и реализуется в трех измерениях: направление, «близость» (*intimité*), или «соположение» (*cohérence*), и субъектив-

ность/объективность. Падежные системы располагаются в одном, двух или трех измерениях, в зависимости от этого они распределяются по типам. В каждом измерении, в свою очередь, существует система оппозиций значений: положительное (+), отрицательное (–) и нулевое (0). Так, в пространственных отношениях они реализуются как «приближение» (+), «удаление» (–) и «покой» (0). Допуская, что три бинарных оппозиции могут одновременно функционировать в пространственных отношениях, Л. Ельмслев сделал заключение о теоретическом существовании $(2 \times 3)^3 = 216$ падежей.

И. А. Мельчук, работавший в направлении формальной теории языка, которая рассматривает падеж с формальной, математической точки зрения, отделил падеж существительного от адъективного падежа. Последний характеризует прилагательное и является согласовательной категорией, существительное же обладает категориями управляемого и согласуемого падежа. Граммемы управляемого падежа «выражают пассивные (зависимые) поверхностно-семантические роли данного существительного и могут также выражать семантические отношения между этим существительным и его хозяином» [13, с. 325]. То есть выделяются синтаксические падежи, выражающие только синтаксические роли существительного, и семантические, выражающие помимо синтаксической роли некоторый смысл. Или, как замечает автор, более точно было бы говорить о синтаксическом и семантическом употреблении некоторого падежа. И. А. Мельчук разделяет падежи на три группы, внутри которых приводятся противопоставления: 1) первичные и вторичные падежи; 2) простые и составные. Все падежи русского языка – первичные и простые, а к примеру, в лезгинском, есть вторичные простые (например, генитив, показатель которого присоединяется к показателю эргатива) и вторичные составные, содержащие показатели сразу нескольких падежей); 3) морфологически самостоятельные и несамостоятельные, у которых каждый показатель совпадает с каким-либо показателем другого падежа, возможного при данной основе [13, с. 328–333].

В отношении функций падежа на выделении синтаксических и семантических функций сходятся многие лингвисты. Синтаксическая функция падежа разработана в трудах А. В. де Гроота по классическому языкознанию. Лингвист приходит к заключению, что в латинском языке все падежи, кроме вокатива обладают синтаксической функцией, остальные могут обладать семантической функцией (датив, аблатив) или не обладать ею (номинатив, генитив, аккузатив). Кроме того, каждый падеж обладает системой употреблений: в первичном употреблении значение падежа актуализируется, во вторичном же употребление падежа – это «употребление в составе семантико-синтаксических единиц, содержащих слова в данном падеже, но имеющих собственное значение, которое обычно зависит от ряда её синтагматических (синтаксических и/или лексических) свойств» [6, с. 60–61].

Изучением функции падежей вслед за А. В. де Гроотом занимался и Е. Курилович. Он выделяет первичную и вторичную функцию падежей. Если первичная функция падежа постоянна, то вторичная представляет собой набор значений, из которых в соответствии с контекстом («главным образом, с семантическим содержанием глагола») выбирается нужное в каждом конкретном случае [14, с. 182]. К. Бюлер выразил это в следующих терминах: первичная функция «обусловлена в системе», а вторичная «обусловлена в поле» [14, с. 184]. Функции выстраиваются в схему в соответствии с типом падежа следующим образом:

- 1) грамматический падеж:
 - а) первичная синтаксическая функция;
 - б) вторичная наречная функция;
- 2) семантические падежи:
 - а) первичная наречная функция;
 - б) вторичная синтаксическая функция [14, с. 186].

Е. Курилович также замечает несовершенство понимания категории падежа, при котором слово и предлог или послелог рассматриваются отдельно. Е. Курилович говорит о «морфологическом единстве предлога и зависящего от него падежного окончания» [14, с. 178]. В пользу такого подхода выступал также и Л. Ельмслев [6, с. 55]; первым же ученым, показавшим связь между предлогами и падежами, был А. Ф. Бернардни в работе «Основы языкознания», вышедшей в 1805 г. [8, с. 149]. Е. Курилович заявляет, что падежная форма не может быть оторвана от предложного оборота, поэтому такую падежную форму нельзя рассматривать наравне со свободными падежными формами или с падежными формами, управляемыми глаголом непосредственно без предлога. Также Е. Курилович добавляет, что предлог имплицитно только падежное окончание как таковое, а не падеж (т. е. не падежную форму) [14, с. 180].

Н. Ю. Шведова заметила асимметрию формальной и смысловой сторон предложения: «...строевая (формальная) и синтаксическая функция падежа... часто не только не совпадают, но могут самым существенным образом расходиться» [15, с. 450]. Н. Ю. Шведова говорит, что не существует инвариантного значения падежа: падеж многозначен. «Выделяются абстрактные и конкретные, центральные и периферийные значения, однако ни в одном падеже значение, относящееся к его центру, не пронизывает весь комплекс его значений» [6, с. 63]. Выделяются семантические характеристики падежа: 1) грамматическая форма слова; 2) синтаксическая позиция этой формы; 3) лексическая семантика слова, представляющего в этой форме и в этой позиции; 4) ближайшее языковое окружение, минимальный контекст, релевантный для установления языковых качеств словоформы; 5) вид конструкции, образованной с участием данной словоформы [15, с. 460].

Связи семантического и синтаксического значения падежа исследует и Г. А. Баева. Утверждается, что падежи, взятые изолированно, не имеют значений – их значения соотносятся со специфическими синтаксическими конструкциями ввиду того, что падежи реализуют свои функции в предложении, а употребление того или иного падежа обусловлено исторически складывающейся практикой, устанавливающей правила и нормы падежного управления. Это управление, в свою очередь, может быть «свободным, независимым от валентных свойств окружающего контекста, и управляемым, продиктованным валентными свойствами лексем окружающего контекста»; промежуточное положение занимают «слабоуправляемые» конструкции, связанные с наречными образованиями [16, с. 5].

Новый подход к пониманию падежей предлагает Ч. Филмор, один из основных разработчиков падежной грамматики, который от изучения внешних проявлений категории падежа обращается к его внутренней структуре. В работе «Дело о падеже» [8] выделяет шесть семантических «глубинных» падежей. Очевидно, эти категории нельзя воспринимать как падежи в привычном для нас понимании, поскольку Ч. Филмор отталкивается от высказывания Дж. Лайонза: «"Падеж" (в тех языках, в которых эта категория существует) в глубин-

ной структуре вообще отсутствует и при этом является ничем иным, как просто словоизменной «реализацией» определенных синтаксических отношений» [8, с. 148] и определения Ф. Блейка: падеж есть «глубинное синтактико-семантическое отношение», а «падежная форма – выражение падежного отношения в конкретном языке, безразлично, используется ли для этого аффиксация, супплетивность, добавление энклитических или проклитических частиц или ограничения на порядок слов» [8, с. 158]. Подобную мысль позже высказывала М. Я. Плющ: «В морфологической категории падежа языковая семантическая интерпретация выступает как выражение отношений между предметом и явлением действительности [17, с. 43]. Различия глубинного падежа и структурного также находим у И. Робертса: «Структурный падеж определяется “вслепую” под воздействием особых структурных условий, в то время как глубинный падеж – это свойство конкретных лексических единиц» (перевод наш) [18, с. 18]. Итак, Ч. Филмор выделяет:

- агентив (A) – падеж обычно одушевленного инициатора действия, идентифицирующегося с глаголом;
- инструменталис (I) – падеж неодушевленной силы или предмета, который включен в действие или состояние, называемое глаголом, в качестве его причины;
- датив (D) – падеж одушевленного существа, которое затрагивается состоянием или действием, называемым глаголом;
- фактив (F) – падеж предмета или существа, которое возникает в результате действия или состояния, называемого глаголом, или которое понимается как часть значения глагола;
- локатив (L) – падеж, которым характеризуется местоположение или пространственная ориентация действия или состояния, называемого глаголом;
- объектив (O) – семантически наиболее нейтральный падеж, падеж чего-либо, что может быть обозначено существительным, роль которого в действии или состоянии, которое идентифицируется глаголом, определяется семантической интерпретацией самого глагола [8, с. 163–164].

Для иллюстрации своей системы Ч. Филмор рассматривает ряд предложений, в которых субъект, объект и обстоятельства действия стоят в одном и том же падеже вне зависимости от внешней формы выражения: позиции в английском языке или, например, формального падежа в русском. Так, в предложениях *John opened the door with the key* и *The key opened the door* – *John* – это агентив, *the door* – объектив, а *the key* – инструменталис. В то время как в предложениях *John believed that he would win* и *We persuaded John that he would win* – *John* употреблено в дативе.

Впоследствии Ч. Филмор переработал эту систему и выделил восемь падежей: агентив, инструменталис, экспериенцер, объектив, локатив, источник, цель и время [6, с. 71].

У. Чейф в работе «Значение и структура языка» [19] вовсе отказался от термина «падеж», поскольку главным в языке он считает не существительное, а глагол, и определяет падежные отношения как «отношения существительного к глаголу». Он выделяет семь таких семантических отношений: агенс, пациенс, экспериенцер, бенефициенс, инструмент, дополнение и местоположение [6, с. 73]. Агенс (агент) – одушевленное или личное существительное, сопровождающее глагол, определяющий действие [19, с. 115], пациенс

(пациент) же сопровождает глаголы состояния и является объектом воздействия этого глагола [19, с. 117]. Далее У. Чейф делит глаголы на состояния, процессы, действия и действия-процессы и, опираясь на положения теории Ч. Филмора, предлагает следующие типы отношений существительного и глагола:

1. Экспериенцер – тот, кто подвергается воздействию, тот, на ум и мысли которого направлено воздействие, как в предложении *Tom saw a snake* («Том увидел змею»).

2. Бенефициант (бенефициенс) – тот, кто извлекает выгоду из того, что сообщается в остальной части предложения, как в предложении *Tom has the tickets* («У Тома есть билеты»).

3. Инструмент – объект, играющий какую-то роль в осуществлении процесса, но не являющийся движущей силой, причиной или инициатором действия; он является вспомогательной силой агента, чем-то, чем агент пользуется. Эти отношения проиллюстрированы в предложении *Tom opened the door with the key* («Том открыл дверь ключом»).

4. Дополнение характеризует то, что создается в результате действия, как в предложении *Mary sang a song* («Мэри пела песню»).

5. Местоположение сопровождают локативные глаголы и лексически обозначают место, как в предложении *The knife is in the box* («Нож находится в ящике») [19, с. 167–191].

Работы последних двух из рассматриваемых авторов уделяют большое внимание внутренней структуре языка, что, несомненно, во многом проясняет природу такого явления, как падеж. Однако по-прежнему ощущается необходимость выявления механизмов влияния внутренней структуры языка на её внешние проявления, т. е. семантики высказывания на формальные показатели, будь то падежные окончания или порядок слов. В этом отношении показательна позиция Н. Хомского [20], который в книге «О природе и языке» пишет следующее: «Мы спрашиваем: почему язык (по-видимому) определяет семантические роли по форме, а не по конкретным флективным элементам? На самом деле похоже, что он использует и то, и другое. Так, глубинный падеж (например, аблатив) определяет семантическую роль по внешней флексии, в то время как структурный падеж (номинатив-аккузатив или эргатив-абсолютив) не играет никакой семантической роли. Для элементов структурного падежа семантическая роль определяется по форме, обычно в соответствии с тем, в каких отношениях они находятся с элементом, который повлиял на ее выбор: например, субъект или объект глагола <...>. Более того, формальные отношения, похоже, тоже определяют семантические отношения элемента, который называется глубинный падеж» (перевод наш) [20, с. 121].

Многообразие подходов к изучению категории падежа в современной лингвистике разделяют на морфологические, оппозиционно-дихотомические, синтаксические, позиционно-грамматические, семиологические, логико-семантические, статистические. К изучению этой категории также привлекаются теория множеств, математическая и формальная логика. Несмотря на глубокую проработку падежных систем, множество исключений (как в теории И. А. Мельчука) или отказ от базовых падежей, например, от номинатива в теории Е. Куриловича, позволяет говорить о несовершенстве существующих теорий и заявить о необходимости поиска более подходящих критериев классификации падежных отношений.

В определении падежных значений языковеды зачастую отдают предпочтение либо поиску единого общего значения каждого падежа, либо наиболее полному дифференцированию его значений. Применение рамочного подхода Л. Ельмслевом, предусматривающего

трёхмерную систему оппозиций, позволило вычислить теоретически возможное количество падежей, из которого реально развилась только некоторая часть. Появление понятий согласовательного и управляемого падежей позволило говорить о рассматриваемой категории на уровне словосочетания. Кроме того, выходу за пределы лексемы в изучении вопроса способствовало признание роли предлогов и послелогов в выражении падежных отношений. На теоретическое осмысление категории падежа также повлияло развитие учения о ее семантической составляющей и выявление семантических падежей и глубинных отношений между членами предложения, которые, вероятно, с помощью некоего механизма влияют на выбор тех или иных формальных показателей.

Формально-логическое моделирование может выполняться как с учетом, так и без учета семантики. С одной стороны, в системе языка сокрыты некие универсальные, потому асемантические «пружины», с другой стороны, на этих пружинах держатся единицы, обладающие семантикой. Сочетаемость единиц во многом предопределяется именно семантикой. Однако основные степени свободы, имеющиеся в системе языка, предопределяются физическими категориями. В случае падежа задействуется, по всей видимости, категория пространства, соотносимая с субстантивной сферой.

Согласно идее двухчастности [9], прауточнитель можно получить снижением размерности семифинитива с 2 до 1, т. е. заменой знака умножения на знак сложения:

$$m \times l \rightarrow l + m$$

$$E \times t \rightarrow t + E$$

Интересно отметить, что в случае глагольного семифинитива послелоги становятся предлогами и входят в состав глагольного прауточнителя. Вероятно, с развитием языковой системы предлоги начали входить и в состав субстантивного прауточнителя. В отличие от неотделяемых приставок, послелоги находились за пределами глагольного ядра, и потому сохранили свою прочность, а равно и лексическое значение.

Легко видеть, что прямой падеж может быть получен простейшим преобразованием из любого косвенного (но не сопровождаемого предлогами), т. е. пространственный уточнитель восходит к пространственному прауточнителю.

В структурном плане в отношении падежа можно сказать следующее. Падежная форма образуется умножением субстантивного семифинитива на пространственный прауточнитель или пространственный уточнитель, являющийся частным случаем пространственного прауточнителя. Пространственный прауточнитель являет собой внешнее пространство, сложенное с субстантивной массой. Субстантивный семифинитив являет собой субстантивную массу, умноженную на внутреннее пространство. Как предписывает идея двухчастности, субстантивные массы могут находиться в четырех состояниях (субъектное местоимение, существительное или любая субстантивированная часть речи, инфинитив или герундий, ничтожная субстантивная единица) а субстантивные семифинитивы – в шести (сильный семифинитив субъектного местоимения, сильный или слабый семифинитив существительного или любой субстантивированной части речи, слабый или сверхслабый семифинитив инфинитива или герундия, сверхслабый семифинитив ничтожной субстантивной единицы) [9]. Легко видеть, что число возможных падежных форм должно быть равным 24. Весьма интересен тот

факт, что в каждой из этих форм существует потенциальная возможность двойного задания пространственных координат – посредством внутреннего пространства семифинитива и внешнего пространства прауточнителя (уточнителя).

Заключение. В настоящем исследовании рассматривается вопрос о теоретически возможном числе падежей в естественном языке. Падеж в своем изначальном понимании – функциональное отклонение формы слова от нормальной, способное передавать дополнительное к исходному значение. Падежные отношения выражаются с помощью аффиксов (окончаний и других падежных показателей), порядка слов, предлогов и послелогов.

Описание категории падежа – одна из ключевых проблем языкознания на протяжении долгого времени ее изучения. Различные подходы к категоризации падежа так и не смогли создать единой системы его понимания, обнаруживая изъяны в признаках и принципах классификации. Это касается как теорий поверхностного (по Хомскому) уровня, исследующих многообразие форм падежа, так и глубинных, отдающих приоритет семантике падежей. Несколько иной взгляд представляют исследования с позиций пограничных наук: логики и математики. Изучение различных научных трудов позволяет заключить, что падеж – это семантико-грамматическая категория, которая с помощью морфологических и синтаксических показателей передает исторически закрепившееся за ней значение.

Во многом проясняет природу и структуру падежа подход, согласно которому предложение строится из двухчастных членов, состоящих из субстантивного или глагольного семифинитива, заключающего основное лексическое значение, и уточнителя (прауточнителя), отвечающего за упорядочение элементов членов предложения и зачастую дополнительное лексическое значение. Именно в воздействии пространственного прауточнителя (уточнителя) на субстантивный семифинитив проявляет себя падеж, и именно в структуре субстантивного члена предложения следует искать основания для формального представления падежной категории. Формула $l + m$ возвращает нас к первоначальному пониманию падежа как некоторого отклонения от идеальной начальной формы: если предположить, что именительный падеж имеет $m = 0$, тогда l будет соответствовать пространственному уточнителю, образующему подлежащее, стоящее в начальной форме; тогда любое иное значение m можно рассматривать как отклонение от прямого падежа.

Потенциальная возможность двойного задания пространственных координат – посредством внутреннего пространства семифинитива и внешнего пространства прауточнителя (уточнителя) – приводит к весьма интересным выводам. Из классической физики известно, что пространство трехмерно, и грамматическое пространство, как внешнее, так и внутреннее, также следует, по всей видимости, полагать трехмерным. Это означает, что четыре состояния субстантивной массы и шесть состояний субстантивных семифинитивов могут быть в каждом из трех измерений. Тем самым, максимально возможное число падежей действительно достигает 216 ($24 \times 9 = 216$). При этом во внешнем пространстве координаты могут задаваться имплицитно или посредством предлогов; во внутреннем пространстве координаты задаются имплицитно. Все 216 падежей могут выражать грамматическое значение, упорядочивая элементы членов предложения. Лексическое значение может быть придано 72 падежам для пояснения грамматического порядка семантическими средствами.

Следует отметить, что Л. Ельмслев вывел число 216 совершенно другим способом, в результате более глубоких рассуждений. В перспективе было бы интересно сопоставить бинарные оппозиции Л. Ельмслева с составляющими субстантивных членов предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004.
2. Зулпукаров К. З. Вопросы интегрально-типологического описания грамматики на уровне категории падежа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Нац. АН Кыргыз. Респ., Ин-т яз. и лит. Бишкек, 1995.
3. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Русский язык, 2001.
4. Решетова Л. В. Категория падежа в языках разных систем. Ташкент: Фан, 1982.
5. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М.: Высш. шк., 1978.
6. Лаврентьев А. М. Категория падежа и лингвистическая типология: на материале русского языка. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001.
7. Бейкер М. К. Атомы языка: грамматика в темном поле сознания / пер. с англ. В. В. Кадина и др.; под ред. О. В. Митрениной, О. А. Митрофановой. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
8. Филмор Ч. Дело о падеже / пер. с англ. Е. Н. Саввиной // Зарубежная лингвистика. Ч. III. М.: Прогресс, 1999. С. 127–258.
9. Степаненко И. С., Шумков А. А. Взаимодействие и организация глагольных и субстантивных членов предложения в германских языках. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012.
10. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
11. Акбулатова А. М. Родительный падеж в структуре предложений современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания, Л., 1984.
12. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 264–389.
13. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II (Ч. 2) / пер. с фр. В. А. Плугяна, М.: Вена: Языки общей культуры, 1998.
14. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. Биробиджан: ТРИВИУМ, 2000. С. 175–203.
15. Шведова Н. Ю. Дихотомия «присловные-неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения // Славянское языкознание. М.: Наука, 1978. С. 450–467.
16. Баева Г. А. Типология падежа и падежного управления в синхронии и диахронии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / СПб гос. ун-т. СПб., 1995.
17. Плющ М. Я. Категория падежа в семантико-синтаксической теории предложения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Киевский ГПИ А. М. Горького. Киев, 1983.
18. Roberts I. G. Verbs and Diachronic Syntax: A Comparative History of English and French. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993.
19. Чейф У. Л. Значение и структура языка / пер. с англ. Г. С. Щура. М.: УРСС, 2003.
20. Chomsky N. On Nature and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.

Информация об авторах.

Малышева Валерия Николаевна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор семи научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительно-историческое языкознание, германские языки, фоносемантика, общее языкознание.

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук (2009), доцент (2007), заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: грамматика германских языков, общее языкознание, модели языка, переводоведение, теория языковых контактов.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.01.2024; принята после рецензирования 01.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Akhmanova, O.S. (2004), *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms], URSS, Moscow, RUS.
2. Zulpukarov, K.Z. (1995), "On the Issues of the Integral and Typological Grammar Description in Terms of the Case", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, Nats. AN Kyrgyz. Resp., In-t yaz. i lit. Bishkek, KGZ.
3. Vinogradov, V.V. (2001), *Russkii yazyk* [The Russian Language], Russkii yazyk, Moscow, RUS.
4. Reshetova, L.V. (1982), *Kategoriya padezha v yazykakh raznykh sistem* [The Category of Case in the Languages of Different Systems], Fan, Tashkent, USSR.
5. Vinogradov, V.V. (1978), *Istoriya russkikh lingvisticheskikh uchenii* [The History of the Russian Linguistic Schools], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
6. Lavrentiev, A.M. (2001), *Kategoriya padezha i lingvisticheskaya tipologiya: na materiale russkogo yazyka* [The Category of Case and the Linguistic Typology: based on the material of the Russian language], Novosib. gos. un-t, Novosibirsk, RUS.
7. Baker, M.C. (2008), *The Atoms of Language: The Mind's Hidden Rules of Grammar*, Transl. by Kadin, V.V. et al., in Mitrenina, O.V. and Mitrofanova, O. A. (eds.), Izd-vo LKI, Moscow, RUS.
8. Fillmore, Ch. (1999), "The Case for Case", Transl. by Savvina, E.N., *Zarubezhnaya lingvistika* [Foreign Linguistics], part III, Progress, Moscow, RUS, pp. 127–258.
9. Stepanenko, I.S. and Shumkov, A.A. (2012), *Vzaimodeistvie i organizatsiya glagol'nykh i substantivnykh chlenov predlozheniya v germanskikh yazykakh* [Interaction and organization of verbal and substantive parts of sentences in Germanic languages], Izd-vo ETU, SPb., RUS.
10. Jakobson, R.O. (1985), *Izbrannye raboty* [Selected Works], Progress, Moscow, RUS.
11. Akbulatova, A.M. (1984), "Genitive Case in the Sentence Structure of Modern English", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, Leningr. otd-nie In-ta yazykoznaniya, Leningrad, USSR.
12. Hjelmslev, L. (1960), "Prolegomena to a theory of language", *Novoye v lingvistike* [New Issues in Linguistics], iss. 1, Izd-vo inostr. lit-ry, Moscow, USSR, pp. 264–389.
13. Melchuk, I.A. (1998), *Kurs obshchei morfologii* [A Course of General Morphology], Transl. by Plugyan, V.A., vol. II, part 2, Yazyki obshchei kul'tury, Moscow, Vena, RUS.
14. Kurylowicz, E. (2000), "The Problem of Case Classification", *Ocherki po lingvistike* [Essays on Linguistics], TRIVIUM, Birobidzhan, RUS, pp. 175–203.
15. Shvedova, N.Yu. (1978), "Dichotomy "Word-Attached – Non-Word-Attached Cases" in terms of its Relation to the Categories of the Sentence Semantic Structure", *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic Linguistics], Nauka, Moscow, USSR, pp. 450–467.
16. Baeva, G.A. (1995), "Case Typology in Synchrony and Diachrony", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, SPbSU, SPb., RUS.
17. Plyushch, M.Ya. (1983), "The Category of Case in the Semantic and Syntactic Theory of Sentence", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, Kievskii GPI A.M. Gor'kogo, Kiev, USSR.

18. Roberts, I.G. (1993), *Verbs and Diachronic Syntax: A Comparative History of English and French*, Kluwer Academic Publ., Dordrecht, NDL.
19. Chafe, W.L. (2003), *Meaning and the Structure of Language*, Transl. by Shchur, G.S., URS, Moscow, RUS.
20. Chomsky, N. (2005), *On Nature and Language*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

Information about the authors.

Valeria N. Malysheva – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of seven scientific publications. Area of expertise: comparative linguistics, Germanic languages, language iconicity, theoretical linguistics.

Andrey A. Shumkov – Dr. Sci. (Philology, 2009), Docent (2007), Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 100 scientific publications. Area of expertise: grammar of Germanic languages, theoretical linguistics, language models, translation studies, language contacts.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.01.2024; adopted after review 01.02.2024; published online 23.04.2024.*

Оригинальная статья

УДК 811.11

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-103-116>

Репрезентация образа научного руководителя в интернет-мемах

Наталья Валентиновна Степанова¹✉, Мария Сергеевна Сигаева²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

²mssigaeva@etu.ru

Введение. Цель статьи – рассмотреть репрезентацию образа научного руководителя в интернет-мемах, содержащих полимодальную метафору. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом междисциплинарного научного сообщества к изучению интернет-мема как социального, лингвистического, психологического феномена межличностной коммуникации. Научная новизна работы определяется тем, что до настоящего момента не предпринималось попыток исследовать репрезентацию академического сообщества с позиций теории концептуальной метафоры на материале интернет-мемов.

Методология и источники. Методологической базой исследования послужили работы лингвистов-когнитологов Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Р. Докинза, В. Олдрич, Ч. Форсвилля, Б. Дансигер и Л. Ванделанотте. В статье определяются понятия визуальной метафоры и полимодальности, раскрывается роль полимодальной метафоры в интернет-дискурсе, выявляются особенности функционирования полимодальной метафоры. Материалом послужили интернет-мемы, в которых находят воплощение различные аспекты коммуникации в академической среде. В исследовании применяются прагмалингвистический, контекстуальный и семантический анализ, а также метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждение. В работе были отобраны и проанализированы интернет-мемы, содержащие мультимодальную метафору, способствующую актуализации образа научного руководителя и иллюстрирующую отношения между аспирантами и их наставниками. Источниками мемов послужили сообщества “The Struggling Scientists”, “The Meming Phd”, “High impact PhD memes”. Для отбора материала был выполнен поиск, содержащий ключевые слова “scientific supervisor”, “Phd student”, “advisor”. При помощи выборки по ключевым словам было выделено 85 интернет-мемов, в которых обнаружены метафорические переносы указанных образов. На основе полученных данных было предложено 4 метафорических модели, наиболее ярко иллюстрирующих отношения между научным руководителем и студентом.

Заключение. Исследование показало, что полимодальная метафора является неотъемлемой частью современной интернет-коммуникации и представляет собой эффективный способ воздействия на адресата. Изученные метафорические модели отражают наиболее актуальные проблемы академического сообщества. Важной особенностью интернет-мемов является образность и иконичность, достигаемая использованием визуальной метафоры, которая акцентирует персуазивный характер медиа-

© Степанова Н. В., Сигаева М. С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

коммуникации. Метафорический потенциал интернет-мемов как семантико-семиотических единиц интернет-дискурса является перспективным направлением для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: концептуальная метафора, интернет-мем, меметика, визуальная метафора, мультимодальность

Для цитирования: Степанова Н. В., Сигаева М. С. Репрезентация образа научного руководителя в интернет-мемах // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 103–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-103-116.

Original paper

Representation of a Scientific Supervisor in Internet-Memes

Nataliia V. Stepanova¹✉, Maria S. Sigaeva²

^{1, 2}Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

¹✉nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

²mssigaeva@etu.ru

Introduction. The purpose article is to consider the representation of the image of a scientific supervisor based on Internet memes containing a multimodal metaphor. The relevance of the topic is due to the growing interest of the interdisciplinary scientific community in the study of the Internet meme as a social, linguistic, psychological phenomenon of interpersonal communication. The scientific novelty of the work is determined by the fact that until now there have been no attempts to study the representation of the academic community from the perspective of the theory of conceptual metaphor using the material of Internet memes.

Methodology and sources. The methodological basis of the study was the works of linguists and cognitive scientists J. Lakoff, M. Johnson, R. Dawkins, V. Aldrich, Ch. Forsville, B. Dancygier and L. Vandelanotte. The concept of visual metaphor and multimodality is defined, the role of multimodal metaphor in Internet discourse is described, the features of the functioning of multimodal metaphor are revealed. The material for the study was Internet memes representing various aspects of interaction in the academic environment. To systematize the units, a continuous sampling method was used, along with pragmalinguistic, contextual and semantic analysis.

Results and discussion. The Internet memes containing a multimodal metaphor that represents the image of a scientific supervisor and illustrates the relationship between graduate students and their mentors were found and analyzed in the paper. To select the material, a search containing the keywords “scientific supervisor”, “Phd student”, “advisor” was performed. The sources of the memes were the podcasts “The Struggling Scientists”, “The Meming Phd”, “High impact PhD memes”. By selecting keywords, 85 Internet memes were identified in which metaphorical transfers of the above images were found. Based on the data obtained, 4 metaphorical models that most clearly illustrate the relationships between the supervisor and the student were proposed.

Conclusion. The study showed that multimodal metaphor is an integral part of modern Internet communication and is an effective way of influencing the addressee. Internet memes representing the image of a scientific supervisor were analyzed and systematized; 4 metaphorical mappings (“Scientific supervisor is a loving/caring parent”, “Scientific supervisor is a Jedi”, “Scientific supervisor is a monster/maniac”, “Scientific supervisor is a bad boss”) are highlighted and described. It was revealed that the considered Internet

memes are characterized by the replacement of the verbal component with a non-verbal (graphic) one in the target domain or in the source domain. The studied metaphorical models reflect the most pressing problems of the academic community. The expressiveness of the metaphor used is achieved through the use of movie characters in the source domain or target domain. The metaphorical potential of Internet memes as semantic-semiotic units of Internet discourse is undoubtedly a promising area for further study.

Keywords: conceptual metaphor, Internet-meme, memetics, visual metaphor, multimodality

For citation: Stepanova, N.V. and Sigaeva, M.S. (2024), "Representation of a Scientific Supervisor in Internet-Memes", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 103–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-103-116 (Russia).

Введение. Метафора представляет собой актуальную область исследований в лингвистике, философии, психологии, социологии. В 80-х гг. XX в. Дж. Лакофф и М. Джонсон провозгласили, что «большая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична» [1, с. 25]. На сегодняшний день нет сомнений в том, что метафора используется не только как средство художественной изобразительности, но и является эффективным способом репрезентации мысли.

С момента выхода монографии «Метафоры, которыми мы живем» долгое время интерес ученых был сосредоточен главным образом на вербальном выражении когнитивной метафоры, обнаруживаемом в книжном, политическом и медийном дискурсе. Однако значительные изменения в коммуникации, вызванные цифровизацией и, как следствие, сменой парадигмы в межличностном общении, привнесли новые перспективы в использование метафорических переносов. Возможность мгновенной передачи сообщений, осознание ограниченности временного ресурса и возрастающая роль социокультурного контекста расширяют возможности концептуальной метафоры. Интернет-мемы, демотиваторы, стикеры и иные визуально-графические составляющие стали неотъемлемой частью интернет-дискурса, являясь одними из наиболее популярных способов для выражения отношения к происходящему в окружающем мире. Сегодня значительная часть коммуникации в Сети подразумевает обращение к визуальному компоненту.

Термин «мем» впервые был представлен в 1976 г. профессором Р. Докинзом в работе «Эгоистичный ген» и описан как «некая единица, способная передаваться от одного мозга к другому» [2, с. 161]. В процессе наблюдения за воспроизводимостью генетического материала Р. Докинз отметил, что схожее поведение присуще концептам культуры, таким как «мелодии, идеи, модные словечки и выражения» [2, с. 158]. Используя терминологический аппарат биологии, можно утверждать, что мемы, подобно живым организмам, способны изменять свою форму, свободно передаваться и при необходимости быстро адаптироваться к меняющимся условиям. Данный процесс прослеживается в интернет-пространстве в случае с популярными мемами, которые репрезентируют популярное в конкретный момент времени социальное явление, конфликт, происшествие. В условиях глобализации и мгновенного распространения новостей в Сети создание интернет-мема как реакции на событие занимает считанные минуты. Однако правильная интерпретация мема зависит от получения или наличия необходимых фоновых знаний у определенного сообщества. Современные исследования показали, что биологические аналогии лишь частично применимы к интернет-

мему в силу его относительной недолговечности и влияния человеческого фактора [3]. По утверждению Б. Дансигера и Л. Ванделанотте, «интернет-дискурс все более и более широко полагается на артефакты, сочетающие изобразительное и языковое изображения для выражения отношения к точке зрения» [3, p. 565]. «Интернет-мемы, в частности, имеют большой потенциал, с помощью которого можно расширить сферы применения когнитивной лингвистики и строительной грамматики для изучения их конструкционных и мульти-модальных свойств» [3, p. 566]. Проблема взаимоотношений в академической среде в условиях популяризации науки находит яркое выражение в интернет-дискурсе: тематические каналы в социальных сетях, подкасты для ученых (например, “The Struggling Scientists”) содержат обширный материал, отражающий наиболее актуальные вызовы и задачи, его большая часть представлена в виде интернет-мемов.

Методология и источники. Теоретико-методологическая база исследования представлена работами ученых-когнитивистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Ч. Форсвилля, Б. Дансигера и Л. Ванделанотте. В монографии Дж. Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи...» описано разграничение понятий «восприятие», «зрительный, ментальный и конвенциональный образ»: «Важно с самого начала разграничить восприятие и зрительные образы. Восприятие какой-либо картины объективной действительности чрезвычайно богато подробностями; каждая часть поля зрительного восприятия заполнена. Мы можем сконцентрировать наше восприятие на очень маленьких и трудно различимых деталях. Ментальные образы имеют иной характер. Они далеко не так подробны, как то, что находится в поле восприятия, и они не сохраняют полный диапазон воспринимаемых цветов. Не все поле мысленного восприятия является заполненным» [4, с. 574]. Образы, возникающие в человеческом разуме при прочтении или просмотре определенного содержания, часто представляют собой культурно-обусловленную картинку. Дж. Лакофф утверждает, что принадлежность к определенной культуре предполагает обладание обширным запасом конвенциональных богатых образов. В сознании американцев, скорее всего, возникнут образы Мэрилин Монро, Ричарда Никсона, лимузинов «Кадиллак» и статуи Свободы [4, с. 576]. Таким образом, интерпретация визуальной репрезентации тех или иных явлений может иметь разное воплощение, основываясь на разных прецедентных феноменах.

В статье “Image Metaphors” описывается еще один вид метафоры, который переносит условные ментальные образы на другие условные образы посредством их внутренней структуры, – метафоры-образы (Image Metaphors) [5, p. 219]. Работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона в области концептуальной метафоры произвели революцию в когнитивной лингвистике и коренным образом изменили трактовку метафоры. Однако важно отметить, что Дж. Лакофф рассматривает метафорические проекции, представленные исключительно вербальными средствами, не анализируя метафору в визуальных изображениях.

За десятилетие до публикации монографии «Метафоры, которыми мы живем» философ языка В. Олдрич проводит анализ визуальной метафоры, обращаясь к словам П. Пикассо: «Мои скульптуры – это пластические метафоры. Здесь тот же принцип, что и в живописи» [6, p. 75]. Так скульптор и художник объясняет, почему он использует в своих скульптурах такие артефакты, как выброшенные корзины, трубки, вазы, детали велосипедов, вместо того, чтобы лепить свои формы из привычного материала, например гипса. По сути, его точка зрения за-

ключается в том, что метафора в эстетическом восприятии более заметна в композициях, где составляющими являются предметы, каждый из которых имеет независимую идентичность. Например, вместо того, чтобы лепить из гипса форму грудной клетки козла, на место ребер можно поставить плетеную корзину. Плетеная корзина, которую можно рассматривать как грудную клетку, и, наоборот, ребра как плетеная корзина представляют собой сложную метафору с двусторонним движением, согласно В. Олдричу [6, р. 75]. Его идеи не получили поддержки коллег и не были популярны вплоть до наступления новой эры цифровой коммуникации и междисциплинарности. Современные лингвисты, сфера научных интересов которых лежит в области когнитивистики и полимодальности, обращаются к идеям В. Олдрича в попытке переосмыслить роль визуальной метафоры.

Вопрос о ее когнитивной структуре представляется особенно важным с точки зрения лингвистики. Визуальная метафора в искусстве известна с древних времен, так же как метафора в литературе. Однако с развитием когнитивистики в научном сообществе появляются разные точки зрения на когнитивную составляющую визуальной метафоры. Д. Сериг рассматривает два основных подхода к ее определению, подчеркивая, что ответы на этот вопрос в литературе неизбежно плюралистичны и порой противоречивы. «Я представляю две популярные позиции в спектре возможностей: на одном конце спектра философ Вирджил Олдрич рассматривает все искусство как визуальную метафору. С другой стороны, психолог Кэти Дент устанавливает строгие правила относительно того, что представляет собой визуальная (например, изобразительная) метафора. Еще одной отличительной чертой определений визуальной метафоры является фокус восприятия: Олдрич рассматривает как создателя, так и зрителя изображения, в то время как К. Дент фокусируется на интерпретаторе, пытаясь создать изобразительные правила “грамматики” и, следовательно, изоморфизм с лингвистическими понятиями метафоры» [7, р. 232].

Интернет-мем представляет собой логичное продолжение традиции комикса, являющегося хорошим примером объединения графического изображения и текста. В отличие от комикса, мем может существовать и быть верно интерпретирован без текстовой составляющей, при наличии лишь визуального наполнения. Мемы представляют собой главным образом вторичные, т. е. пересмотренные эпизоды из существующих объектов. Клиповое мышление как основная характеристика современного общества является одной из главных причин столь быстрого развития данного феномена. Важным фактором популяризации мема как нового способа коммуникации представляется переход семантических конструкций или семантических шаблонов в семиотическое пространство [8, с. 117]. Б. Дансижер и Л. Ванделанотте подчеркивают, что в зависимости от структуры мема меняется роль вербальной и невербальной составляющих. В мемах вида “said no one ever” изображение – хотя оно и актуально и тесно интегрировано в настройку ментальных пространств мема – находится в меньшем фокусе. В то время как в мемах “when” без изображения просто не было бы мема (и, следовательно, не было бы смысла), а текст мема сам по себе стал бы неполным или даже грамматически неверным. В промежуточных случаях значения мемов с одним и тем же текстом могут быть полностью изменены посредством замены изображения с одного стандартного символа на другой; кроме того, образы выполняют различные существенные роли, не выраженные в языковой форме. Именно эти взаимодействия между языковыми и визуальными формами делают интернет-мемы в определенном смысле мультимодальными [3].

Перед тем как приступить к анализу интернет-мема в контексте мультимодального дискурса необходимо кратко описать существующие подходы к определению мультимодальности. По словам М. В. Загидуллиной, в российской коммуникативистике понятие «мультимодальность» относится к числу недостаточно проясненных терминов: в большинстве работ, где оно встречается, его значение выглядит синонимичным понятиям, выражающим множественность способов передачи сообщения (из которых самый распространенный вариант – «текст + изображение») [9, с. 181]. Несмотря на то, что понятие «мультимодальность» существует в разных науках, таких как философия, психология, медицина, подходы к определению данного концепта разнятся. В отечественной лингвистической традиции вместо термина «мультимодальность» часто используются термины «поликодовость», «полимодальность», «креолизация». Одной из причин, вероятно, является желание разграничить принадлежность термина, с одной стороны, к грамматической, с другой – к семантической категории языка. Ранее мультимодальная коммуникация подразумевала сочетание вербального сообщения с проксемикой и такесикой и являлась предметом конверсационного анализа. Развитие новых каналов коммуникации, таких как мгновенные сообщения, онлайн-чаты, блоги, способствовало появлению новых точек зрения на трактовку мультимодальности, актуализировав представление о мультимодальности как о мультимедийности, «если под “медиумом” понимать изображение, звук, текст» [9, с. 181].

Значительный вклад в описание мультимодальности в целом и визуальной модальности в частности внесли лингвисты Г. Кресс и Т. ван Леувен, по мнению которых все тексты мультимодальны, сообщение выражается не только средствами языка, но и с помощью визуального оформления знаков [10, р. 186]. В работах Г. Кресса и Т. ван Леувена описываются причины и процесс перехода от мономодальной действительности к мультимодальной, наблюдаемый во всех сферах науки и искусства. Мономодальность долгое время предполагала четкое разделение дисциплин, стилей письма. Наиболее ценные жанры письма (литературные романы, научные трактаты, официальные документы и отчеты и т. д.) создавались совершенно без иллюстраций и имели графически однородные, плотные страницы печати. Почти во всех картинах использовалась одна и та же основа (холст) и один и тот же материал (масло), независимо от их стиля и сюжета [11]. Здесь важно отметить, что мысль, выраженная лингвистами в XXI в., пересекается с идеями, выраженными философом языка В. Олдричем в статье, изданной в 1968 г. Пикассо, использовавший в своем творчестве артефакты, не относящиеся к искусству, создал первые прецеденты проявления мультимодальности в искусстве, которые в настоящее время уже не вызовут общественного резонанса. По словам Г. Кресса и Т. ван Леувена, специализированные теоретические дисциплины, цель которых состоит в описании сферы искусства, стали одинаково мономодальными: один язык говорит о языке (лингвистика), другой – об искусстве (история искусств), третий – о музыке (музыковедение) и так далее, каждый со своими методами, своими предположениями, своим техническим словарем, своими сильными сторонами и своими слепыми зонами [11].

Современные средства коммуникации и обмена информацией выдвигают мультимодальность на первое место. Графические изображения, стикеры, иллюстрации становятся привычным явлением не только в межличностном дискурсе, но и на страницах газет, брошюр, выпускаемых государственными учреждениями, и т. д. Согласно Крессу и ван Леуvenu, в эпоху

цифровизации различные модальности технически становятся одинаковыми на определенном уровне представления, человек может выбирать способ выражения (визуальный или вербальный, с помощью музыки или звука). Основной задачей при данном подходе становится утверждение семиотического (а не технического) элемента в интерпретации идеи [11]. Данная мысль может быть проиллюстрирована примерами из пространства медиадискурса: существующие технические средства позволяют создать рекламу, баннер, интернет-мем, совмещающие вербальные и невербальные составляющие, однако положительный результат, т. е. верная интерпретация и получение обратного отклика в форме реакции, на которую рассчитывал создатель вышеуказанной единицы, зависит от верного семиотического истолкования. Знание языка гарантирует верное понимание идеи, поскольку лингвистические конструкции, используемые в средствах массовой коммуникации в персуазивных целях, как правило, рассчитаны на базовую грамотность адресата. При этом отсутствие фоновых знаний или неверное понимание семиотической составляющей, скорее всего, приведет к получению отрицательного опыта при просмотре рекламы, мема и т. д. Так, основной задачей становится разработка и использование единой семиотической системы. Как утверждает Г. Кресс, именно эта задача в конце XX в. вдохновила лингвистов, занимающихся проблемами интерпретации знаков. «Все основные школы семиотики стремились разработать теоретическую основу, применимую ко всем семиотическим модусам: от народного костюма до поэзии, от дорожных знаков до классической музыки, от моды до театра» [11].

Совокупность лингвистического и визуального компонентов в определенном смысле делает интернет-мем мультимодальным [3]. Признавая точку зрения когнитивных лингвистов на то, что мультимодальность включает в себя наряду с языковым каналом жесты, взгляды, мимику, позы и, возможно, другие кинесические/зрительные каналы, Б. Дансигер и Л. Ванделанотте утверждают, что «другая мультимодальность, сфокусированная на изображении и тексте, нуждается в более подробном когнитивном анализе, учитывая повсеместное распространение современных форм общения, содержащих комбинации того и другого» [3, р. 567]. Специфика интернет-мема заключается в том, что, будучи однажды созданным в рамках определенной мультимодальной конструкции (например, мем *said no one ever*), в дальнейшем у него есть возможность положить начало новой лингвистической (мономодальной) конструкции, которая может быть использована в более стандартном контексте, таком как журналистика или реклама [3].

Мультимодальная природа рекламных плакатов, клипов, интернет-мемов представляет собой актуальную область исследований по причине высокой степени персуазивности. Голландский лингвист Ч. Форсвилль одним из первых дал определение мультимодальной метафоре, разделив при этом письменную речь, устную речь, визуальные эффекты, звук, музыку и жесты. Мультимодальную метафору Ч. Форсвилль, как и его коллеги, противопоставляет мономодальной, что подразумевает представление информации в одной модальности. «Становится все более очевидным, что многие метафоры не связаны с одним модусом/модальностью, а опираются на два или более модусов одновременно. Мономодальные метафоры – это метафоры, цель и источник которых представлены исключительно или преимущественно в одном режиме, тогда как мультимодальные метафоры – это метафоры, цель и источник которых представлены исключительно или преимущественно в разных модусах» [12]. Ч. Форсвилль утверждает: «Сходство между целью и источником в мономодальных метафо-

рах обусловлено сходством между ними; это сходство может принимать разные формы. Сходство между целью и источником в мультимодальной метафоре обусловлено сореференцией (например, улыбающийся орангутанг в сопровождении текста “Мона Лиза” на рекламном щите амстердамского зоопарка “Артис” дает понять, что орангутанг – это Мона Лиза)» [12]. Работы Ч. Форсвилля главным образом отражают функционирование мультимодальной метафоры в рекламных плакатах, которые по своей структуре и цели схожи с интернет-мемами.

Опираясь на проведенный обзор наиболее актуальных исследований на тему визуальной и мультимодальной метафоры, рассмотрим репрезентацию образа научного руководителя в интернет-мемах.

Результаты и обсуждение. Исследование интернет-мемов, репрезентирующих академическую среду, позволило отобрать 85 единиц, в которых была обнаружена мультимодальная метафора, демонстрирующая образ научного руководителя, а также отношения между руководителем и студентом (аспирантом). В результате когнитивного анализа были выявлены ключевые денотаты структуры-цели и структуры-источника. Репрезентации образов *phd supervisor*, *phd student*, обнаруженные в рассмотренных интернет-мемах, позволили выделить следующие метафорические проекции.

1. Научный руководитель – это любящий/заботливый родитель (рис. 1).

The advisor that we need

а

Advisor:
"Congrats,
you write
well."

Advisor: "I
expect you
to finish
your ms
soon."

б

Рис. 1. Научный руководитель – это любящий/заботливый родитель
Fig. 1. Scientific supervisor is a loving/caring parent

Данная метафора была использована в интервью газеты The Times, освещающем отношения между аспирантами и их наставниками. “According to one highly experienced supervisor, **good supervision is like good parenting**: you have to be “**tough and clear**”, as well as “**kind and generous**”” [13]. Аспирант ожидает от научного руководителя, как и от хорошего родителя, проявления таких качеств, как строгость в сочетании с ясностью (четким выражением мыслей), доброта и великодушие/щедрость (поддержка и готовность делиться знаниями).

В 10 интернет-мемах была обнаружена лингвистическая или визуальная составляющая (или обе), репрезентирующие данную метафорическую проекцию. На рис. 1, а изображен один из главных героев популярного мультфильма «Губка Боб Квадратные Штаны» (SpongeBob SquarePants) Патрик с камнем Роки (Rocky), которого он считает своим домашним питомцем [14]. Роки должен принять участие в забеге на скорость, но он, очевидно, никуда не двигается, несмотря на поддержку, оказываемую Патриком. Визуальное изображение Роки (структура-источник) является визуальной репрезентацией студента (структура-цель), который не предпринимает никаких действий в научной сфере, однако получает

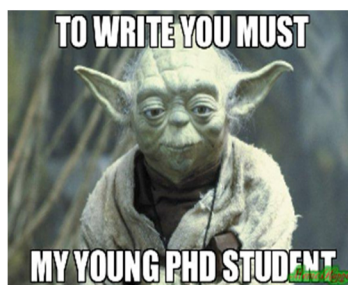
позитивно подкрепленное сообщение от руководителя: *“It’s okay, Rocky. You go when you feel like it”*. Патрик является олицетворением идеального научного руководителя, который выражает заботу и поддержку. Визуальное изображение Патрика сопровождается лингвистической составляющей «Руководитель, который нам нужен» (*“The advisor that we need”*). Таким образом, данный интернет-мем содержит в себе два метафорических переноса. В одном случае структура-источник выражена визуально (Патрик), а структура-цель (*the advisor that we need*) – вербально. Вторая метафора (*Rocky is a student*) представляет собой полностью визуальную метафору, распознавание которой возможно исключительно благодаря наличию вербального определения изображения Патрика, без которого обе метафорические проекции потеряли бы смысл. Важно отметить, что большое количество интернет-мемов, где использованы образы героев данного мультфильма, неслучайно: некоторые исследователи полагают, что каждый персонаж представляет собой метафорическое изображение семи грехов, а сам город на дне океана, где они проживают, – репрезентацию общества [14, р. 23].

Характерной чертой данной группы мемов является визуальная репрезентация научного руководителя в образе требовательного, строгого, иногда усталого человека. Отсутствие в интернет-меме визуальной составляющей образа руководителя в половине единиц компенсируется вербальной составляющей в виде шаблонных вопросов и комментариев, которые студент может услышать от научного руководителя. Например: *“Advisor: You should publish 4 papers by the end of your PhD”*, *“PhD Advisor: You should be writing”*, *“Advisor: Do you know how to do it?”*, *“Advisor: Show me what you’re doing”*, *“Advisor: Congrats, you write well. I expect you to finish your ms soon”*, *“Advisor: Are you working on your manuscript”*, *“Advisor: Have you finished your PhD yet?”* [15*]. Аспирант, наоборот, представлен удивленным, растерянным, грустным героем, таким как Джо из популярного ситкома «Друзья», чей экранный образ имеет характерные выражения лица в неожиданных ситуациях (рис. 1, б).

2. Научный руководитель – джедай (рис. 2).

а

б

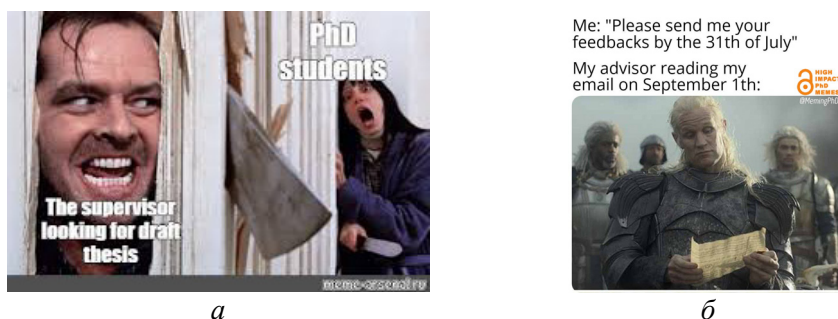
Рис. 2. Научный руководитель – джедай
Fig. 2. Scientific supervisor is a Jedi

Образ джедая, ключевого персонажа саги «Звездные войны», к характерным чертам которого относятся мудрость, справедливость, требовательность, был обнаружен в 5 примерах. В отличие от «родителя», «джедай» сам прошел по сложному пути, выдержав все испытания, лишь после этого он может стать наставником, так же как наставник не может руководить аспирантом, не имея научной степени. Рис. 2, а демонстрирует, что процесс обу-

*Facebook – социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации. Принадлежит экстремистской организации.

чения включает в себя преодоление трудностей, часть из которых может быть создана самим научным руководителем. «Моя задача – учить вас, ваша – учиться. Вот и все» [16]. Для интернет-мемов, в которых обнаружена данная метафорическая проекция, характерно использование образов ключевых героев фильма в наиболее значимых сценах, где визуально прослеживаются их характерные черты. На рис. 2, б научный руководитель (структура-цель) представлен персонажем магистра Йоды (структура-источник), самого мудрого учителя джедаев, с помощью визуальной метафоры. В интернет-меме сохранен инверсионный порядок слов, характерный для речи героя в фильме. В данном интернет-меме присутствует скрытый метафорический перенос: визуальный образ «юного падавана», ученика джедая (структура-источник), соотносится с вербальным планом выражения. В отличие от рассмотренного примера, здесь определить структуру-цель (образ руководителя) представляется возможным благодаря обращению “*my young PhD student*” [15].

3. Научный руководитель – монстр/маньяк (рис. 3).

а
Рис. 3. Научный руководитель – монстр/маньяк
Fig. 3. Scientific supervisor is a monster/maniac

Часть рассмотренных интернет-мемов (26 примеров) демонстрируют сравнение научного руководителя с монстром или злодеем. Образ наставника в подобных примерах представлен легкоузнаваемыми героями из популярных фильмов или изображениями, призванными вызывать страх. На рис. 3, а визуальная метафора демонстрирует руководителя (структура-цель) с помощью образа Джека Торранса (структура-источник) из фильма «Сияние» [15]. Образ аспиранта репрезентируется разными визуальными образами, однако метафорический перенос легко считываем даже при отсутствии вербального указания на структуру-цель: в каждом из подобных примеров изображение структуры-источника представляет собой жертву маньяка в поисках укрытия. Попытка жертвы спастись и спрятаться от злодея является метафорическим переносом, выражающим желание аспиранта избежать включения в новые проекты, необходимости предоставлять результаты научной деятельности, что, согласно указанным примерам, станет неизбежным после встречи с наставником. Маниакальная склонность и желание убивать у кинозлодеев метафорически соотносится с настойчивым желанием научного руководителя начать разработку новой задачи, проверить проект диссертации и т. д.

Не менее страшными представляются поиски научного руководителя для получения консультации или отсутствие ответа от наставника. На рис. 3, б изображен герой сериала «Игра престолов», репрезентирующий образ научного руководителя, читающего 1 сентября послание от аспиранта с запросом ответа до 31 июля. Вербальное выражение “*Me*” имплицитно соотносит структуру-цель студента. “*Me: please, send me your feedbacks by the 31st of July. My advisor, reading my email on September 1st*” [15].

4. Научный руководитель – плохой начальник (рис. 4).

Me, a PhD candidate: "If the proposal I wrote gets accepted, which funding percent will I get?"

Advisor:

а

б

Me: I will finally submit the manuscript
The advisor:

в

Рис. 4. Научный руководитель – плохой начальник
Fig. 4. Scientific supervisor is a bad boss

Более 30 исследуемых мемов демонстрируют метафорическое изображение научного руководителя в образе плохого начальника, чьи характерные черты, основываясь на исследуемом материале, включают в себя: лень (*"Please, read it and send me your revisions – No"*), жадность (*"if the proposal I wrote gets accepted which funding percent will I get? – Zero. Zero's a percent"*), стремление присвоить заслуги аспиранта в случае успеха (*"I will finally submit a manuscript. – You will?"*) и, наоборот, инкриминировать ему вину за неудавшийся проект (*"When your advisor says your project makes no sense. – Hold on, this whole operation was your idea"*). Интернет-мемы, репрезентирующие метафору «научный руководитель – плохой начальник», схожи по структуре и сочетанию вербальных и невербальных элементов с метафорой «научный руководитель – монстр/маньяк». Более чем половина примеров представляют собой изображение двух героев популярных мультфильмов или сериалов (на рис. 4, а – герои сериала «Симпсоны», на рис. 4, б – герои сериала «Рик и Морти»). Необходимо отметить, что даже если бы в данных примерах отсутствовала вербальная составляющая, соотнесение структуры-источника и структуры-цели было бы очевидно благодаря визуальной метафоре. Рис. 4, в может быть успешно использован для репликации интернет-мема с измененным вербальным содержанием благодаря легко интерпретируемой графической составляющей.

Заключение. Проведенный анализ позволил выявить и описать 4 метафорических переноса, иллюстрирующих образы научного руководителя и аспиранта: *"Scientific supervisor is a loving/caring parent"*, *"Scientific supervisor is a Jedi"*, *"Scientific supervisor is a monster/maniac"*, *"Scientific supervisor is a bad boss"*. Несмотря на кажущееся противоречие в формулировках, при более глубоком когнитивном анализе обнаруживается, что данные характеристики могут являться неотъемлемыми частями одной и той же личности, проявляющимися в зависимости от внешних обстоятельств. Интернет-мемы, содержащие мульти-модальную или визуальную метафору, способны репрезентировать рассматриваемые концепты и отношения между участниками коммуникации не менее, а возможно и более эффективно, чем мономодальные метафоры в вербальном дискурсе. Важной особенностью интернет-мемов является образность и иконичность, достигаемая с помощью использования визуальной метафоры, вследствие чего повышается персуазивность медиакommunikации. Отличительная черта полимодальной метафоры в медиадискурсе – возможность передать несколько метафорических переносов в рамках одного интернет-мема, что превращает

мом в эффективное средство воздействия на адресата. Дальнейшее изучение полимодальной метафоры в интернет-мемах, несомненно, будет способствовать расширению понимания данного явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: CORPUS, 2013.
3. Dancygier B., Vandelandotte L. Internet memes as multimodal constructions // *Cognitive Linguistics*. 2017. Vol. 28, no. 3. P. 565–598. DOI: <https://doi.org/10.1515/cog-2017-0075>.
4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Lakoff G. Image Metaphors // *Metaphor and Symbolic activity*. 1987. Vol. 2, iss. 3. P. 219–222.
6. Aldrich V. C. Visual Metaphor // *J. of Aesthetic Education*. 1968. Vol. 2, no. 1. P. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.2307/3331241>.
7. Serig D. A Conceptual Structure of Visual Metaphor // *Studies in Art Education*. 2006. Vol. 47, no. 3. P. 229–247. DOI: 10.1080/00393541.2006.11650084.
8. Сигаева М. С. Концептуальная метафора в Интернет-мемах о науке // Актуальные проблемы языкознания: материалы XII межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. уч., СПб., 17–18 апр. 2023 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Санкт-Петербург, 2023. С. 115–121.
9. Загидуллина М. В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2019. № 1 (31). С. 181–188.
10. Kress G., van Leeuwen T. *The Front Pages: (The Critical) Analysis of Newspaper Layout* // *Approaches to Media Discourse* / ed. by A. Bell, P. Garret. Oxford: Blackwell, 1998. P. 186–219.
11. Kress and van Leeuwen on Multimodality // *New Learning Online*. URL: <https://newlearningonline.com/literacies/chapter-8/kress-and-van-leeuwen-on-multimodality> (дата обращения: 24.12.2023).
12. Forceville Ch. *A Course in Pictorial and Multimodal Metaphor*. 2013. // *ResearchGate*. URL: https://www.researchgate.net/publication/228992597_A_course_in_pictorial_and_multimodal_metaphor (дата обращения: 25.10.2023).
13. Parkins D. Me and my PhD supervisor: tales of love and loathing // *Times Higher Education*. 27.03.2014. URL: <https://www.timeshighereducation.com/features/me-and-my-phd-supervisor-theses-of-love-and-loathing/2012205.article> (дата обращения: 24.12.2023).
14. Tarr B. A., Brown T. J. Of Theory and Praxis: *SpongeBob SquarePants* and Contemporary Constructions of the American Dream // *American International J. of Contemporary Research*. 2013. Vol. 3, no. 11. P. 20–29.
15. High impact PhD memes // *Facebook*. URL: <https://www.facebook.com/MemingPhD?mibextid=LQQJ4d> (дата обращения: 24.12.2023).
16. Star Wars: Jedi Knight: Jedi Academy // *Fandom*. URL: https://starwars.fandom.com/wiki/Star_Wars:_Jedi_Knight:_Jedi_Academy (дата обращения: 24.12.2023).

Информация об авторах.

Степанова Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

Сигаева Мария Сергеевна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 7 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивные направления в лингвистике.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.01.2024; принята после рецензирования 01.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Lakoff, G. and Johnson, M. (2024), *Metaphors We live by*, Transl. by Baranov, A.N. and Morozova, A.V., Editorial URSS, Moscow, RUS.
2. Dawkins, R. (2013), *The selfish gene*, Transl. by Fomina, N., AST, CORPUS, Moscow, RUS.
3. Dancygier, B. and Vandelandotte, L. (2017), "Internet memes as multimodal constructions", *Cognitive Linguistics*, vol. 28, no. 3, pp. 565–598. DOI: <https://doi.org/10.1515/cog-2017-0075>.
4. Lakoff, G. (2004), *Women, fire, and dangerous things. What Categories Reveal about the Mind*, Transl. by Shatunovskii, I.B., Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
5. Lakoff, G. (1987), "Image Metaphors", *Metaphor and Symbolic activity*, vol. 2, iss. 3, pp. 219–222.
6. Aldrich, V.C. (1968), "Visual Metaphor", *J. of Aesthetic Education*, vol. 2, no. 1, pp. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.2307/3331241>.
7. Serig, D. (2006), "A Conceptual Structure of Visual Metaphor", *Studies in Art Education*, vol. 47, no. 3, pp. 229–247. DOI: 10.1080/00393541.2006.11650084.
8. Sigaeva, M.S. (2023), "Conceptual metaphor in Internet memes about science", *Aktual'nye problemy yazykoznaniya* [Current Problems of Linguistics], SPb., RUS, April 17–18, 2023, pp. 115–121.
9. Zagidullina, M.V. (2019), "Multimodality: to the question of terminological definition", *Sign: problem field in mediaeducation*, no. 1 (31), pp. 181–188.
10. Kress, G. and van Leeuwen, T. (1998), "The Front Pages: (The Critical) Analysis of Newspaper Layout", *Approaches to Media Discourse*, Bell, A. and Garret, P. (eds.), Blackwell, Oxford, UK, pp. 186–219.
11. "Kress and van Leeuwen on Multimodality", *New Learning Online*, available at: <https://newlearningonline.com/literacies/chapter-8/kress-and-van-leeuwen-on-multimodality> (accessed 24.12.2023).
12. Forceville, Ch. (2013), "A Course in Pictorial and Multimodal Metaphor", *ResearchGate*, available at: https://www.researchgate.net/publication/228992597_A_course_in_pictorial_and_multimodal_metaphor (accessed 25.10.2023).
13. Parkins, D. (2014), "Me and my PhD supervisor: tales of love and loathing", *Times Higher Education*, 27.03.2014, available at: <https://www.timeshighereducation.com/features/me-and-my-phd-supervisor-tales-of-love-and-loathing/2012205.article> (accessed 24.12.2023).
14. Tarr, B.A. and Brown, T.J. (2013), "Of Theory and Praxis: *SpongeBob SquarePants* and Contemporary Constructions of the American Dream", *American International J. of Contemporary Research*, vol. 3, no. 11, pp. 20–29.
15. "High impact PhD memes", *Facebook*, available at: <https://www.facebook.com/MemingPhD?mibextid=LQQJ4d> (accessed 24.12.2023).
16. "Star Wars: Jedi Knight: Jedi Academy", *Fandom*, available at: https://starwars.fandom.com/ru/wiki/Star_Wars:_Jedi_Knight:_Jedi_Academy (accessed 24.12.2023).

Information about the authors.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of

expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

Maria S. Sigaeva – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 7 scientific publications. Area of expertise: cognitive and discursive directions in linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.01.2024; adopted after review 01.02.2024; published online 23.04.2024.*

Оригинальная статья
УДК 821.111-32(415)
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-117-130>

Модификация мифологических архетипов «отец» и «сын» в романе Джойса «Улисс»

Надежда Анатольевна Карлик

*Димитровградский инженерно-технологический институт НИЯУ МИФИ, Димитровград, Россия,
nakarlik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3525-548X>*

Введение. Статья посвящена анализу модификаций мифологических и христианских архетипов в творчестве Джеймса Джойса. В качестве объекта исследования был выбран роман «Улисс», в котором предметом изучения стали персонажи, играющие семейные роли – «сына» и «отца». Эти роли рассматриваются через призму модификаций одного библейского сюжета, значимого для писателя, – истории о блудном сыне. Целью анализа было показать, какой вектор и почему был выбран автором для развития данной архетипической темы в «Улиссе». В качестве главной роли, которая была выведена на семейную арену в соответствии с новым прочтением притчи, была обозначена и проанализирована роль «блудного отца».

Методология и источники. Текстовый анализ в статье выполнен в традициях постструктурализма: были привлечены дополнительные интертексты, позволившие семейные взаимоотношения героев романа дополнить новыми смыслами. Интерес к семейным связям проанализирован с точки зрения его обусловленности атмосферой работы над романом и биографическими моментами.

Результаты и обсуждение. В статье на примере модернизации в романе семейных архетипов показано, каким образом Джойс обращался с образцами: для его мифотворчества было характерно брать из первоисточников только то, что подходило для конкретных целей. Будь то история Одиссея или притча о блудном сыне, он обращался с архетипическим текстом достаточно свободно, используя его как определенный систематизирующий механизм, позволяющий вывести современность с ее злободневными проблемами на более универсальный уровень.

Заключение. В статье последовательно рассмотрены канонические архетипические роли, а также все возможные варианты прочтения текста первоисточника, заданные как личными авторскими переживаниями, т. е. биографически, так и культурно-историческим контекстом, способствующим перемещениям периферийных составляющих притчи на передовые доминантные позиции.

Ключевые слова: интертекстуальность, роман, мифологические архетипы, притча о блудном сыне, интертекст, Джеймс Джойс

Для цитирования: Карлик Н. А. Модификация мифологических архетипов «отец» и «сын» в романе Джойса «Улисс» // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 117–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-117-130.

Original paper

The Modification of Mythological Archetypes “son” and “father” in Joyce's Novel “Ulysses”

Nadezhda A. Karlik

*Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute
of the National Research Nuclear University MEPhI, Dimitrovgrad, Russia,
nakarlik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3525-548X>*

Introduction. This article delves into the analysis of modifications of mythological and Christian archetypes in Joyce's work, particularly focusing on the novel “Ulysses” and examining characters playing familial roles of “son” and “father”. The interest in family ties is explored considering the atmosphere of creating the novel and biographical aspects. Family roles are viewed through the modifications of a significant biblical narrative for the author – the story of the prodigal son. The goal of the analysis was to showcase which vector the author chose and why to develop this archetypal theme in “Ulysses”. The main role, adapted to the familial setting through a new interpretation of the parable, was identified and analyzed as the role of the “prodigal father”.

Methodology and sources. The textual analysis in the article was conducted in the traditions of post-structuralism: additional intertexts were used to augment the familial relationships of the novel's characters with new meanings.

Results and discussion. Through the modernization of familial archetypes in the novel, this article demonstrates how Joyce, as a representative of world literature, treated these templates. His myth-making involved selectively drawing from source materials that suited his specific purposes, whether it was the story of Odysseus or the parable of the prodigal son. He approached the archetypal text liberally, using it as a systematizing mechanism to elevate contemporary issues to a more universal level.

Conclusion. The article sequentially examines canonical archetypal roles and various possible readings of the source text, influenced by the author's personal experiences (biographical) as well as the cultural-historical context, shifting peripheral components of the parable to dominant positions.

Keywords: intertextuality, novel, mythological archetype, Parable of the Prodigal Son, Intertext, James Joyce

For citation: Karlik, N.A. (2024), “The Modification of Mythological Archetypes “son” and “father” in Joyce's Novel “Ulysses””, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 117–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-117-130 (Russia).

Введение.

Миф как средство интерпретации смысловых романских доминант.

Когда Джойс писал роман «Улисс» [1, 2] старые ценности потеряли вес, а новая система ценностей еще не была сформирована. В этом безвременье главный интерес для него представлял человек, которому предстояло найти себя, определить свое место в изменяющемся мире.

Писатель отразил в своем творчестве поиск нового этического основания, на котором можно воссоздать рассыпавшуюся на отдельные фрагменты картину мира. Этим объясняется его интерес к семье и сохранившимся хрупким семейным связям, на котором строится

повествование его произведения. Человек, играющий разные роли на семейной сцене, – вот персонаж, который занимает главное место в романе «Улисс».

Целью статьи является анализ коннотативных символических значений, представленных в романе семейных ролей, а именно роли «отца» и роли «сына». Чтобы рассмотреть эти традиционные семейные роли в новом культурно-историческом контексте, в котором они даны в романе, необходимы интерпретирующие механизмы, связанные с характером их бытования, переживанием их героями и авторской оценкой этих переживаний.

В тех случаях, когда романский текст демонстрирует большое количество инородных включений, можно говорить о том, что интертекстуальность является одной из важнейших стратегий текстопорождения, применяемых данным автором [3]. Джойс в «Улиссе» использует, начиная с заглавия, интекст-цитатные имена, а также вводит в зону прецедентности цитаты, аллюзии и реминисценции прежде всего из мифов и библейских текстов.

Если рассматривать данный феномен в рамках лингвокультурных типажей, то аллюзии, которые связаны с гомеровским эпосом, при всей их универсальности, оказываются соотносены с образом Греции, т. е. конкретной культуры. В настоящий момент в исследовательской практике принято отделять такие ментальные образования, представляющие разные концепты, сложившиеся у читателей в отношении лингвокультурных типажей разных стран, к которым может быть отнесен и греческий Улисс, от тех, которые не имеют такой четкой имагологической привязки [4]. Архетипы библейских текстов относятся именно ко второму типу ментальных образований, что помогает читателям, независимо от культурной принадлежности, использовать при текстопорождении близкие интерпретирующие модели.

Методология и источники. В качестве интерпретирующих моделей исследования романного текста могут быть использованы архетипы мифов, позволяющие вскрыть символический смысл взаимоотношений между персонажами.

Главным мифом, на архетипы которого ориентируется Джойс, является гомеровский эпос, посвященный странствиям Одиссея. Помимо него в авторскую индивидуальную интертекстуальную энциклопедию (термин из классификации Г. В. Денисовой) [5, с. 248] входят и другие классические тексты мировой литературы, а также библейские источники и тексты, значимые только для авторской картины мира.

Результаты и обсуждение.

Притча о блудном сыне как интерпретирующая модель.

Чтобы упорядочить текстовую множественность и дифференцировать возможные культурные смыслы «семейного поля», в рамках статьи ограничимся использованием одного тома этой энциклопедии, ставшей важной интерпретирующей моделью, – библейской притчи о блудном сыне.

Выход за явное значений романа Джойса, предпринимаемый в традициях постструктурализма, позволяет, не ограничиваясь анализом произведения, провести его текстовый анализ. В рамках этого анализа притча о блудном сыне будет тем «гено-текстом», который расширяет культурные границы «фено-текста», обогащая его дополнительными смыслами. Если использовать терминологию Ю. Кристевой, такой анализ можно назвать интертекстуальным, так как семейные взаимоотношения героев романа интерпретируются через универсальные семейные роли, созданные в мифологическом пространстве.

Таким образом, библейская история становится не просто источником, расширяющим предметный план произведения, а неким символическим кодом, расшифровав который читатель выходит на новый уровень понимания авторского замысла. Такое разграничение символических значений семейных образов от предметных происходит на основе использования методологической базы, разработанной Р. Бартом [6] и Ю. Кристевой [7].

Сюжет о блудном сыне является частью Евангелия от Луки. С момента, когда этот текст стал достоянием клерикальной культуры, данный сюжет получил множество новых оболочек: в одних произведениях он оказался представлен только на уровне мотива, в других – на уровне отдельных элементов первоначального библейского повествования. Как и другие архетипические сюжеты, притча о блудном сыне стала кодом, позволяющим в героях нового времени увидеть связь с универсальным и общечеловеческим. Обобщенное понимание архетипа позволяет говорить о частичной трансформации этой притчи через использование некоторых ее составляющих в рассматриваемых текстах. Это созвучно тому, что пишет А. Х. Гольденберг: «В работах современных исследователей существенно расширена сочетаемость других литературоведческих категорий с термином “архетип”: это синоним мифологемы, архетипическая модель, черта, формула, матрица, образ, символ, сюжет, герой» [8, с. 7].

Сюжетный архетип, к которому восходит у Джойса семантическое поле семейных взаимоотношений, представлен как интертекст устойчивым количеством действующих лиц, ролевая принадлежность которых, как в аллегорическом, так и в буквальном плане, достаточно прозрачна.

В притче три действующих лица относятся к главным – Отец и сыновья. Статус авторитета как владельца имущества и главной этической инстанции отдана Отцу. Сыновья, безотносительно от их выбора пути, полностью зависимы от Отца: он и делит имущество, и решает, казнить или помиловать. С точки зрения развития Отец, как и старший брат, статичны: первый задан идеей милосердия, второй проявляет себя только в зависти. В развитии дан лишь образ младшего брата: благодаря опыту распутной жизни, греха, он узнает и что такое раскаяние. И именно его путь заканчивается возвращением, покаянием, искуплением греха, соответственно, его грех и становится маркером этой истории. Канонический текст притчи в этом наборе действующих лиц и смыслов завершен: аллегорический план священного события представляет раскаявшегося Грешника, который оказывается прощен Богом. Тем не менее библейский миф имеет потенциал к дальнейшему развитию.

Трансформация библейского сюжета о блудном сыне у Джойса.

Евангельский сюжет о блудном сыне является основой для рассмотрения текста в плане присутствия в нем героев, наделенных синонимичной символической ролью и связанных друг с другом идентичными отношениями. Именно в этом качестве можно воспринимать его как универсальную мифологическую модель, в которой заложены смыслы, присутствуют герои, заявлены отношения, имеющие потенциал развития. История о блудном сыне имеет в основе ту ситуацию конфликтности на уровне фабулы, которая для Джойса оказалась адекватной тем художественным задачам, которые в рамках романного пространства он собирался решить. В том сложном по построению тексте, которым является «Улисс», притча о блудном сыне становится одним из инвариантов, запускающих движение модификаций главных героев в поле семейных ролей.

С целью выявления в романе явных и тайных смыслов, заданных притчей о блудном сыне, рассмотрим поведенческий канон библейского сюжета в вариациях, которые он получает в системе нового временного и культурного контекста при сохранении заявленных архетипом ролей и при их смене.

Сразу отметим, что притча о блудном сыне дает при анализе текста перспективу как минимум двух вариаций на заявленную тему. Первая вариация связана с реализацией модели поведения в ситуации смены ролей: мотив «отец – сын» сохраняется как ведущий при передаче роли скитальца от сына к отцу. Вторая вариация выводит на анализ архетипической ситуации «блуда» с учетом включения в нее новой романной роли – жены (жен), подразумеваемой, но не вербализованной в притче. В данной статье остановимся на трансформации канонической христианской притчи о блудном сыне через появление на романной сцене блудного отца.

В романе «Улисс» с блудным сыном прежде всего может быть соотнесен Стивен Дедал. Образ отца, если использовать образную систему мифологического источника, актуализируется у Стивена через образ старшего брата из притчи, т. е. через тот же мотив зависти, через который он дан в библейской истории: «И он мужчина: его восход – это закат отца, его молодость – отцу на зависть, его друг – враг отца» [1, с. 292].

Моделирующую функцию мотива зависти у Джойса во многом выполняет автобиографический контекст: мотив «дальней стороны» из притчи развивается с учетом авторского опыта отъезда из Ирландии и его страха вернуться обратно. Джойс через смысловой ряд притчи интерпретирует не только свой свободный выбор в пользу отъезда из Ирландии, но и причины своего невозвращения из «дальней стороны». Из истории встречи старшим братом младшего у него вырастает негативная оценочная характеристика Ирландии. Тема «злой» родины в образе тех, кто встретит – в случае возвращения, прописывается им и в реакции на возвращение из Парижа Стивена Дедала.

Многие современники не понимали сложных взаимоотношений Джойса с Ирландией, куда, казалось бы, у него не было веских причин не возвращаться. А. Кубатиев приводит ответ Джойса на недоуменную реакцию Этторе Шмица, посмотревшего его пьесу «Изгнанники», предшествующую появлению «Улисса», и не понявшего, в чем собственно изгнание, если «люди вернулись на родную землю»: «Но разве вы не помните, как встретил в отцовском доме блудного сына родной брат? Опасно покидать свою страну, и еще опаснее туда возвращаться, к своим соплеменникам, которые при возможности вгонят вам нож в сердце...» [9, с. 190]. Снимая аллегорический смысл библейской истории встречи человека и Бога, Джойс проецирует ее на собственную жизнь. В первом его романе «Портрет художника в юности» показано, как формируется картина мира автобиографического героя, для которой характерно ощущение родного дома как чужеродного пространства. Ситуация «возвращения» была отрететирована в эпизоде приезда Клонгоуз из колледжа на каникулы в Блэкрок. Тогда совсем еще юный Стивен атмосферу родного дома «распространял» на весь родной городок, создавая ощущение «домашности» всего окружающего пространства, а покинутое им учебное заведение представлялось чужбиной, той самой враждебной «дальней стороной», где герой чувствовал себя одиноким, маленьким и слабым. Но, как показано в работе Н. П. Жилиной и Т. Жилиной-Элс, в ходе эволюции картины мира героя Блэкрок стал

неким потерянным раем, а родной дом в Дублине не стал защитой и берегом, к которому хочется возвращаться. И, опираясь на текст из романа – «На небо дорога меня ведет», исследователи делают вывод, что тема возвращения домой, в семью реализуется в ходе повествования как поиск Стивеном дороги в рай [10, с. 372].

В «Улиссе» библейская притча трансформируется в историю о том, как в современном мире происходит разрыв связей между людьми, потеря близости, даже семейной. Стивена Дедала не ждет при возвращении из «веселого Парижа» отец, а если и ждет, то только как источник дополнительных средств, чтобы кормить младших детей. Даже в тот момент, когда голос отца звучит с «неожиданной теплотой», а взгляд «желает добра», Стивен видит в этом возможность встречи, так как считает, что отец к нему равнодушен, его раздражает, что тот проявляет благие намерения, «не зная» его. Такое изображение у Стивена диалектики семейной мысли, меняющейся от детской сентиментальности к отрицанию, можно связать с влиянием на Джойса Толстого, которое отметил и детально проанализировал С. А. Шульц [11, с. 22–26].

Исследователи, обращая внимание на то, что традиционные роли не исполняются в мире, который создает Джойс, видят в этом сознательную установку на «неузнавание» знакомого. Китайский лингвист К. Ву, рассматривая творчество Джойса через призму теории «остранения», называет «лексической девиацией» характер описания Джойсом мира, при котором и вещи, и люди оказываются представленными вне сложившихся стереотипов, как будто впервые увиденными [12].

В образе старшего Дедала нет ничего от библейского Отца с его вселенским милосердием и чадолубием. Поэтому его сын, вернувшись на родную землю, сохраняет на себе все три характеристики «блудного сына»: физическое возвращение не оказывается равно метафорическому – блуждать (странствовать по Дублину), заблуждаться (ошибаться в окружающих людях) и проявлять некоторую блудливость (склонность к совершению греха). При этом во всех эпизодах он остается прежде всего в роли сына – или по крови, или по духу. Идея возвращения к отцу благодаря привлечению автором гомеровского интертекста трансформируется в идею поиска отца: Стивен в роли Телемаха ищет в ходе повествования своего отца – Одиссея, которого он находит в Блуме.

Библейский сюжет имеет в основе типологически заданную ситуацию «перемену мест». В «Улиссе» структурный элемент, на котором строится поэма Гомера, дан в виде сюжетной модификации путешествия, превращающегося из глобального в локальное. Архетип «перемена мест» притчи, продублированный в построении мифа, сохраняет свое функциональное значение, маркируя при этом не только сына – в романе Стивена Дедала, но и отца, в роли которой выступает Блум. Обратим внимание на то, что, в отличие от библейского сюжета, в романе Отец уже не статичен, ему тоже передана динамическая функция: реализация архетипа «перемена мест» в нарративных структурных элементах романа происходит при включении всех главных мужских героев. Функция ожидания могла бы быть закреплена за Телемахом, но он не ждет отца, а отправляется его искать. При этом и Отец – Одиссей (Блум в романе) на протяжении всего повествования находится в Пути.

Если два мифологических архетипа ориентируют Стивена на финальное возвращение в отчий дом, а Блум этот отчий дом ему действительно предлагает, Молли, которая идет в комплекте с этим домом, по сути, уравнивает его с чужбиной. Блум, совершая метафорическое

самоубийство (здесь он выступает Лаем, которого надо убить), добровольно уступает Молли-Иокасту обретенному Сыну. В таком инварианте странствие идет по кругу: грех на чужбине сменяется не менее греховным существованием в отчем доме. Здесь возможен и вариант Греха, который предполагается в новом видении взаимоотношений полов, рекламируемых новыми людьми в интерпретации Розанова, считавшего теорию Чернышевского «о глупости ревнования своих жен» на самом деле «теорией о полном наслаждении мужа при “дружбах” его жен» [13, с. 160]. Розанов видел в Чернышевском личность «инфантильно-гомосексуального типа» – в его терминологии «урнинга», «человека лунного света», что будет использовано в романе Набокова «Дар», с которым у романа Джойса имеется много общего в плане использования архетипических образов для реализации семейных историй. По мнению Розанова, поведение «людей лунного света», особенности которого демонстрирует Блум, связано с характерным для них желанием мужа «втайне, в воображении» наслаждаться «красотой и всеми формами жениного друга». После всех метаморфоз, в том числе и гендерных, которые демонстрирует Блум в ходе повествования, а также его сверхнежного отношения к Стивену, такой подтекст предложения Блума поселиться в их доме тоже может иметь право на существование. Неслучайно Бык Маллиган, когда видит, как Блум смотрит на Стивена, со свойственной ему грубостью высказывает подозрение о его намерениях.

Современные исследователи также ставят под сомнения гендерную принадлежность Блума к мужскому миру, так как маскулинность в нем проявляет себя в меньшей степени, чем феминность. S. Rooney в лекции, посвященной Джойсу, называет его «интригующе андрогинным персонажем», которого только в начале романа можно было принять за отца-Одиссея. После встречи со Стивеном мужское начало в нем атрофируется. Особенно это хорошо видно в финале шестнадцатой главы, которая завершается изображением Блума и Стивена, рука об руку уходящих вместе – совсем не как отец и сын, а как влюбленные. Сцена дается через призму взгляда таксиста, наблюдающего, как мужчины «идут к железнодорожному мосту, чтобы жениться на отце Махере» [14].

В этом контексте значимо прочтение взаимоотношений Стивена и Блума МакКри, который, не отрицая семейную тему как ведущую и определяя жанр романа как семейный эпос, воспринимал встречу Стивена и Блума как однополый брак [15, р. 80].

Справедливости ради отметим, что в романе, в зависимости от читательского опыта и того контекста, в котором расшифровываются коды Джойса, содержится как возможность для того, чтобы дорастить Блума до библейского персонажа, практически имеющего ореол святости, так и возможность опустить его до уровня грешника. То, что на фонетическом уровне при переводе «prodigal» традиционным «блудный» (а не, например, расточительный или грешный) оказывается созвучно имени «Блум», усиливает связь героя с этой характеристикой: не случайно здесь включается принцип языковой игры, на котором строится весь текст романа и которому автоматически подчиняются переводчики [16, с. 38].

О том, что «Улисс» провоцирует переводчиков на такую изобретательность, пишет и шведский ученый Дж. Тротта [17]. В его понимании в тексте романа есть источник «generative creativity», который заставляет переводчиков продолжать экспериментировать с формальными элементами. Интертекст в данном случае не только дает архетипы грешник–праведник, от которых отталкивается Джойс, но и за счет своего устойчивого названия

(притча о блудном сыне) осуществляет ассоциативное подключение к ней Блума. Повтор на уровне фонетическом – блудный Блум – подчеркивает принцип повторяемости, который для Джойса является основополагающим на уровне всего текста. На это обращал внимание Набоков, который этот принцип взял за основу построения и своих романов. В лекциях, посвященных творчеству Джойса, он отмечал, что «Весь “Улисс” <...> – это обдуманый рисунок повторяющихся тем и синхронизация незначительных событий» [18, с. 372].

В зависимости от выбора исследователем интерпретативных рамок Блум может менять как доминанту в паре греховное – праведное, отец – сын, так и в паре мужское – женское. Интересна в данном плане концепция синтеза всех этих полярных составляющих в Блуме, заявленная в эссе Дэвида Бертолини, который доказывает, что в «Пенелопе» представлен «метемпсихоз» главного героя и его жены, свершившийся после его смерти в главе «Итака». Теперь душа Блума переселилась в тело Молли, и вместе они осуществляют единый поток сознания [19].

При выявлении смыслов, которые закладывал Джойс в эпизоды, связанные с творческим актом, сновидением, галлюцинациями героев, целесообразно учитывать схемы Юнга и Фрейда, используемые автором как некий дополнительный инструмент. Также они могут быть применены для интерпретации авторских интенций и их происхождения. При том, что Джойс нередко иронически отзывался о Фрейде, необходимо учитывать, что все же в большей или меньшей степени он испытал его влияние и пользовался языком психоанализа, особенно при построении мифологизирующих схем.

Биография Джойса, его отношения с матерью, отцом, братом, женой – все это присутствует в романе и определяет психическое состояние двух главных автобиографических героев – Стивена Дедала и Блума. В итоге образ автора как отца-демиурга складывается из отбора биографического материала, выбора мифов, включения лейтмотивов, связанных с личными переживаниями.

Психоаналитическая концепция связывает взрослое поведение мужчины с тем, какие взаимоотношения у него были с биологическими родителями: амбивалентные отношения с Отцом лежат в явлении, которое получило название Эдипов комплекс и которое отражено в соперничестве, возникающем у мальчика в семье по отношению к Отцу и нежности с ее вариациями по отношению к матери [20, с. 608].

В архетипической фигуре милосердного и надежного родителя у Джойса однозначно читается Мать, а не Отец. Причем трансформация роли отца, который у Джойса из мудрого превращается в блудного, сдвигает и другие гендерные ориентиры. Если Стивен свою обиду на отца выражает в рассуждении, что отец – это вообще достаточно формальный показатель для человека – «одна юридическая фикция» [21, с. 291] – гораздо важнее для него мать и наставник, учитель, который может взять эту функцию, не имея биологического родства, то Блум, который является сыном самоубийцы, частично связь мать–ребенок переносит на свои супружеские отношения.

Так же, как ребенок готов простить родителям все, Блум, несмотря на неверность Молли, испытывает к ней чуть ли не сыновью нежность. Джойс Блуму передает свое отношение к браку: в своих письмах к жене он говорит о том, что видит в их отношениях связь матери и ребенка, так как отношения любовников кажутся ему слишком эгоистичными [9, с. 191]. В «Улиссе» в уста Стивена он вкладывает разделяемое им предположение о суще-

ствовании только одного вечного образа любви: «Возможно, что *amor matris*, родительный субъекта и объекта, – это единственно подлинное в мире» [21, с. 291].

Для Блума, который чувствовал себя слабым и беззащитным во многих ситуациях, Молли воплощала в себе не только Мать, но и Отца. Мотив слабого среди сильных – это мотив ребенка, который нуждается в защите, поддержке, заботе. Осознавая в себе неспособность быть мужчиной в гендерном плане – быть сильным и независимым, он перекладывает в конце романа эту роль на Молли, требуя себе завтрак в постель.

Если для Стивена переживания, связанные с матерью, стали ключевыми, определяющими в ходе повествования движение его мыслей, как бы он этого не хотел, то у Блума с таким же постоянством проходит воспоминание о его умершем сыне, который в итоге тоже начинает ему мерещиться на темной улице Дублина. Именно смерть Руди лишила Блума, по его ощущениям, его мужского статуса. Оставаясь отцом умершего младенца, он растит его в своем сознании.

Если архетип показывает идеальный вариант родительски-детских отношений, в которых Отец силен именно тем, что не опускается до наказания и дидактики, на грешной земле Дублина для героев более реальными, чем их близкие, оказываются призраки. Что такое быть сыном без матери, отцом – без сына и ирландцем – без Ирландии – вот круг вопросов, который Джойс воспринимал в контексте библейской истории и с сохранением библейских ролей и реалий, включающих родную землю и чужбину. Это прочтение истории блудного сына показало, что для Джойса, действительно, не является абсурдом то, что отсутствие есть лучшая форма присутствия. Если Сын только после того, как стал блудным, смог оценить любовь Отца и степень его заботы, и Блум, и Стивен только через потерю смогли понять значимость для них тех, кого уже не стало. Помимо этого, Блум и Стивен связаны и через тему старшего брата: они оба оказываются преданы близкими. Зависть и предательство, как уже было отмечено, для Джойса звенья одной цепи, последняя из которых являлась для него источником достаточно сладкого наслаждения собственным мученичеством. Оба его героя это свойство также демонстрируют.

В инварианте присутствует идея отрицания авторитета и поиска самостоятельности. С точки зрения психоаналитической интерпретационной модели начало отрицания авторитета заложено в отрицании фигуры Отца в целом. В романе показано два варианта отцовско-сыновних отношений, которые могут усугубить данное природой стремление к отрицанию: отец, отвергаемый сыном в качестве реакции на травмирующие психику сына обстоятельства (отец – гуляка, отец – аморальный тип, отец – самоубийца); отторжение идеального отца, в тени которого сын чувствует свою ущербность.

В притче мы видим заявку на второй вариант развития событий, когда сын в ответ на безграничное милосердие дает богоборческий протест как реакцию на незаслуженные блага человека, не ощущающего себя достойным как самих благ, так и в целом прощения.

Таким образом, на уровне сюжета романа библейские взаимоотношения Отца и Сына осложнены привнесением в них автобиографической истории Джойса и переакцентировкой через нее их первоначального функционала. Четыре фактора приводят у Джойса к трансформации библейской притчи. Во-первых, то, что по сюжету каждый из главных героев имел своего биографического Отца, взаимоотношения с которым определили то, какой для них стала эта

роль. Во-вторых, внутренняя предрасположенность к исполнению роли в паре «отец» – «сын» не приводила к ее реализации, так как не подкреплялась готовностью выполнять партию «вторым игроком», чье поведение было задано каноном. Так, у Блума, который обладает всеми библейскими чертами Отца – готов заботиться, прощать, давать, а также необходимым опытом и мудростью, чтобы вести за собой Сына, родной сын Руди умер. Связь с ним сохраняется, но в мыслях, в видениях он постоянно находится на месте Сына, а не Отца. То есть это место не вакантно, что отчасти определяет, почему при всем желании Блум не может получить себе Стивена в этом качестве. В-третьих, у Стивена тоже есть свой Отец, который жив, здоров и даже присутствует в качестве персонажа в романе. Отношения с ним не завершены, обиды сохраняются, что тоже объясняет, почему в Блуме он не может найти нового Отца. В-четвертых, каноническая пара Отец – Сын имеет не только двойников в библейской притче и гомеровском мифе, но и в европейской классике: чтобы обосновать свою концепцию, Стивен привлекает историю Шекспира. Хотя он утверждает, что не верит в свою версию, она все равно влияет на то, как он думает о своем Отце, чего ожидает от друзей-братьев.

Современный американский исследователь творчества Джойса Тед Моррисси считает, что в каталоге нарративных техник «вводная история» является у Джойса одной из самых распространенных, и именно она маркирует интертекстуальность – привлечение к истории героев ассоциативных текстов на тему. В данном случае, по мнению Т. Моррисси, таким образом активизируется как раз «мысль семейная» – «the use of Hamlet as a well known literary figure (perhaps the best known literary figure) to amplify the novel's own concerns about parent child relationships» («использование Гамлета как известного литературного героя (возможно, самого известного литературного героя, для привлечения внимания к одной из значимых тем взаимоотношений между родителями и детьми)» – *перевод автора*) [22]. Интересно, что Моррисси, обучая на этом примере будущих писателей, делает акцент на разные виды интертекстуальности: интертекстуальная «Одиссея» у него имеет функционал структурного аппарата, на аксиологическом же уровне выступают тексты Шекспира [22]. Притча о блудном сыне в этой логике определения ценностных доминант романа, на наш взгляд, тоже может быть названа.

Если Моррисси, как и большинство формалистов, акцент в своих работах делает на техники, приемы, моменты, организующие здание романа, в плане содержательного анализа семейных архетипов более важным оказывается взгляд Лукача. В отличие от тех, кто в Джойсе видел прежде всего стилиста-экспериментатора, виртуозно владеющего техникой текстопорождения, он утверждал, что в модернистском произведении следует учитывать не его форму.

«Critics should rather focus on “the view of the world, the ideology or weltanschauung” of modernism propagating the fragmentation of the subject, angst, despair, and alienation as an eternal human condition» («Критикам следует сосредоточить внимание на системе взглядов, идеологии, мировоззрении модернизма, провозглашающем фрагментацию субъекта. Тоска, отчаяние, отчуждение как вечное состояние человека» – *перевод автора*) [23, р. 19]. Повествовательная техника при таком понимании отражает представление Джойса о человеке, который постоянно рассыпается и воссоздается заново, в новой своей версии, как в истории о переселении душ, являясь читателю то Отцом, то Сыном, то совмещая в себе черты обоих ролей.

В семантическом поле взаимоотношений «отец» – «сын» в романе Джойса присутствует еще один мотив, заимствованный из притчи. Он связан с теми моментами в развитии

действия, когда герои оказываются в силу разных причин «безотцовщиной». В романе дублируется значимая ситуация отсутствия Отца в самые сложные моменты жизни героев. Когда отца нет рядом, сын становится слабым и уязвимым. В результате грехопадения, вдали от Отца, сын приобретает этот устойчивый эпитет – блудный. Рядом нет того, кто может направить, удержать от неправомерных поступков. Альтернативный вариант, когда Отец рядом, Джойс разыгрывает в «Цирцее». Почувствовав опасность для Стивена в вечернем блуждании по городу, Блум принимает на себя роль Отца и бросается вслед за ним, дальше на протяжении нескольких эпизодов оберегая и ограждая его от разных опасностей. Чтобы показать дублинский квартал красных фонарей как «дальнюю сторону» из притчи, где сын может предаться пороку и расточительству, Джойс меняет характер повествования. Haider Al-Moosawi, комментируя произошедшие в этом эпизоде формальные изменения, связывает их с желанием Джойса провести таким образом аналогию между состоянием под воздействием алкоголя героев романа и чувством оторванности от родной земли спутников Одиссея, тоже вызванным зельем: «...the hallucinatory imagery of this section is an obvious evocation of the hallucinatory effects of Circe's drugs» («...галлюцинаторные образы этого фрагмента – очевидное напоминание о галлюцинаторном воздействии наркотиков Цирцеи, из-за которых люди потеряли всякую память о своей родине» – *перевод автора*) [24].

Изгнанник как блудный сын – это еще один из распространенных символов современной культуры, новый миф, который концептуализировался и в фактах биографии Джойса. Существенно то, что гомеровский миф об Одиссее, от которого отталкивается Джойс, по наличию мотива изгнания (отсутствия на родной земле) – возвращения, мотива взаимодействия разных поколений частично совпадает с притчей о блудном сыне. В «Улиссе» ситуация изгнания буквально и метафорически дается через исполнение роли блудного сына по отношению к родине: этот «генотип» притчи сохраняется в модификационной модели Джойса.

При всей глобальности проблематики переживания Блума не делают его трагическим персонажем и не превращают из обывателя в героя. То, что он выбирает мятежного Стивена себе в сыновья, выглядит несколько нелепо, так как тот не испытывает ответного интереса, не видит в нем того самого читателя-слушателя-почтателя, который единственный ему нужен. Стивен Дедал, отрекаясь от Отца небесного и отца земного, хочет найти им замену в ком-то, не менее гениальном, чем он сам, ну уж точно не в смешном и нелепом Блуме. Как отмечает Е. Ю. Гениева, «через эту ситуацию ассоциативно проглядывает уже не мифологическая, а современная архетипическая тема – тема “Художника и Толпы”: рядовой обыватель, “everyman” Блум не способен заинтересовать стремящегося к господству над толпой Стивена» [25].

Заключение. Притча как жанр дает идеальный срез взаимоотношения героев, находящихся в определенных статусных отношениях. Для пары Сын – Отец при раскладе, когда первый виновен и осознает свой грех, канонической становится ситуация, когда второй его прощает. Таким образом, отец как идеальный персонаж становится носителем определенных качеств: он априори мудр, терпелив, чадолобив, ответственен за свои поступки и поступки других. Джойс рассматривает ситуацию, когда отец теряет ряд этих качеств, а также ее последствия для Сына. Отец, который проматывает свое имущество, у Джойса – трансформация притчи, где блудным становится Отец, а не Сын. Модели поведения архетипичны, поэтому они сохраняются в романе, как сохраняются и роли, хотя при этом их теперь играют другие участники истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джойс Дж. Улисс: в 2 т. Т. 1 / пер. С. С. Хоружия. М.: АСТ, 2019.
2. Джойс Дж. Улисс: в 2 т. Т. 2 / пер. С. С. Хоружия. М.: АСТ, 2019.
3. Карлик Н. А. Интертекстуальные связи романа А. Нотомб «Сладкая ностальгия» // Верхневолжский филологический вестн. 2018. № 2. С. 177–184. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10048.
4. Карлик Н. А. Вклад Амели Нотомб в литературную имагологию, или своя «чужая» Япония // Номо loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., СПб., 16 апреля 2019 г. Вып. 4. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2019. С. 45–53.
5. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003.
6. Барт Р. Основы семиологии / пер. с фр. Г. К. Косикова // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 114–163.
7. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу / пер. с фр. Е. А. Орловой. М.: Академический проект, 2013.
8. Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. М.: Флинта: Наука, 2012.
9. Кубатиев А. Джойс. М.: Молодая гвардия, 2011.
10. Жилина Н. П., Жилина-Элс Т. Эволюция картины мира Стивена Дедала в романе Дж. Джойса «Портрет художника в юности» // Новый филологический вестн. 2021. № 3 (58). С. 367–381. DOI: 10.54770/20729316_2021_3_367.
11. Шульц С. А. Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, Дж. Джойс: грани преемственности // Литературоведческий журнал. 2020. № 1 (47). С. 20–38. DOI: 10.31249/litzhur/2020.47.02.
12. Wu Xianyou. The Poetics of Foregrounding: The Lexical Deviation in Ulysses // Theory and Practice in Language Studies. 2011. Vol. 1, № 9. P. 1176–1184. DOI: 10.4304/tpsls.1.9.1176-1184.
13. Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства. 2-е изд. СПб., 1913.
14. Rooney S. Misreading Ulysses // The Paris Review. 07.12.2022. URL: <https://www.theparisreview.org/blog/2022/12/07/misreading-ulysses/> (дата обращения: 17.11.2023).
15. McCrea B. Family and form in Ulysses // Field Day Review. 2009. Vol. 5. P. 74–93.
16. Степура С. Н. Переводческая изобретательность VS языковая игра Дж. Джойса на материале переводов восьмого эпизода роман «Улисс» 1920–1930-е гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 454. С. 37–44. DOI: 10.17223/15617793/454/5.
17. Trotta Jo. Creativity, playfulness and linguistic carnivalization in James Joyce's Ulysses. URL: https://www.academia.edu/8402289/Creativity_Playfulness_and_Linguistic_Carnivalization_in_James_Joyces_Ulysses (дата обращения: 17.11.2023).
18. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ.; под ред. В. А. Харитонова. М.: Независимая Газета, 1998.
19. Bertolini C. D. Bloom's death in "Ithaca," or the End of Ulysses // J. of Modern Literature. 2008. Vol. 31, no. 2. P. 39–52.
20. Фрейд З. Введение в психоанализ / пер. с нем. Г. В. Барышниковой. М.: АСТ, 2019.
21. Джойс Дж. Дублинцы / пер. М. П. Богословской и др. М.: Олма-Пресс, 2000.
22. Morrissey T. Joyce's Ulysses as a Catalog of Narrative Techniques for MFA Candidates. 22.02.2022. URL: <https://tedmorrissey.blog/2022/02/22/joyces-ulysses-as-a-catalog-of-narrative-techniques-for-mfa-candidates/> (дата обращения: 17.11.2023).
23. Lukács G. Realism in our time: literature and class struggle / trans. J. & N. Mander. NY.: Harper & Row, 1971.
24. Al-Moosawi H. Intertextuality in James Joyce's Ulysses. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/363539761_Intertextuality_in_James_Joyce%27s_Ulysses (дата обращения: 17.11.2023).
25. Гениева Е. Ю. И снова Джойс... М.: Центр книги Рудомино, 2011.

Информация об авторе.

Карлик Надежда Анатольевна – доктор филологических наук (2013), доцент (2004), профессор кафедры правовых дисциплин Димитровградского инженерно-технологического института НИЯУ МИФИ, ул. Куйбышева, 294, г. Димитровград, Ульяновская обл., 433511, Россия. Автор 59 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, риторика, методология преподавания коммуникационных дисциплин, русская литература, ирландская литература, французская литература, поэтика художественного текста, компаративистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.12.2023; принята после рецензирования 15.01.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Joyce, Ja. (2019), *Ulysses*, in 2nd vol., vol. 1, Transl. by Khoruzhii, S.S., AST, Moscow, RUS.
2. Joyce, Ja. (2019), *Ulysses*, in 2nd vol., vol. 2, Transl. by Khoruzhii, S.S., AST, Moscow, RUS.
3. Karlik, N.A. (2018), "Intertextual Links of A. Nothomb's Novel "Sweet Nostalgia"", *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, no. 2, pp. 177–184. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10048.
4. Karlik, N.A. (2019), "Amelie Nothomb's contribution to literary imagology, or its own "alien" Japan", *Homo loquens: yazyk i kul'tura. Dialog kul'tur v usloviyakh otkrytogo mira* [Homo loquens: language and culture. Dialogue of cultures in an open world], SPb., RUS, April 16, 2019, iss. 4., pp. 45–53.
5. Denisova, G.V. (2003), *V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod* [In the world of intertext: language, memory, translation], Azbukovnik, Moscow, RUS.
6. Barthes, R. (1975), *Le Degré zéro de réécriture, suivi de Cléments de sémiologie*, Transl. by Kosikov, G.K., *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "pros" and "cons"], Progress, Moscow, USSR, pp. 114–163.
7. Kristeva, Ju. (2013), *Sèméiotikè. Recherches pour une sémanalyse*, Transl. by Orlova, E.A., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
8. Goldenberg, A.Kh. (2012), *Arkhetipy v poehtike N. V. Gogolya* [Archetypes in the poetics of N. V. Gogol], Flinta, Nauka, Moscow, RUS.
9. Kubatiev, A. (2011), *Dzhois* [Joyce], Molodaya gvardiya, Moscow, RUS.
10. Zhilina, N.P. and Zhilina-Els, T. (2021), "The evolution of Stephen Dedalus' worldview in James Joyce's "A portrait of the artist as a young man"", *The New Philological Bulletin*, no. 3 (58), pp. 367–381. DOI: 10.54770/20729316_2021_3_367.
11. Shulz, S.A. (2020), "L.N. Tolstoy, I.A. Bunin, J. Joyce: the modes of continuity", *Literaturovedcheskii Zhurnal*, no. 1 (47), pp. 20–38. DOI: 10.31249/litzhur/2020.47.02.
12. Wu, Xianyou (2011), "The Poetics of Foregrounding: The Lexical Deviation in *Ulysses*", *Theory and Practice in Language Studies*, vol. 1, no. 9, pp. 1176–1184. DOI: 10.4304/tpsls.1.9.1176-1184.
13. Rozanov, V.V. (1913), *Lyudi lunnogo sveta. Metafizika khristianstva* [People of the Moonlight. Metaphysics of Christianity], 2nd ed., SPb., RUS.
14. Rooney, S. (2022), "Misreading *Ulysses*", *The Paris Review*, 07.12.2022, available at: <https://www.theparisreview.org/blog/2022/12/07/misreading-ulysses/> (accessed 17.11.2023).
15. McCrear, B. (2009), "Family and form in *Ulysses*", *Field Day Review*, vol. 5, pp. 74–93.
16. Stepura, S.N. (2020), "Translational ingenuity vs James Joyce's language play: based on the translations of episode eight of *Ulysses* (1920s-1930s)", *Tomsk State Univ. J.*, no. 454, pp. 37–44. DOI: 10.17223/15617793/454/5.
17. Trotta, Jo. (n.d.), *Creativity, playfulness and linguistic carnivalization in James Joyce's Ulysses*, available at: https://www.academia.edu/8402289/Creativity_Playfulness_and_Linguistic_Carnivalization_in_James_Joyces_Ulysses (accessed 17.11.2023).
18. Nabokov, V.V. (1998), *Lectures on Literature*, Transl. by Kharitonov, V.A. (ed.), Nezavisimaya Gazeta, Moscow, RUS.

19. Bertolini, C.D. (2008), "Bloom's death in "Ithaca," or the End of Ulysses", *J. of Modern Literature*, vol. 31, no. 2, pp. 39–52.
20. Freud, S. (2019), *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Transl. by Baryshnikova, G.V., AST, Moscow, RUS.
21. Joyce, Ja. (2000), *Dubliners*, Transl. by Bogoslovskaya, M.P., Olma-Press, Moscow, RUS.
22. Morrissey, T. (2022), *Joyce's Ulysses as a Catalog of Narrative Techniques for MFA Candidates*, 22.02.2022, available at: <https://tedmorrissey.blog/2022/02/22/joyces-ulysses-as-a-catalog-of-narrative-techniques-for-mfa-candidates/> (accessed 17.11.2023).
23. Lukács, G. (1971), *Realism in our time: literature and class struggle*, Trans. by J. & N. Mander, Harper & Row, NY, USA.
24. Al-Moosawi, H. (2022), *Intertextuality in James Joyce's Ulysses*, available at: https://www.researchgate.net/publication/363539761_Intertextuality_in_James_Joyce%27s_Ulysses (accessed 17.11.2023).
25. Genieva, E.Yu. (2011), *I snova Dzhois...* [And Joyce again...], Tsentr knigi Rudomino, Moscow, RUS.

Information about the author.

Nadezhda A. Karlik – Dr. Sci. (Philology, 2013), Docent (2004), Professor at the Department of Jurisprudence, Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute of the National Research Nuclear University MEPhI, 294 Kuibyshev str., Dimitrovgrad, Ulyanovsk region 433511, Russia. The author of 59 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, rhetoric, methodology of teaching communication disciplines, Russian literature, Irish literature, French literature, poetic of literary text, comparativistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.12.2023; adopted after review 15.01.2024; published online 23.04.2024.*

Оригинальная статья

УДК 81'272

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-131-142>

Медиатизация ценности «экологическая безопасность» в англоязычных СМИ: корпусный подход

Лариса Анатольевна Кочетова¹✉, Мария Николаевна Орлянская²

¹Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ kochetova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

²mariyaorl@mail.ru

Введение. Актуальность работы обусловлена интересом лингвистики к проблематике дискурсивной медиатизации социально значимых феноменов, в частности экологической безопасности (ЭБ), как важнейшей ценности современного социума. Научная новизна исследования заключается в установлении содержания ценности «экологическая безопасность» на основе систематизации и квантификации семантических полей, соотносимых с основными темами, определяющими интерпретацию этого социально значимого феномена и образующими дискурсивный тезаурус ее объективации в качественных и популярных британских медиа.

Методология и источники. В работе использовались методы корпусной лингвистики и интерпретативный метод дискурс-анализа. Эмпирической базой исследования послужил корпус медийных текстов качественных и популярных СМИ, посвященных проблемам экологической безопасности, объемом более 200 тыс. слов.

Результаты и обсуждение. На основе корпусного анализа выявлены семантические поля, репрезентирующие исследуемый концепт в качественной и популярной британской прессе. Показано, что в медийных нарративах британских СМИ экологическая безопасность тесно ассоциируется с изменением климата и глобальным потеплением. Выявлено, что в нарративах обоих типов СМИ доминируют темы: 1) окружающая среда; 2) наука; 3) политика. Сравнительный анализ показал преобладание в качественных СМИ семантического поля «наука», что указывает на рационально-логические стратегии воздействия на широкую читательскую аудиторию. В текстах популярных СМИ доминирует лексика семантического поля «политика», что свидетельствует о политизированности дискурса экологической безопасности и использовании стратегии эмоционального воздействия на адресата. Оба корпуса акцентируют проблемы изменения климата, связанные с неблагоприятными погодными условиями и экстремально высокими температурами, вместе с тем тексты качественной прессы упоминают температурные аномалии гораздо чаще, что говорит о стремлении вызвать обеспокоенность широкой общественности существующей угрозой и побудить к принятию необходимых мер.

Заключение. Предложенная методика может быть использована в анализе других медийных дискурсивных практик в аспекте их дискурсивно-текстовой организации, в изучении риторической, прагматической и лингвокультурной организации дискурса экологической безопасности с точки зрения социокультурной и идеологической вариативности.

© Кочетова Л. А., Орлянская М. Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: дискурс, медийный дискурс, корпусная лингвистика, метод семантического поля, английский язык

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект No 23-28-00509 «Лингвокультурные характеристики репрезентации социально значимых феноменов в медийном дискурсе: корпусный подход»).

Для цитирования: Кочетова Л. А., Орлянская М. Н. Медиатизация ценности «экологическая безопасность» в англоязычных СМИ: корпусный подход // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 131–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-131-142.

Original paper

Mediatization of the Ecological Security in the English Media: Corpus-Assisted Approach

Larisa A. Kochetova¹✉, Maria N. Orlaynskaya²

¹*Volgograd State University, Volgograd, Russia*

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉*kochetova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>*

²*mariyaorl@mail.ru*

Introduction. The relevance of the work is due to the interest of linguistics in the issues of discursive mediatization of socially significant phenomena in the English-language media, in particular environmental safety as the most important value of modern society. The scientific novelty of the study lies in establishing the content of the value “environmental safety” on the basis of systematization and quantification of semantic fields that are correlated with the main topics that determine the interpretation of this socially significant phenomenon in the British media and form a discourse-based thesaurus of its representation.

Methodology and sources. The paper used corpus linguistics methods and the interpretative method of discourse analysis. The empirical basis of the study was a corpus of media texts of high-quality and popular media devoted to environmental safety issues, the corpus size was more than 200 thousand words.

Results and discussion. Based on corpus analysis, semantic fields were identified that represent the concept under study in the high-quality and popular British press. It is shown that in the media narratives of the British media, ES is closely associated with climate change and global warming. It was revealed that the dominant topics in narratives about environmental security in both types of media are: 1) the environment; 2) science; 3) politics. A comparative analysis of the semantic fields showed the predominance of the semantic field “science” in high-quality media, which indicates rational and logical strategies for influencing a wide readership. In the texts of popular media, the semantic field “politics” dominates, which indicates the politicization of the discourse of environmental safety and indicates a strategy of emotional impact on the addressee. Both corpora emphasize the issues of climate change, related to unfavourable weather conditions and extremely high temperatures, however, high-quality press texts mention temperature anomalies much more often, which indicates an attempt to arouse public concern about the existing threat and encourage the adoption of necessary measures.

Conclusion. The proposed methodology can be used in analyzing the specifics of other media discursive practices in terms of their discursive-textual organization, in studying the rhetorical, pragmatic and linguocultural organization of environmental safety discourse in sociocultural and ideological perspectives.

Keywords: discourse, media discourse, corpus linguistics, the method of semantic field, English language

Source of financing: the work was supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00509 “Linguocultural characteristics of socially relevant phenomena in media discourse: corpus-based approach”).

For citation: Kochetova, L.A. and Orlaynskaya, M.N. (2024), “Mediatization of the Ecological Security in the English Media: Corpus-Assisted Approach”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 131–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-131-142 (Russia).

Введение. Проблематика безопасности, понимаемой как состояние защищенности от угроз жизни, здоровью и благополучию личности и социума, в современном мире имеет множество измерений (см., например, [1]). Безопасность входит в число базовых потребностей, что свидетельствует об особой значимости этого концепта в системе коллективных и индивидуальных ценностей человека. Вместе с тем на каждом этапе развития социума общее представление о безопасности демонстрирует определенную динамику, приобретая новые концептуальные признаки. В современных условиях концепт «безопасность» распадается на множество видов, поскольку данная ценность свойственна исключительно всем сферам жизни общества и ощущается в случае возникновения угрозы и/или нарушения стабильности. Так, масштабное использование информационно-коммуникационных технологий вывело на повестку дня вопрос о безопасности в компьютерно-цифровом пространстве, предоставляющем сегодня особые инструменты сбора, хранения, распространения информации, цифровые средства и каналы институциональной и межличностной коммуникации. Актуальным становится изучение лингвистического аспекта репрезентации дискурсивных практик кибербезопасности в современном дискурсивном пространстве, «целью которых является трансфер знаний о безопасных моделях онлайн-поведения пользователей, стимулирование онлайн-практик, защищающих личное пространство и информацию от посягательств» [2, с. 136].

В последнее время в связи с осознанием социумом возникших вследствие воздействия антропогенного фактора угроз окружающей среде, являющейся необходимым условием нормальной жизнедеятельности человечества, в ценностной картине мира сформировался концепт «экологическая безопасность» как важнейший ориентир поведения, имеющий статус экзистенциальной ценности.

Экологическая безопасность репрезентируется в различных типах дискурса – прежде всего в научном, поскольку именно в нем формируются научные представления об изменениях климата, глобальном потеплении, причинах, вызвавших эти изменения, сценариях развития событий и анализ последствий этих изменений для отдельных стран и народов, их образа жизни. Темы изменения климата и глобального потепления, развития «зеленой» энергетики активно эксплуатируются политиками разных стран в целях воздействия на электорат в ходе политической борьбы за власть. Средства массовой информации интерпретируют различные экспертные оценки, мнения и суждения и транслируют их широкой аудитории, оказывая воздействие на сознание участников медийного дискурса и прямо или косвенно способствуя формированию концептуальных образований в сознании членов дискурсивного сообщества. В результате медиатизации [3], понимаемой как процесс качественных изменений дискурсивного пространства, вызванных влиянием СМИ, которые из институ-

ционального феномена, призванного выполнять информационно-просветительскую функцию, отражая фрагменты действительности, трансформируются в фактор, меняющий социальную реальность, расширяется содержание концептов, появляются дополнительные аксиологические признаки. Как отмечают исследователи, концепты, сформированные в различных институциональных типах общения и имеющие в том числе и терминологическую природу, при форматировании в медиадискурсе существенно усложняют свою концептуальную структуру, «обретают» новые оценки и смыслы [4], трансформируясь в медиаконцепты. Отметим, что по справедливому замечанию Т. Б. Радбиля, различные дискурсивные практики носителей языка, в том числе и медийные, «являются естественной средой языкового воплощения ценностей социума» [5, с. 172], и это выводит в фокус научного исследования изучение специфики языковых механизмов образования ценностных смыслов, что особенно актуально в отношении недавно возникших концептуальных образований, репрезентирующих социально значимые феномены.

Экологическая безопасность тесно связана с понятием окружающей среды, которая является хабитатом человека и изменения которой неизбежно влекут пагубные последствия для всего человечества. Система экологических ценностей охватывает такие вопросы, как охрана среды обитания, сохранение ресурсов, предотвращение рисков и забота о выживании, которые являются фундаментальными основами материальной и духовной жизни общества. В последнее время экологическая безопасность стала одной из ведущих тем СМИ, что привело к формированию соответствующего медиаконцепта, обладающего расширенной концептуальной структурой, которая включает оценки и ценности, управляющие его восприятием и формирующие ориентиры поведения людей. Широкое освещение экологической безопасности в медиапространстве требует описания особенностей механизмов ее медийной репрезентации, раскрывающих специфику содержания и определяющих восприятие этого феномена непрофессиональной читательской аудиторией.

Дискурсивный анализ, рассматриваемый как «интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функций и ситуативной, социокультурной обусловленности» [6, с. 99], традиционно полагается на качественные, использующие эпистемологический подход методы, позволяющие осмыслить социальные процессы, а следовательно и языковой материал «только через интерпретацию того, как люди понимают окружающий мир и выражают свое понимание при помощи языка» [7, с. 12]. В последнее время в изучении коммуникативных феноменов: текстов, дискурсов, жанров, все чаще применяется методология корпусной лингвистики, основанная на извлечении количественных данных об употреблении языковых единиц и структур из большого массива текстов и (см., напр, [8–15]). Отмечая преимущества применения корпусной методологии в дискурсивном анализе, В. Е. Чернявская указывает, что «корпусные методы связываются с достижением доказательности в интерпретативных концепциях, преодолением тенденциозности и избирательности подходов» [16, с. 31]. Особо следует отметить, что корпусная лингвистика позволяет выявить типичные языковые структуры и продемонстрировать тенденции в их использовании, которые достаточно сложно определить традиционными способами.

Цели данной работы – методами корпусной лингвистики установить семантическую специфику тезауруса дискурсивных практик медиарепрезентации экологической безопасно-

сти на основе систематизации и квантификации образующих его семантических полей, раскрыть тематическое своеобразие медийных сообщений об экологической безопасности и выявить особенности ее интерпретации в англоязычных качественных и популярных СМИ.

Методология и источники. На первом этапе исследования мы составили корпус медийных текстов, посвященных проблематике экологической безопасности, размещенных на сайтах британских качественных и популярных периодических изданий с 2021 по 2023 гг., которые были отобраны случайным образом. Структура и количественные данные об анализируемых корпусах представлены в табл. 1.

Таблица 1. Структура корпуса на тему экологической безопасности в британском медийном дискурсе
Table 1. The structure of the environmental security corpus in British media discourse

Качественная пресса	Кол-во слов	Среднее кол-во слов	Кол-во текстов	Таблоиды	Кол-во слов	Среднее кол-во слов	Кол-во текстов
Guardian	30 892	936	33	Daily Mail	38 565	803	48
Independent	38 380	710	54	Daily Mirror	32 509	625	52
Observer	38 062	731	52	Sun	33 658	647	52
Всего	107 334	792,33	139	Всего	104 732	691,66	152

Размер текстов в каждом корпусе варьируется: в популярной прессе находится в диапазоне от 180 до 2300 слов, а в корпусе качественной прессы – от 300 до 3000 слов. LancsBoxX (3.0.0) предлагает функцию визуализации размера текстов, которые представлены на графике в виде кружков различного размера, соотносящихся с размером текста: чем больше размер кружка, тем больше слов включает текстовый образец. Таким образом, график позволяет оценить количественное соотношение текстов различного размера. Графики визуализации размера текстов в каждом из исследуемых подкорпусов представлены на рис. 1 и 2.

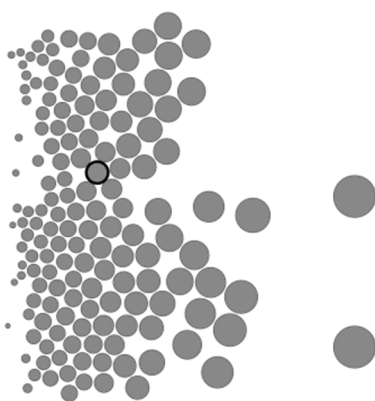

Рис. 1. Распределение текстов в корпусе качественной прессы британских СМИ в соответствии с размером текста
Fig. 1. Distribution of texts according to text size in the corpus of quality British media

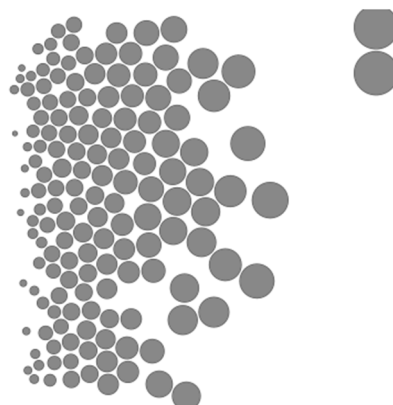

Рис. 2. Распределение текстов в корпусе популярной прессы британских СМИ в соответствии с размером текста
Fig. 2. Distribution of texts according to text size in the corpus of British popular media

Исследование базируется на корпусном методе выделения семантических полей, который используется для анализа содержательного наполнения текстов, репрезентирующих дискурс экологической безопасности в англоязычном социуме. В целях извлечения доминирующих семантических полей исследуемых корпусов также использовался корпусный менеджер LancsBoxX (Version 3.0.0) [17].

LancsBoxX (Version 3.0.0) отличается от других инструментов корпусного анализа тем, что позволяет проводить семантическую разметку корпуса на основе системы UCREL (USAS). Данная система семантического анализа представляет собой классификацию словарного состава английского языка в виде иерархически организованной системы семантических категорий, состоящей из 21 основного семантического домена, которые далее подразделяются на 232 семантические категории. LancsBoxX (3.0.0) может выполнять автоматический семантический анализ и проводить сравнение содержания корпусов. В целях выявления наиболее важных тем/темы двух корпусов осуществлялся последовательный поиск семантических категорий в каждом из них. Далее мы выявили 20 наиболее значимых семантических полей и провели сравнительный анализ двух корпусов, позволяющий установить специфику медиатизации ценности в различных видах СМИ. Более детальный анализ семантических категорий проводился на основе тщательного изучения входящих в их состав наиболее часто используемых слов и их коллокатов, а также контекстов употребления.

Результаты и обсуждение. В дискурсивной интерпретации экологической безопасности значимой для реконструкции дискурсивного тезауруса является концепция семантического поля, представляющего собой «набор лексем, которые охватывают некоторую концептуальную область и состоят в определенных отношениях друг с другом» [18]. Как указывалось выше, LancsBoxX (3.0.0) позволяет провести семантическое аннотирование корпуса и выделить группы лексики, объединенные общим семантическим компонентом. В табл. 2 представлены основные семантические поля дискурсивной практики ЭБ в качественных и популярных СМИ британского медиадискурса, расположенные в порядке убывания частоты в каждом из двух подкорпусов. Мы также анализируем распределение семантических классов слов в текстах, т. е. степень равномерности вхождения слова (группы слов) в корпусе [19]. Простейшей мерой дисперсии является диапазон, т. е. количество частей корпуса, в которых встречается рассматриваемый элемент, здесь a , который вычисляется как в (1) : (1) диапазон: количество частей, содержащих a . Пусть a встречается в пяти текстах, тогда $a = 5$. В табл. 2 указан диапазон, т. е. количество текстов, содержащих лексемы соответствующего семантического класса, а также нормализованная (относительная) частота вхождения (ОЧ) семантического класса в корпус в расчете на миллион слов.

Таблица 2. Семантические классы слов в корпусе дискурсивных практик экологической безопасности с указанием относительной частоты (ОЧ) и диапазона текстов

Table 2. Semantic classes of words in the corpus of environmental security with relative frequency (RF) and range of texts

Качественная пресса			Популярная пресса		
Семантический класс	ОЧ	Кол-во текстов	Семантический класс	ОЧ	Кол-во текстов
Погода	14 552.9	137/139	Погода	6612.70	148/152
Причинно-следственная связь	7071.67	130/139	Причинно-следственная связь	5362.91	136/152
Географические реалии	6562.00	126/139	Время: прошлое	4439.55	115/152
Время: будущее	6006.83	125/139	Время: будущее	4420.0	127/152
Время: прошлое	4832.76	106/139	Локации	3982.54	117/152
Локации	4368.60	111/139	Географические реалии	3768.02	102/152
Температура	2602.96	60/139	Политика	2079.87	62/152

Окончание таблицы 2
End of table 2

Качественная пресса			Популярная пресса		
Семантический класс	ОЧ	Кол-во текстов	Семантический класс	ОЧ	Кол-во текстов
«Зеленые» проблемы	2375.43	84/139	«Зеленые» проблемы	2061.22	101/152
Ущерб/разрушение	2093.29	91/139	Пища	1902.56	59/152
Экономический ущерб	1811.15	67/139	Ущерб/разрушение	1697.48	77/152
Вещества и материалы	1729.24	70/139	Экономический ущерб	1445.65	63/152
Наука и технологии	1665.53	71/139	Транспорт	1259.12	69/152
Транспорт	1574.52	66/139	Здания и сооружения	1147.20	49/152
Растения	1501.71	40/139	Энергия	1128.54	48/152
Пища	1392.49	46/139	Вещества и материалы	1100.56	57/152
Исследование, анализ, мониторинг	1374.29	77/139	Исследование, анализ, мониторинг	960.66	58/152
Сельское хозяйство и садоводство	1246.87	46/139	Сельское хозяйство и садоводство	830.08	41/152
Здания и сооружения	1201.37	64/139	Температура	820.76	28/152
Энергия	1183.16	56/139	Правительство	774.12	44/152
Политика	1174.06	43/139	Растения	680.86	28/152
Правительство	336/75	20/139	Наука и технологии	643.55	34/152
Кол-во текстов	–	139	Кол-во текстов	–	152

В табл. 2 показаны 20 наиболее значимых семантических полей в исследуемых корпусах, в число которых входят «Погода» (*climate, weather, wind, flooding, drought, storm, heat-wave* и др.), «Наука и технологии» (*scientific, science, experiment, technology, technological* и др.), «Зеленые проблемы» (*nature, polluting, eco-system, environment, pollution, conservation, air, ecology, ecological, eco, deforestation* и др.), «Географические термины» (*mountain, caves, slopes, gasts, glaciers* и др.), «Вещества и материалы: газ» (*gas, air, carbon dioxide, CO2, helium, methane*), «Температура» (*temperature, melt, heat, Farenheit, fire*), «Локации» (*countries, regions, territories, cities, sites, places, areas*); «Правительство» (*Parliament, Commons, regime, official, the House of Lords, pact, governance* и др.); «Ущерб/разрушение» (*slash, destruction, apocalyptic, devastating, damage, erode, erosion* и др.); «Потеря финансов» (*loss, pay, spending, expenditure* и др.); «Политика» (*polling, Conservative, vote, Tories* и др.); «Пища» (*food, meat, cookies, recipies* и др.); «Сельское хозяйство и садоводство» (*cultivation, harvest, crops, farmland, livestock, plant* и др.); «Исследование, анализ, мониторинг» (*analyse, analysis, research, investigation, monitoring, review, scrutinize* и др.); «Время: прошлое» (*yesterday, last, history, past, already* и др.); «Время: будущее» (*now, updated, yet, today* и др.); «Причина и следствие/связь» (*due to, as a result of, related, dependent* и др.). Как показывает статистика, эти семантические классы слов распределены в корпусе неравномерно и могут встречаться в определенных комбинациях, формируя модели дискурсивного медиаконструирования ЭБ. Так, наиболее равномерной дистрибуцией обладают семантические поля «Погода», которые встречаются в 98 % текстов качественной прессы и 97 % текстов популярной прессы; упоминание экстремально высоких температур преобладает в качественной прессе: 43 % по сравнению с 18 % в популярной прессе; лексика с семантикой причинно-следственных изменений обнаруживается в 93 % и 89 % текстов соответственно. В то же время упоминание

науки и технологий встречается в половине текстов качественных СМИ и только в 22 % текстов популярных СМИ. Упоминание политических сил, правительственных органов, выборов, опросов и прочего более свойственно популярному дискурсу: 40,7 % по сравнению с 30,9 % в качественных СМИ. Отрицательное оценочное семантическое поле «Ущерб/разрушение» в текстах качественных СМИ используется приблизительно на четверть чаще, чем в текстах популярной прессы (65 % и 50 % соответственно); в то же время негативно оцениваемая лексика со значением «Экономический ущерб» присутствует в разных типах СМИ примерно в одинаковой пропорции: 48 % текстов качественной прессы и 41 % текстов популярной прессы. В обоих подкорпусах примерно в половине текстов упоминаются газы, что указывает на причины возникающих угроз для экологической безопасности; одна треть текстов в обоих подкорпусах содержит лексические единицы, относящиеся к семантическому классу «Сельское хозяйство и садоводство».

Как показывает анализ данных табл. 2, общими темами качественных и популярных СМИ являются следующие: 1) окружающая среда, представленная семантическими полями «Погода», «"Зеленые" проблемы», «Вещества и материалы», «Температура», «Географические реалии», «Сельское хозяйство и садоводство», «Растения»; 2) политика, репрезентируемая лексемами *authorities, government, bureaucracy, Parliament, the House of Commons* и др.; 3) наука, включающая такие частотные лексемы, как *scientific, technology, technologies, scientists, science*, а также слова с семантикой проведения исследований, наблюдения, мониторинга: *investigate, explore, analyse, survey* и др.

Оба вида СМИ акцентируют значимость темы «Окружающая среда», в реализации которой важную роль играют лексические единицы с семантикой изменения, образующие следующие коллокации: *climate change, global warming, rise in temperature, sea-level rise, increase in the frequency of disasters* и др.; а также лексика с семантикой разрушения: *destroy, devastate, damage, collapse, harm* и др., сигнализирующая о последствиях глобальных изменений климата. Тексты обоих корпусов содержат отсылки к потере материальных ресурсов и влиянию изменений климата на сельское хозяйство, экономику и качество жизни в целом. Оба корпуса содержат семантические поля, включающие лексику, указывающую на причинно-следственные связи между изменениями климата и негативными или социально неодобряемыми явлениями: *climate-related poverty, heat-related deaths, linking many extreme weather disasters to the climate crisis*, а также семантические поля «Энергия» и «Вещества и материалы», номинирующие основные причины климатических изменений: *gas emissions, fossil fuel*.

Тема «Политика» в обоих корпусах реализуется коллокациями *general election, climate demonstration, political movement, political conflict, political debate, political promises, human rights, voting groups, parliamentary commission* и др. В текстах подчеркивается роль государственных и политических структур, общественных объединений в решении проблем экологической безопасности. Тема «Наука и технологии» включает коллокации: *new technologies, permafrost research, polar research, scientific journal, satellite images* и др.

Сравнительный анализ двух корпусов показывает, что, несмотря на то, что в обоих корпусах акцентируются изменения климата, погоды и экстремально высокие температуры, тексты качественной прессы упоминают температурные аномалии гораздо чаще, а это говорит о стремлении вызвать обеспокоенность широкой общественности и побудить ее к дей-

ствию. В текстах качественных СМИ в большей степени представлены лексические единицы семантического поля «Наука», ориентированные на научную тематику, результаты исследований, данные мониторинга, что демонстрирует использование рациональной аргументации, основанной на научных доказательствах, в поддержку необходимости принятия мер по обеспечению экологической безопасности: *“the new study, researchers discussed the high probability that no chicks had survived from four of the five known emperor penguin colonies in the central and eastern Bellingshausen Sea. [...] They examined satellite images that showed the loss of sea ice where the animals go to have their young, well before chicks would have developed waterproof feathers”* [20].

В популярной прессе преобладает лексика семантических полей «Политика» и «Правительство», что свидетельствует о политизированности дискурсивной практики, как, например, следующий текст, опубликованный на сайте газеты The Sun: *“THE Bank of England’s commitment to net zero makes it worse at fighting inflation, its former chief has claimed. Financier Lord King, 75, said making climate change a consideration in policymaking was the “straw [that] breaks the camel’s back”. Lord King said making climate change a consideration in policymaking was the ‘straw [that] breaks the camel’s back’. In an interview, he said the Bank can “do nothing about climate change” and said “arbitrary dates for outlawing gas boilers and petrol cars made no sense”* [21].

Текст цитирует лорда Кинга, который считает проведение «зеленой» политики пагубным для экономики, считая ее чрезмерной нагрузкой на бизнес и сравнивая с соломинкой, сломавшей спину верблюда, предупреждая о тщетности усилий одиночных организаций в обеспечении экологической безопасности, апеллируя к чувству страха адресата перед экономическими проблемами и оказывая на него эмоциональное воздействие.

Заключение. Таким образом, методами корпусной лингвистики устанавливается специфика медиарепрезентации ЭБ в различных сегментах СМИ, таких как популярные и качественные издания. Специфика медиатизации экологической безопасности выявлялась на основе применения корпусного метода анализа семантических полей, позволяющего реконструировать дискурсивный тезаурус корпуса, определить его содержательную специфику и выявить черты его системной организации. Сравнительный анализ позволил определить специфику медийной репрезентации исследуемой ценности в качественных и популярных СМИ.

Установлено, что дискурсивные практики экологической безопасности включают следующие тематические области: 1) окружающая среда, репрезентируемая лексическими единицами семантических полей «Погода», «”Зеленые” проблемы» «Вещества и материалы», «Температура», «Географические реалии», «Сельское хозяйство и садоводство», «Растения», которые дополняются и обогащаются за счет лексических единиц семантического поля «Ущерб/разрушение», «Экономические потери» и др. Присутствие коллокаций *gas emissions, fossil fuel* и других, принадлежащих семантическим полям «Вещество и материалы», «Энергия», указывают на причины угрозы экологической безопасности и предполагают действия, необходимые для улучшения ситуации, передаваемые лексемами *limit, phase out, phase down* и некоторыми другими; 2) политика, представленная лексикой, обозначающей политические партии, движения, политических деятелей; 3) наука, содержащая отсылки к результатам исследований, экспериментов и наблюдений.

Показано, что, в отличие от качественной прессы, в которой большое внимание уделяется научным данным, доказывающим необходимость принятия мер по преодолению угроз экологической безопасности и оказывающих рациональное воздействие на читательскую аудиторию, в популярных СМИ тема «Политика» доминирует над темой «Наука», что говорит о выраженной идеологической составляющей популярного медиадискурса и его стремлении оказать эмоциональное воздействие на читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова М. П. Концепт «SAFETY/SECURITY» в английской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2021.
2. Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю. Лингвокультурная специфика репрезентации дискурсивных практик кибербезопасности в русскоязычном медийном дискурсе: корпусный подход // Научный диалог. 2023. № 12 (3). С. 134–152. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152.
3. Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 66–73.
4. Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 69–85. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85.
5. Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) // Научный диалог. 2023. № 12 (6). С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
7. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011.
8. Baker P. Using Corpora in Discourse Analysis. London: Continuum, 2006.
9. Baker P., McEnery T. Corpora and Discourse Studies: Integrating Discourse and Corpora. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
10. Gabrielatos C. Corpus Approaches to Discourse Studies: The basics // Discourse & Communication Studies Research Team, Örebro, 12 September, 2014 / Örebro. Univ. Örebro, 2014. P. 87–124.
11. Mautner G. Corpora and critical discourse analysis // Contemporary approaches to corpus linguistics / P. Baker (ed.). London: Continuum, 2009. P. 32–46.
12. Partington A. Corpora and discourse, a most congruous beast // Corpora and Discourse / A. Partington, J. Morley, P. Bayley (eds.). Bern: Peter Lang, 2004. P. 11–20.
13. Partington A. Mind the gaps. The role of corpus linguistics in researching absences // International J. of Corpus Linguistics. 2014. Vol. 19, iss. 1. P. 118–146. DOI: <https://doi.org/10.1075/ijcl.19.1.05par>.
14. Stubbs M. Whorf's children: critical comments on critical discourse analysis // Evolving Models of Language / A. Wray, A. Ryan (eds.). Clevedon: Multilingual Matters, 1997. P. 100–116.
15. Stubbs M., Gerbig A. Human and Inhuman Geography: on the computer-assisted analysis of long texts // Data, Description, Discourse: Papers on the English Language in Honour of John McN Sinclair on his Sixtieth Birthday / M. Høye (ed.). London: Harper Collins, 1993. P. 64–85.
16. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественных и количественных подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2 (55). С. 31–37.
17. Brezina V. et al. #LancsBoxX [software], 2023 // Lancaster University. URL: <http://lancsbox.lancs.ac.uk> (дата обращения: 21.01.2023).
18. Lehrer A. The influence of semantic fields on semantic change // Historical Semantics. Historical Word-Formation / J. Fisiak (ed.). Berlin; NY; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1985. P. 283–296.

19. Gries St. Th. Analyzing Dispersion // A Practical Handbook of Corpus Linguistics / M. Paquot, St. Th. Gries (eds.). Cham: Springer, 2020. P. 99–118. DOI: 10.1007/978-3-030-46216-1_5.

20. Massey N. Antarctic sea ice loss causes unprecedented emperor penguin breeding failure // The Independent. 24.08.2023. URL: <https://www.independent.co.uk/climate-change/news/emperor-penguins-antarctic-antarctic-peninsula-british-antarctic-survey-southern-ocean-b2398825.html> (дата обращения: 21.01.2023).

21. Godfrey T. 'NO EXCUSE' Bank of England's commitment to net zero is 'fuelling inflation', claims its former chief // The Sun. 09.09.2023. URL: <https://www.thesun.co.uk/money/23882457/bank-of-england-net-zero-target-fuelling-inflation> (дата обращения: 21.01.2023).

Информация об авторах.

Кочетова Лариса Анатольевна – доктор филологических наук (2013), профессор (2021), ведущий научный сотрудник, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета, Университетский пр., д. 100, г. Волгоград, 400062, Россия; профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, дискурс, аксиологическая лингвистика, корпусная лингвистика.

Орлянская Мария Николаевна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор одной научной публикации. Сфера научных интересов: лингвокультурология, стилистика, дискурс, корпусная лингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 02.02.2024; принята после рецензирования 26.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.

REFERENCES

1. Efremova, M.P. (2021), "Concept "SAFETY/SECURITY" in the English language picture of the world", Abstract. of Can. Sci. (Philology) dissertation, SPbSEU, SPb., RUSS.
2. Kochetova, L.A. and Ilyinova, E.Yu. (2023), "Linguocultural Specifics of Cybersecurity Discursive Practices Representation in Russian Media Communication: Corpus-Assisted Approach", *Nauchnyi dialog*, no. 12 (3), pp. 134–152. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152.
3. Klushina, N.I. (2014), "Mediatization of modern culture and Russian national style", *Russian speech*, no. 1. pp. 66–73.
4. Kondratyeva, O.N. and Ignatova, Yu.S. (2021), "Strategies for the Mediatization of Legal Concepts in Russian Mass Media of XXI Century (Concept LEGITIMACY)", *Nauchnyi dialog*, no. 3, pp. 69–85. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85.
5. Radbil, T.B. (2023), "Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme 'po-khoroshemu')", *Nauchnyi dialog*, no. 12 (6), pp. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
6. Makarov, M.L. (2003), *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory], Gnozis, Moscow, RUSS.
7. Leontovich, O.A. (2011), *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Methods of communication research], Gnozis, Moscow, RUSS.
8. Baker, P. (2006), *Using Corpora in Discourse Analysis*, Continuum, London, UK.

9. Baker, P. and McEnery, T. (2015), *Corpora and Discourse Studies: Integrating Discourse and Corpora*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
10. Gabrielatos, C. (2014), "Corpus Approaches to Discourse Studies: The basics", *Discourse & Communication Studies Research Team*, Örebro, 12 September, 2014, SWE, pp. 87–124.
11. Mautner, G. (2009), "Corpora and critical discourse analysis", *Contemporary approaches to corpus linguistics*, in Baker, P. (ed.). Continuum, London, UK, pp. 32–46.
12. Partington, A. (2004), "Corpora and discourse, a most congruous beast", *Corpora and Discourse*, in Partington, A., Morley, J. and Bayley, P. (eds.), Peter Lang, Bern, CHE, pp. 11–20.
13. Partington, A. (2014), "Mind the gaps. The role of corpus linguistics in researching absences", *International J. of Corpus Linguistics*, vol. 19, iss. 1, pp. 118–146. DOI: <https://doi.org/10.1075/ijcl.19.1.05par>.
14. Stubbs, M. (1997), "Whorf's children: critical comments on critical discourse analysis", *Evolving Models of Language*, in Wray, A. and Ryan, A. (eds.), Multilingual Matters, Clevedon, UK, pp. 100–116.
15. Stubbs, M. and Gerbig, A. (1993), "Human and Inhuman Geography: on the computer-assisted analysis of long texts", *Data, Description, Discourse: Papers on the English Language in Honour of John McH Sinclair on his Sixtieth Birthday*, in Hoyer, M. (ed.), Harper Collins, London, UK, pp. 64–85.
16. Chernyavskaya, V.E. (2018), "Missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies", *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2 (55), pp. 31–37.
17. Brezina, V. et al. (2023), "#LancsBoxX [software]", *Lancaster University*, available at: <http://lancsbox.lancs.ac.uk> (accessed 21.01.2023).
18. Lehrer, A. (1985), "The influence of semantic fields on semantic change", *Historical Semantics. Historical Word-Formation*, in Fisiak, J. (ed.), Mouton de Gruyter, Berlin, NY, Amsterdam, GER, pp. 283–296.
19. Gries, St.Th. (2020), "Analyzing Dispersion", *A Practical Handbook of Corpus Linguistics*, in Paquot, M. and Gries, St.Th. (eds.), Springer, Cham, CHE, pp. 99–118. DOI: 10.1007/978-3-030-46216-1_5.
20. Massey, N. (2023), "Antarctic sea ice loss causes unprecedented emperor penguin breeding failure", *The Independent*, 24.08.2023, available at: <https://www.independent.co.uk/climate-change/news/emperor-penguins-antarctic-antarctic-peninsula-british-antarctic-survey-southern-ocean-b2398825.html> (accessed 21.01.2023).
21. Godfrey, T. (2023), 'NO EXCUSE' Bank of England's commitment to net zero is 'fuelling inflation', claims its former chief", *The Sun*, 09.09.2023, available at: <https://www.thesun.co.uk/money/23882457/bank-of-england-net-zero-target-fuelling-inflation> (accessed 21.01.2023).

Information about the authors.

Larisa A. Kochetova – Dr. Sci. (Philology, 2013), Professor (2021), Leading Researcher, Professor at the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics, Volgograd State University, 100 Prospect Universitetskyy, Volgograd, 400062, Russia; Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: linguoculturology, discourse, axiological linguistics, corpus linguistics.

Maria N. Orlaynskaya – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of one scientific publication. Area of expertise: linguoculturology, stylistics, discourse, corpus linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 02.02.2024; adopted after review 26.02.2024; published online 23.04.2024.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;

– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);

– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,*
Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,*
E. A. Ushakova
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 22.04.24. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 19,11. Печ. л. 18,5. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 52.
Цена свободная.

Signed to print 22.04.24. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 19,11. Conventional printed sheets 18.5. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 52.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56

Журнал «Дискурс» издается
по тематическим направлениям
в соответствии с тремя группами
специальностей научных работников:

■ **Философия**

■ **Социология**

■ **Языкознание**